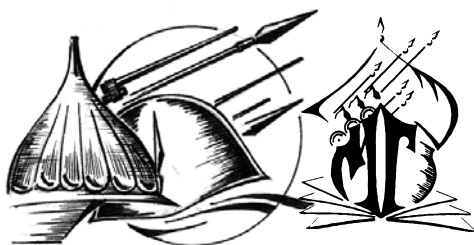

Россия, Русь! Храни себя, храни!

4
2017

Союз писателей России

**Ежемесячный литературно-художественный
и общественно-политический журнал**

Основан в 1922 году

В НОМЕРЕ:

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

- Валерий КИРИЛЛОВ. **Заколосится ли рожь у околицы?** 3
Анатолий ФИЛАТОВ. **О проблемах и задачах
Русского мира** 89
Игорь ЯНИН. **«Ильич» и Троцкий** 138
Александр РУСИН. **«Демократическая свобода»** 176
Ростислав ИЩЕНКО. **Котлета по-киевски** 181

ПРОЗА

- Владимир ПРОНСКИЙ. **Послушание во славу.** Роман 15
Дмитрий ВОРОНИН. **Рассказы** 99
Евгения ДЕКИНА. **Семь лет любви.** Рассказ 155

ПОЭЗИЯ

- Владимир КОРНИЛОВ. **Просо вызревших звёзд.** Стихи 82
Сергей АГАЛЬЦОВ. **Тихая деревня.** Стихи 127
Сергей ПАНФЁРОВ. **Свой час для покаянья.** Стихи 134
Светлана СУПРУНОВА. **Пародии** 166

РУССКИЙ МИР

- Владимир ЮДИН. **Русские гении** 191
Андрей СОШЕНКО. **Нужен закон «о русской нации»** 198

УРОКИ ИСТОРИИ

- Андрей ИВАНОВ. **Еще один «спаситель» России** 203

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

- Валерий ХАТЮШИН. **Протуберанцы**. Размышления
и воспоминания. Продолжение 217

ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ

- Андрей АНТОНОВ. **Центр разрушителя страны** 251
Александр ГОРБАТОВ. **Долгое эхо чёрного декабря** 255
Владимир СМЫК. **Битва за детей** 259
Павел СУШКОВ. **Мамы за деньги** 264

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АРХИВ

- Валерий ХАТЮШИН. **Памяти Татьяны** 269
Татьяна ГЛУШКОВА. **Стихи** 275

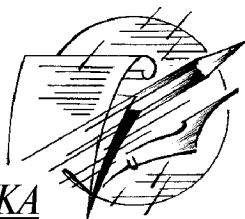
ЗАКОЛОСИТСЯ ЛИ РОЖЬ У ОКОЛИЦЫ?

Взгляд из русской провинции

Иди, «куда хошь»

Издравле русский человек относился к земле как к Богом данной святости, называл ее «матушкой», «кормилицей», видел в ней опору. Лишение ее этого ореола превращение в товар, которым можно торговать, как, скажем, овощами или консервами на развале, нанесло мощный удар по русскому национальному самосознанию, выбив из-под него традиционную почву. Еще в 1882 году Г.И. Успенский в очерке «Власть земли», напечатанном в журнале «Отечественные записки», отмечал: «Оторвите крестьянина от земли, от тех забот, которые она налагает на него, от тех интересов, которыми она волнует крестьянина, — добейтесь, чтоб он забыл «крестьянство», — и нет этого народа, нет народного мирозерцания, нет тепла, которое идет от него. Останется один пустой аппарат пустого человеческого организма. Настанет душевная пустота, «полная воля», то есть неведомая пустая даль, безграничная пустая ширь, страшное «иди, куда хошь».

Эти строки родились в годы, когда помещичьи земли массово прибирали к рукам российские купцы и хлынувший

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

из Европы капитал Берлинов, Зеликсонов и др. На западе Тверской области ими были скуплены десятки тысяч десятин сельхозугодий, принадлежавших помещикам Кушелевым, Челищевым, Голенищевым-Кутузовым, Шереметевым. Одновременно разорялись деревенские низы, хотя значительная часть подворий устояла. В целом кризис не был разрешен. Больше того, осуществляемая за счет общины столыпинская реформа его обострила, приведя Россию, как считает историк Игорь Фроянов, «на край революционной бездны, а мировая война опрокинула ее туда». Казалось бы, учитывая уроки столыпинского эксперимента, бери полезное из чаяновской идеи семейно-трудового хозяйствования и создания на этой основе кооперативов, анализируй плюсы и минусы советской коллективизации и иди дальше.

Но современные либералы дальше не пошли, противореча естественным законам развития, вернулись назад, к тому, против чего предостерегал Успенский. Среди них были не только знающие толк в сельском хозяйстве циники, пожалавшие «нарубить бабла» но и одержимые той же мыслью дилетанты. Последних, пожалуй, было даже больше, и зачастую они выдвигались на руководящие должности. Мне рассказывали, как начальник аграрного департамента на совещании желал руководителям хозяйств, чтобы их «комбайны успешно пахали».

Осуществленное либеральными «пахарями» очередное отлучение крестьян от земли с убиением колхозов и совхозов привело, с одной стороны, к наиболее массовому вырождению крестьянства, запустению пашни, а с другой — к образованию паразитического сословия латифундистов. Механизм прост: приобрел несколько десятков, а то и сотен земельных паев по 8—10 тысяч рублей за пай, перепродал их по сто пятьдесят долларов за сотку, и ты уже рублевый миллионер, а то и миллиардер, могущий до вековой старости безбедно жить на проценты, еще и наследникам останется.

Кроме всего прочего, проведенная таким образом земельная «реформа» породила в сфере землепользования несусветный беспорядок. Одни владельцы паев имитируют сельскохозяйственную деятельность, другие, пользуясь коррупционностью чиновничества, переводят сельхозугодья в иную категорию — чаще всего под индивидуальную застройку, третьи, умирая, не оставляют наследников, четвертые дарят пай пятым, а те отбывают за границу, так что и концов никаких не найдешь.

Продекларированное изъятие неиспользуемых земель не меняет существа дела. Ведь какой выход предлагается? Выс-

тавление их на аукцион, то есть очередной передел частного собственности, хотя вряд ли найдется много желающих покупать площади, за двадцать пять лет заросшие бурьяном и мелколесьем. Недавно узнал, как тверской латифундист, в свое время прибравший к рукам крестьянские пай на десятки тысяч гектаров, пытается от них избавиться из-за возросших налогов, но покупателей не находится. Если и найдутся, в лучшем случае новый собственник использует землю для кредитно-банковских манипуляций или перепродажи ее через «дочерние» и «внучатые» фирмы иностранцам.

На это счет у меня есть «барометр» — огромные не возделываемые поля возле деревни Луги, скупленные за бесценок одним из московских богачей. Думаю, при существующих порядках суждено им пустовать и впредь. И причиной тому будет извечная российская беда, когда высшее должностное лицо, исходя из благих помыслов, делает «замах на рубль», а на выходе получается «удар на копейку» или даже менее того, что дискредитирует в глазах народа принятые этим лицом решения, показывая, что «хозяин в доме» — российская бюрократия. Созданная крупным капиталом, действующая в его интересах, она способна так провести, отфильтровать, выхолостить любое решение высшего должностного лица, что он будет стопроцентно соответствовать интересам не народа, а этого капитала и обсуживающей его интересы бюрократии.

Судя по всему, незавидная судьба ожидает и другое разрекламированное благодеяние нашей власти — предоставление в бесплатное пользование «дальневосточного гектара». Чтобы полноценно на нём хозяйствовать, нужна инфраструктура. Кто будет ее создавать? Думается, единственный способ наведения порядка в землепользовании и искоренения латифундизма — национализация земли с учетом того, что хозяйствование на ней не может быть успешным, если оно не учитывает цивилизационные особенности русского народа. Речь идет о его тяге к коллективизму, социальной справедливости, стремлении служить общественному благу. Нежелание власти опираться на эти особенности, непонимание того, что «в России центр — на периферии» (В.О. Ключевский) и что в связке «государство—народ» государство имеет подчиненный по отношению к народу характер, лишает нашу деревню устойчивой перспективой.

Ожидание чуда

«Кто сеет хлеб, тот сеет правду», — говорили раньше русские люди. Справедливые слова. Русский мир не может быть

чистым и честным без честной работы на земле. Судя по цифрам, честностью либералы не озабочены. В 70-е и 80-е годы в Калининской (ныне Тверской) области зерна ежегодно собирали до 1 миллиона т (и более). Например, в 1986 году было собрано 1 миллион 146 тысяч т. А что теперь? 2014-й год — 108 тысяч т, 2015-й — 115 тысяч т. Немногим отличается результат 2016 года. Из севооборота выведены многие тысячи гектаров некогда возделываемой пашни. По стране этот показатель, как пишут газеты и утверждают политики, достигает 40 миллионов гектаров.

Жизнь показала: частник, даже если он придерживается патриотических убеждений, решает сельские проблемы лишь частично, руководствуясь интересами своего бизнеса. Не следует его за это осуждать, больше того, его надо за это поощрять, так как бизнес на земле занятие рисковое. В целом лозунг либералов «рынок всё расставит» себя не оправдал, да и не мог оправдать в такой огромной по территории стране, как Россия. Поэтому нельзя игнорировать советский опыт гармоничного развития сельских территорий. В середине 50-х, совсем еще мальчишка, я жил в деревне Быстри, центре колхоза имени Молотова из четырех деревень, где председательствовал мой отец. На колхозных землях действовали школа, клуб, библиотека, почта, магазин, фельдшерский пункт, маслозавод, пилорама, пекарня, кузница. Похожая картина была в других хозяйствах. Государственными организациями, а также хозяйственным способом строились фермы, жилье, склады, машинные дворы, детские сады. Колосилась рожь на полях, паслись на лугах стада. А народ какой был работающий, энергичный!

В праздники Победы 9 Мая и Великого Октября на демонстрацию даже в самом малом райцентре России выходили тысячи людей. В Андреаполе, с 9-тысячным населением, под оркестр, с транспарантами, шли коллективы леспромхоза, деревообрабатывающего комбината, известкового завода, маслозавода, межколхозлесхоза, сельхозтехники, сельхозхимии, производственной мелиоративной колонны, строительных организаций. Еще в конце 80-х с железнодорожной станции Андреаполь ежемесячно отправлялись до 1600 вагонов с продукцией местных промышленных и сельскохозяйственных предприятий. Не меньшая интенсивность отгрузки была на станциях Пено, Торопец, Осташков, Фирово... Помимо грузовых поездов, по «железке» курсировали пассажирские «Ленинград — Полоцк», «Киев — Мурманск», «Великие Луки — Бологое».

Сейчас железная дорога почти мертва, рынок «всё расставил» так, что возить стало нечего и некого. Русская провин-

ция перестала производить самое ценное из того, что она всегда производила, — человека. И какого человека! По-крестьянски мудрого, физически и духовно здорового, способного быть надежным защитником Отечества. И ведь в чем беда — мы к этому привыкаем, смиряемся с деградацией русской деревни. Читаем в газетах о трудной жизни в сибирской тайге Агафьи Лыковой, не замечая того, что совсем близко от нас, вдоль некогда оживленной, называемой в народе «второй Октябрьской магистрали», деревни и сёла доживают свой век. На редких пустынных полустанках еще останавливается на одну-две минуты дважды в неделю железнодорожный трамвайчик, чтобы люди могли доехать до райцентров, купить кое-какие продукты, и возвращаются в свои деревеньки, где почти угасла жизнь, но не угасла русская надежда. Надежда на то, что вот-вот произойдет чудо, государство повернется к ним лицом, и вновь заколосится рожь, зацветет лен, зарокочут тракторы и комбайны, защебечут детские голоса.

Но чуда не происходит и не обещается впереди: дети не рождаются там, где у взрослых нет достойной работы. Кстати, этих старушек в наших деревнях считают чуть ли не олигархами, так как они при гарантированных пенсиях. Остальные, трудоспособные, подражаются к ним колоть дрова, носить воду, копать картошку, ходить в определенные дни к автолавке за продуктами. Кто-то батрачит (да-да, батрачество вернулось), у столичных нуворишей, имеющих в наших прекрасных своей природой местах дачи, кто-то собирает и продает лесные ягоды, грибы, браконьерствует. А еще люди ездят вахтовым методом в Москву и Санкт-Петербург охранять офисы, шабашничать на стройках, кухарничать. Другими словами, получилось так, что «реформаторы» обещали дать нам «удочку», чтобы каждый мог «ловить рыбу», но закрепили при этом за собой неотъемлемое право ловить «севрюгу» и «осетра», оставив народу возможность довольствоваться «уклейками» и «пескариками», да и то не всегда.

Из-за разрушения в провинции экономического пространства закрываются школы (за последние пятнадцать лет закрыто 23 тысячи), библиотеки (только за прошлый год, объявленный годом российской литературы, их стало меньше на 300), а еще — клубы, медпункты, магазины, почтовые отделения. Власть говорит, что ситуация с демографией в стране улучшается, приводит подтверждающие это цифры, планирует увеличивать количество школьных мест, однако в трех десятках центральных областей население, преимущественно русское, продолжает вымирать. Так, в Тверской области с 2000 по 2014 год оно сокращалось в среднем на 16 тысяч че-

ловек ежегодно. В последние годы процесс замедлился, но он не остановлен. Согласно данным Росстата в Центральном Федеральном округе за январь—май 2016 года естественная убыль составила 40 047 человек. Тем временем председатель наблюдательного совета Института демографии, миграции и регионального развития Ю.Крупнов прогнозирует менее чем через десятилетие демографический провал, обусловленный снижением числа женщин репродуктивного возраста.

Артель: прошлое или будущее?

Наш чиновник еще с партийно-советских времен поднапорел на составлении программ сверху, в том числе аграрных. При «демократии» ставка поначалу была сделана на фермера — он, мол, как в Америке, накормит страну. Хотя известный американский ученый Джон Кристиан, в предупреждение нашим «реформаторам», заявил: «Идея фермерства родилась 200 лет назад и кончилась естественной смертью. Америку кормит не фермер, а крупноземельный кооператив». Слово «кооператив» здесь мне хотелось бы выделить особо.

В общем, фермеры страну не накормили. Многие из них разорились, как мой земляк Владимир Цветков. В 90-е он, специалист сельского хозяйства, после развала совхоза «Конаковский» занялся торговлей, но мечтал вернуться к труду на земле. В начале 2000-х годов создал на родине в Андреапольском районе фермерское хозяйство, закупил технику, вернул к жизни десятки гектаров земли, стал выращивать ежегодно около 700 тонн картофеля, морковь, зерновые. Оборудовал современный склад, взял ферму-развалюху, отремонтировал ее, доведя поголовье дойного стада до сотни с лишним голов. Купил и смонтировал оборудование для розлива и пакетирования молока, затратив 2 миллиона рублей. Мечтал о зерновом комбайне и его приобрел в кредит за 4 миллиона. Вкладывал Владимир Михайлович, помимо кредитов, и личные деньги от торговли. Воспрявшие духом земляки приводили и привозили детей посмотреть на давно забытую картину жатвы зерновых. Но обнаружили и скептики. Встретил бывшего директора крупного совхоза (ныне не существующего), и тот сочувственно произнес:

— На амбразуру лезет Михалыч.

— Почему так считаешь?

— У нас в почете финансовый спекулянт, а не пахарь...

Сделанное Цветковым рухнуло за два года. Сначала из-за засухи не уродились картофель и зерновые. На следующий

год, в период уборки, пошли затяжные дожди, следом ударили заморозки, и большую часть урожая убрать не удалось. У банков души нет, они не делают поправки на риски, связанные с погодными условиями, и после юридических тяжб остался романтик-патриот Цветков без земли, фермы, техники, вдобавок потеряв девять своих магазинов из десяти. Оказавшаяся без пригляда земля зарастает, ферма вновь развалилась, оборудование молочного цеха украли. Звоню Цветкову после выступления премьера Медведева на сельскохозяйственном форуме:

— Михалыч, вроде власть повернулась лицом к селу. Может, попробуешь возродить хозяйство?

После паузы он скованно отвечает:

— Желание убито, Яковлич...

Отрешившись от иллюзий относительно фермерства, власть, опираясь на крупный бизнес-капитал, сделала ставку на могучие аграрные холдинги, подобные «Дмитровгорскому» в Конаковском районе. Если иметь в виду приращение выпуска сельхозпродукции, в первую очередь свинины и мяса птицы, это себя оправдало. Но демографии существенно не улучшило. Холдинг, требующий при современных технологиях не так уж много рабочих рук, оживляет жизнь на замкнутом, ограниченном пространстве, а для решения демографической проблемы требуется создание условий для развития в каждом сельском поселении.

Вот как, по моему разумению, это могло бы происходить. Прежде всего, перестаем душить сельхозпроизводителя высокими процентами по кредитам, резать «ножницами цен», воссоздаем уничтоженные нацпредателями сортоиспытательные станции и племобъединения. Одновременно активизируем работу с трудоспособным населением там, где ликвидировано производство. Этот истончившийся слой насчитывает сегодня в большинстве муниципалитетов от силы 300—500 человек. Каждый из них заносится не в компьютеры администраций, а в головы чиновников как объект первостепенного внимания. Цель — развитие на их основе семейно-трудовых хозяйств, по-иному говоря, личных подворий, для чего вырабатываются экономические и социальные преференции. К их числу можно отнести бесплатное предоставление элитного молодняка крупного рогатого скота, леса и пиломатериала под ремонт и новое строительство, беспроцентных ссуд. Подворья не должны испытывать затруднений со сдачей продукции государству по гарантированным и стимулирующим закупочным ценам. Детям из таких семей предоставляется право учиться в сельскохозяйственных учеб-

ных заведениях на полном госбеспечении. Человеку от земли отдается центральное место на телевидении, в газетах.

Сохраняя этот способный к созиданию слой, государство на уровне регионов и муниципалитетов, как опытный садовник, решает вторую задачу — «прививает» на деревенской почве новые семьи. Если в поселении насчитывалось, скажем, двадцать трудоспособных, а через год их, благодаря переселенцам или возвращенцам, стало двадцать три, а через два года — двадцать пять, то это уже хорошо. Важна положительная динамика. Она рождает у сельских жителей социальный оптимизм, ощущение того, что они не «лишние люди». Нарастивание числа подворий сопровождается кооперированием, созданием артелей — такая форма организации труда близка нашим людям. Она соответствует принципам исторической русской крестьянской общины. Артелью работали на полях, косили, артелью (толокой) ставили друг другу избы, артелью отдыхали. Коллективной, артельной, мудростью решались спорные вопросы.

В-третьих, важную роль могло бы сыграть создание интернатов при действующих школах для городских детей, оставшихся без родительского присмотра. В селе Хотилицы в типовом здании школы, рассчитанном на 120 учащихся, учатся ныне полтора десятка. Рядом со школой пустует типовой детсад, где спокойно могли бы проживать до полусотни ребятишек. То есть и строить-то ничего не надо. Подобные возможности имеются и в других поселениях. Дети не только могли бы учиться в школе, но и получать навыки сельскохозяйственной деятельности на выделенной для этого земле и технике. В последующем они могли бы либо отправиться на учебу в город, либо создать, опять же с помощью государства, личные подворья.

Эта работа сопровождается созданием инфраструктуры, способствующей гармоничному развитию личности и удовлетворению социальных потребностей. Подход — комплексный. Можно открыть машинно-тракторные станции для обработки земли на подворьях и в артелях, пункты приема даров леса (в 70-е этим занимались заготконторы) и мини-модульные производства по их переработке, колбасные цеха, швейные мастерские, гостинички для туристов на пять-семь мест с питанием, дома рыбака. Оживление экономической жизни привлечет специалистов: инженеров, агрономов, зоотехников, учителей, медиков...

Но вот уж кого следовало бы отлучить от русской провинции, так это лесных арендаторов. Давно уже ясно: отданная им на откуп по либеральному Лесному кодексу отрасль се-

годня криминализована, отчего бюджет недополучает немалое количество налоговых поступлений. Переруб лесосек растет, тяжелая техника арендаторов привела в непроезжее состояние множество проселочных дорог, пригородные леса завалены отходами. Сама жизнь заставляет лесозаготовку и восстановление леса вернуть государственным организациям, воссоздать разрушенную бандитским образом систему леспромхозов и лесхозов, оставив частному бизнесу глубокую переработку древесины. Пожалуйста, выпускай домашнюю и офисную мебель, школьные парты, детские санки, бондарную посуду, сувениры...

Кроме того, нужно избавить сельских жителей от электронного насилия и бумажной волокиты. Раньше они уплачивали налог за считанные минуты в сельсовете, там же быстро оформлялась купля-продажа недвижимости. Теперь требуется ехать в райцентр. Представьте себе, кавово это старушке из дальнего угла района, отстоящего от города на шестьдесят километров, с учетом того, что автобус, в силу малочисленности населения, ходит два раза в неделю. Да еще придется часами стоять в очередях. Здравое переложить эти функции на сельские поселения.

Но в первую очередь надо возложить ответственность за развитие районов на их руководителей. Развитие местной промышленности, ввод земель в севооборот, прирост населения — вот основные критерии для оценки их работы. При этом высшая власть должна создавать нижестоящей соответствующие условия, не делая ее козлом отпущения, когда задача поставлена, а ресурсы ищи, где хочешь.

Где взять деньги

Разворот в сторону массового развития провинции потребует немалых средств. У кого их взять? На этот вопрос Сталин ответил так: «Что нужно прежде всего, чтобы народ спокойно двигался к очередному этапу улучшения жизни, повышения культуры и т.п.? Нужны две вещи. Руководящие товарищи сверху донизу должны исповедовать ту же самую философию, что и весь народ, и иметь тот же тип потребления материальных и духовных благ, что и остальная трудовая масса». «Новая элита» придерживается другой философии, отчего и сложились в стране вопиющие социальные противоречия.

Ведомственная пенсия топ-менеджера сырьевой компании порой в десять-двенадцать раз превосходит государственную пенсию учителя, ученого, инженера, рабочего. Главврач сред-

ней районной больницы получает до 500 тысяч рублей в месяц, а опытный рядовой хирург 15—20 тысяч. Ректор университета — от 500 и более тысяч, профессор кафедры — 20—25 тысяч. Режиссеры некоторых московских театров — до 50 миллионов рублей в месяц, а народные артисты в областных городах — 20 тысяч. Рядовые работники почтовых отделений — 8—10 тысяч, а гендиректор «Почты России» за 2015 год получил премию 95 миллионов. Средняя зарплата в «Сколково» 470 тысяч рублей. Зарплата депутатов Госдумы покрыта мраком, но никак не меньше полмиллиона. Но это еще что: руководители российских сырьевых компаний получают несколько миллионов рублей в день (!). Директор Института социально-экономических проблем народонаселения РАН профессор В.Денисов считает, что Россия давно перешагнула критические пороговые показатели неравенства. Он утверждает: «Для нормального функционирования государства разница в уровне доходов 10% самых богатых и 10% самых бедных граждан не должна превышать 8—10 раз. По данным Росстата, в среднем по стране этот показатель составляет 16 раз. По различным экспертным оценкам, — от 25 до 40 раз. Для сравнения: в СССР разрыв был 4—4,5 раза».

Рассчитывать на то, что у «новой элиты» возникнет желание самоограничить свою алчность, не приходится. Она не прочь поговорить с думских трибун о социальной справедливости, но только в том случае, когда это не касается ее кошелька. Пора пресечь ее социал-расистские поползновения волевым порядком. Представляете, как обрадовался бы народ, если бы президент В.В. Путин установил своего рода «партминимум», не позволяющий руководителям получать зарплату, более чем в 4,5 раза превышающую среднюю зарплату на предприятии, в отрасли, районе, области, а высвободившиеся средства направил на развитие регионов Центральной России и Дальнего Востока!

Толковый совет дает известный экономист Г.И. Ханин. В беседе о проблемах модернизации экономики на вопрос корреспондента газеты «Завтра» Перетолчина: «Где у нас в стране или за рубежом можно найти источник необходимых для этого средств?», Ханин ответил: *«Вотличие от советской эпохи, когда они изымались преимущественно у крестьян, теперь их можно изъять у единственной категории граждан, которая имеет их в избытке, — наиболее состоятельной части населения, чудовищно и несправедливо обогатившейся в 90-е годы. Наши расчеты показали, что их требуется сократить в 6 раз. Уследующей по состоятельности части населения — в 2 раза,*

следующей — на 30%, при росте доходов у наименее состоятельной части в 1,5—2 раза. Это также устранил огромное социальное напряжение, вызванное чрезмерным разрывом в доходах. В качестве инструмента изъятия можно использовать высокий налог на недвижимость, более высокие косвенные налоги на предметы не первой необходимости, а также — повышенный подоходный налог для лиц с высоким достатком». Действительно, по количеству миллиардеров-олигархов Россия пребывает среди стран-лидеров, однако уплачиваемый ими налог (13 процентов) не идет ни в какое сравнение с налогообложением западных богачей. В Швеции и Франции они отдают бюджету 57 процентов, в Дании — 61 процент, Италии — 66 процентов.

Имеются и прочие источники. Нужно перестать направлять огромные суммы на укрепление экономики США путем покупки американских казначейских бумаг. Перейти от борьбы с отдельными коррупционерами к системной борьбе с коррупцией. Отказаться от покупки чужеземных футболистов и тренеров. Не вбухивать миллиарды в строительство объектов типа Ельцин Центра, где, по словам кинорежиссера Никиты Михалкова, «ежедневно происходит инъекция разрушения национального самосознания людей». Вернуть деньги из секретных офшоров (вот где спецслужбам хватило бы работы). Бизнес олигархов, зарегистрировавших его за границей, должен быть национализирован.

Ну и, конечно, следует перенаправить финансовые потоки из столицы, других крупных городов в провинцию. Ведь обделенный вниманием ее житель приходит в беспросветное уныние, когда день изо дня слышит из уст лучезарно сияющего Собянина, как бурно расцветает Москва, и узнает, что врачи, учителя, другие специалисты получают там зарплату в три-четыре раза большую, нежели в райцентрах и поселениях Тверской, Псковской, Новгородской, Смоленской, Вологодской, других областей. Понятное дело, что он задается вопросом: «Мы, деревенские, что, люди второго сорта? Или Москва превратилась уже в отдельное государство?» А еще он с крестьянской сметливостью прикидывает: «Да за одни миллиарды, что обнаружены в квартире и на счетах «борца с коррупцией» полковника Захарченко, можно обустроить два-три района, а если потрясти других крышевателей криминала, то и на целые области хватит!»

Таким образом, изыскание финансовых возможностей — «не вопрос». Вопрос в том, пожелает ли власть пойти таким путем. Выслушав мои мечтания, бывший аграрный чиновник сказал:

— Согласен, деревню надо спасать. Поднять в этом роль государства. Поддержать подворья. Стимулировать бизнес, идущий туда. Всё это реально, если поменять философию правительства в сторону национальных интересов. Но пока там сидят дворковичи и шуваловы, рассчитывать на это трудно.

Однако не будем впадать в катастрофизм. «В этой деревне огни не погашены. Ты мне тоску не пророчь!» — написал когда-то замечательный русский поэт Николай Рубцов. Не гаснут они и сейчас, хотя светят куда слабее, чем 20—30 лет назад. Наши деревни, словно бы зацепились за край пропасти и ждут, куда повернет государство: или ударит по пальцам, которыми она, напрягшись, держится за этот край, или потянет наверх, создавая надлежащие условия для хозяйствования.

Судя по всему, хотя и не сильно, но начинает тянуть. Появились «островки созидания». К примеру, в Андреапольском районе, в деревне Козлово, подмосковные предприниматели Дмитриковы двинули в гору животноводство, их комплекс производит ныне десятки видов высококачественной молочной и мясной продукции. Надо только не останавливаться, множить эти «островки»...

г. Андреаполь Тверской обл.

ПОСЛУШАНИЕ ВО СЛАВУ

РОМАН

1

Об этом переводе слухи ходили давно. Касались они священника Елисея Ковшова, многое сделавшего по восстановлению церковной жизни в отдалённом селе и полубившегося прихожанам. Минуло два месяца с того благословенного дня, когда при большом стечении верующих храм был освящён митрополитом, поставившим в пример местному благочинию способность Елисея к послушанию. И это было справедливо, ибо церковь Казанской иконы Божией Матери прежде являлась примером запущенности, а радением Елисея засияла куполом среди полей и перелесков.

Слухи не рождаются из ничего. Это подтвердилось в середине мая, когда пришло сообщение из епархии о переводе отца Елисея в старинный город, где решили восстанавливать церковь, так как для этого удачно сложились многие обстоятельства. Узнав о переводе, Елисей долго рассматривал на карте указанное место, мысленно начертил предстоящий путь, не такой уж и протяжённый.

Епархиальные приказы не обсуждаются. Через несколько дней пос-

ПРОЗА

ле известия батюшка сдал дела прибывшему юному иерею Александру, румяному от волнения и молодости, собрал сумку с одежанием, сложил в рюкзак книги и приготовился к отъезду. Признаваясь самому себе, он ёжился от колючей мысли, напомиравшей о скором прощании с обжитым местом, хотя и понимал, что такая привычка свойственна любому человеку, если он не авантюрист и не отпетый проходимец, спасающийся бегством, для которого подобное действие — работа. Для Елисея же широкое и раздольное село Владыкино, стоящее на чернозёмах, стало по-настоящему своим по многим обстоятельствам, тем более что на кладбище близ возрождённой церкви минувшей осенью он похоронил матушку, находившуюся на сносях. Нестерпимый случай полгода вводил в уныние, он боролся с ним, и это у него начало получаться, но пришло новое испытание. Елисей помнил, что всегда надо быть готовым к переезду и исполнению послушания там, где повелит Господь, и усердно обогревать каждое место своим сердечным дыханием, но всё равно новое испытание показалось сокрушительным.

Перед отъездом, находясь в нерадостном и шатком расположении духа, он побывал на могилке матушки Елены, с которой познакомился в Москве задолго до завершения учёбы. После венчания и принятия им сана она безропотно рассталась с комфортной столичной жизнью и отправилась за своим батюшкой... И вот он помолился за её покой, за Царствие Небесное, где она теперь пребывала вместе с младенцем, так и не увидевшим Божьего света.

До города, откуда ходили автобусы до областного центра, батюшку доставил взволнованный диакон Михаил. Он появился во Владыкине позапрошлой весной и был направлен в помощь Елисею, ранее помыкавшись с матушкой по многим благочиниям. Здесь они купили пустующий бревенчатый дом, сделали пристройку с отдельным входом и отдали её в пользование Елисею и Елене, снимавшим жильё. Этот поступок окончательно сблизил две семьи, а в минувшие полгода после несчастья Елисей стал для Михаила и его матушки Марины, бывших бездетными, словно младшим братом. Или даже сыном. Особенно для Михаила, всячески опекавшего его. Как старший по возрасту, он видел в этом своё особое предназначение, правда, чувств не высказывал, но зачастую они прорывались сами собой.

Вот и сейчас, всклокоченный от суеты, горестно вздыхавший от неминуемого расставания, Михаил выглядел столь подавленным, будто провожал батюшку на поле брани. И чуть не прослезился, когда около автовокзала Елисей напутствовал, осенив крестным знамением:

— Возвращайся домой с Богом!

— Не забывайте нас... — понурился по-цыгански смуглый Михаил, свесив чёрные кудри, цеплявшиеся кольцом за кольцо. — Расставаться с вами уж так не хочется. Позвоните, как доберётесь.

— Отведи от себя уныние, и всё будет по-доброму. Мы обязательно свидимся! — сказал Елисей, словно не он сам отправлялся в дорогу, а диакон в одиночку подвергался испытанию дальнего путешествия, и обнял его.

— И всё-таки я провожу. Не могу просто так уехать.

— Что же мне с тобой делать? Оставайся, проводи, если уж такое желание имеется.

Батюшка купил билет и, ожидая автобус, присел на лавочке рядом с Михаилом. Елисей не выделялся ни ростом, ни сложением, одет был почти по-зимнему: из-под выцветшей скуфии выбивались прямые русые волосы до плеч, куртка нараспашку, а из-под чёрного подрясника, перетянутого ремнём с пряжкой, выглядывали новые кирзовые сапоги, подаренные недавно отставным военным. Многие из вещей Елисей оставил Михаилу, но с солдатскими кирзачами не пожелал расстаться, зная, что они пригодятся на новом месте.

Они дожидались автобуса и не знали, о чём говорить в эти прощальные минуты. Пытались говорить о чём-то несостоящем, понимая, что это не те слова, какие нужны в этот момент, а нужные не находились. Поэтому, когда подошёл автобус и Елисей, обнявшись с Михаилом ещё раз, занял своё место, то с невыносимой тоской смотрел на своего диакона, ставшего настоящим сподвижником и другом.

Ковшов совершенно не знал, что его ждёт, каким образом сумеет наладить церковную жизнь в Свибле. Если восстановление храма будет идти, как и во Владыкине, то это свершится нескоро. Несколько полновесных лет придётся провести в тяжком труде и беспрестанных заботах, прежде чем по-настоящему возгорится церковная жизнь. Но как бы ни было, какие бы труды и заботы ни одолевали, всё надо принимать и переносить с верой в Бога, с возможностью служения Ему. С этой согревавшей мыслью он и отправился в путь.

Добравшись до области, Елисей нанял такси и поехал в епархиальное управление, где вскоре был принят митрополитом — достаточно молодым, подвижным, с мягкой улыбкой на сероглазом лице. В короткой беседе за чаем он поздравил с назначением, спросил, все ли дела переданы на прежнем месте, с каким настроением покидал его, есть ли какие вопросы по сути назначения. Елисей отвечал стандартно, почти односложно, понимая, что задаваемые вопросы — это

проявление вежливости, ибо все вопросы были обговорены заранее. Короткая беседа закончилась благословением, вручением письменного указа с подписью и печатью и пожеланием доброго пути.

Не выходя из управления, Елисей позвонил в свибловскую администрацию, представился и, договорившись о встрече, вернулся на автовокзал. На пути в Свиблу он воображал, представляя новое место, и невольно сравнивал с оставленным; опять вспомнилась матушка. Ему всё ещё не верилось, что он покинул её, сохранив лишь в душе, и теперь будет связан с ней молитвами да воспоминанием о тех благодатных годах, пролетевших, оказывается, с незамеченной скоростью, как во сне.

Он мог думать о ней бесконечно, но мысли связанные с отъездом мало-помалу сменились, навалились тревожные заботы сегодняшнего дня, который только по-настоящему начинался для него.

2

Елисей вышел из автобуса на въезде в Свиблу, так как автобус оказался проходящим, и сразу попал в стихию, где хозяином был ветер, струившийся от реки, светлеющей вдали прихотливым изгибом, от заречных зелёных полей, убежавших за пределы речной долины. Спросив у шедшей женщины в длинной серой юбке и выгоревшей кофте о наличии в городе общественного транспорта, узнал от неё, что таковой отсутствует.

— Батюшка, да откуда же ему взяться-то, если начальники на машинах разъезжают, хотя, грешить не буду, и о нас думают — недавно такси запустили: за полтинник на любую улицу отвезут. Только мы пешком привыкли. Вы-то далеко путь держите? — спросила она, сняв с плеча лопату, хотя по всему было видно, что спешила по делам.

— В администрацию.

— Ой, вы, наверное, к нам присланы. Как же мы ждём вас! Благословите ради Христа! — Она подошла к Елисею, склонилась и поцеловала руку Елисею, когда он перекрестил её.

— И что же, у вас тут все священника ждут?

— Не все, конечно, но многие, а некоторые так и с нетерпением. Вас, может, проводить? А то с вещами громоздко идти. Хотя сейчас вам такси вызову.

Женщина позвонила, сказала:

— К перекрёстку, где автобусы останавливаются. Долго ждать?.. Хорошо, ждём! — И обратившись к Елисею, пояснила: — Через пять минут будет машина. Деньги-то у вас имеются?

— Уж пятьдесят-то рублей найду! — улыбнулся он. — Даже могу вас подвезти.

— Не, спасибо. Мне в другую сторону, под гору — одинокой бабушке надо парочку грядок вскопать да воды принести.

— Ну, с Богом! — напутствовал Елисей, но женщина уходит не собиралась.

— А мы тут гадаем, когда же, когда священника пришлют, а то приезжий коммерсант собирается выкупить здание клуба под склад! — доложила она, прицепившись, похоже, всерьёз.

— Ну и пусть выкупает...

— Да как же — ведь это бывшая церковь.

— Тогда другое дело.

— Могу вас проводить... — Женщина сняла и заново низко повязала белый платок, явно желая продолжить разговор, но вскоре подъехало такси, и, поблагодарив за помощь, Елисей отбыл в администрацию.

В дверях здания из силикатного кирпича он назвал себя охраннику, и тот, видимо, предупредённый, указал на лестницу:

— Проходите на третий этаж. Вещи можете оставить у нас.

Елисей поднялся, секретарь — женщина далеко не юного возраста, но молодящаяся даже перед бабушкой — доложила о нём по внутренней связи и, наигранно улыбаясь, сказала:

— Проходите.

Ковшов открыл дверь, рядом с которой красовалась солидная табличка, представился Илье Леонидовичу — приветливому и круглолицему главе, на вид крепкому и уверенному в себе, но почему-то с беспокойно бегавшими глазами. Представившись, Елисей долго слушал лекцию по истории города, но ничего нового не узнал — всё те же известные книжные истины, с примесью местного колорита. Окончив рассказ, глава администрации посчитал дело сделанным и предложил:

— А теперь, отец Елисей, получите ключи от храма у нашей управделами — это через две комнаты по коридору направо — и, как говорится, с Богом! Очень рад вашему прибытию, всегда поможем, чем можем. Так что не стесняйтесь — обращайтесь в любую минуту!

Получив ключи у черноглазой, нарядной управделами, как значимо представил её глава, Ковшов отправился из администрации на противоположную окраину, не столь, как оказалось, отдалённую. По пути Елисей ловил удивлённые и значительные взгляды прохожих, кивал в ответ, зная, что кто-то из них будет его прихожанином, а может, и помощником.

У храма, оказавшегося с наполовину усечённой надвратной колокольней, он остановился. Положив вещи, обошёл его вокруг, присматриваясь, заметил несколько пристроек явно не церковного назначения и, неожиданно для себя, остался доволен увиденным, вспомнив почти разрушенную владыкинскую церковь, которую пришлось восстанавливать пять лет. Эта же церковь выглядела совершенно по-иному. Можно сказать, повезло ей, если такое определение к разтерзанному Божьему месту применимо, что долгие годы в ней размещался районный Дом культуры, и это её спасло от окончательного разрушения.

Перекрестившись на паперти, Елисей, отворив скрипнущую под натиском ветра дверь, подумал: «Как же много ветра в Свибле. Ну что же, значит, не одинок я здесь, буду на первых порах с ним разговаривать». Приглядев место в углу, он сложил вещи и развернул на подвернувшихся стульях походный иконостас, достал флакон освящённой воды. Прочитав молитвы из Требника по малому чину, окропил храм водой, прочитал молитву на освящение напрестольных облачений, и их окропил.

Сделав то, что должно было сделать, Ковшов отправился за покупками, потому что, хочешь не хочешь, а после молитв, именно с этих забот приходилось начинать новое послушание. В хозяйственном отделе универсама купил два ведра, пакет мелкой посуды, а в продовольственном — еды на самый первый случай. Вернувшись и наломав за храмом прошлогоднего бурьяна, батюшка связал из него веник, подмёл облюбованный угол, потом принёс от колонки ведро воды, и второе, вымыл пол тряпкой от какого-то лозунга. Из сваленных в кучу пыльных стульев отобрал несколько, вымыл их у колонки; среди стульев нашёл раскладушку, чему очень обрадовался, и её отмыл от пыли и оставил сбоку от паперти сушиться. После чего соорудил из стульев подобие обеденного стола, сотворив молитву, перекусил тем, что Бог послал.

После обеда решил прогуляться по городу, зная, что он древний, со своей необычной историей. Выйдя на окраину, Елисей неожиданно оказался на высоченном холме, с которого открывался замечательный вид окрестностей. Из литературы он знал, что именно на этом холме стояла в древнем граде крепость, которую монгольский тумен одолел лишь за три дня. Центр княжества надолго потерял своё значение, но потом вновь отстроился, хотя и не осталось теперь архитектурных напоминаний давнего периода. Лишь рельеф — изгиб реки справа и необычно холмистая котловина слева, да ещё

напротив холма возвышавшийся иной холм, наполовину оплывший и заросший понизу берёзами, — был немым свидетелем ушедших времён.

Место, конечно, замечательное, былинное и, находясь на холме, хотелось смотреть и смотреть вдаль, представляя, сколь глубока история этого места, что испытали люди, жившие здесь, потомки которых теперь передают из уст в уста предания.

Он не заметил, как солнце начало скатываться к горизонту, а когда спохватился, то вернулся в храм, начал готовиться к вечерней молитве. Не успев по-настоящему и рта раскрыть, услышал непонятное шевеление и невнятный глухой голос, будто некий человек разговаривал на паперти сам с собой. Прервав молитву, Елисей выглянул из храма и увидел удалявшегося худосочного человека, уносящего раскладушку.

— Стой, мошенник! — попытался батюшка остановить его.

Тот замер, оглянулся, высветив на лице удивление, даже испуг, увидев бородатое незнакомое лицо.

— Ты кто? — спросил человек неуверенно, не скрывая удивления на загорелом лице. — Беглый, что ли, какой?!

— Я тебе укажу, какой я беглый! А ну положи кровать на место, не смей красть!

— Так ведь цветной металл — чего зазря валяется.

— Не тобой положено, да не тобой возьмётся!

Батюшка поспешно подошёл к несуну, а тот, увидев перед собой настоящего священника, опустил долу серые, выцветшие глаза, говорившие о значительном возрасте.

— Простите, батюшка! — уважительно перешёл мужчина на «вы». — Думал, бесхозная. Чего же пропадать. А так всё прибавка к пенсии.

— Теперь не бесхозная, теперь она вновь послужит, а ты какой ловкий выискался. И на что она тебе, эта железяка?

— Известно на что. Килограмм дюрала сейчас стоит шестьдесят рэ, а в раскладушке его килограмма четыре будет. Вот и считайте!

— И часто сюда ходишь?

— Хватились. Не я один. По пятому-десятому заходу рыскаем, мелочь подбираем. А было время — машинами возили. А вы, значит, теперь батюшкой у нас будете?

— Да, получил послушание на восстановление храма. И буду рад, если и ты придёшь на помощь, как и другие жители сего места. И не только местные. Как зовут-то тебя?

— Николаем... А фамилия — Зельцов.

— А я — раб Божий Елисей.

— Это хорошо, что Елисей, — запомнить легко. И чего теперь делать будете?

— Сейчас вот молюсь, а с завтрашнего дня начну работу.

— Смешно говорите-то. Чего же вы один-то молитесь?

— А ты видел, если так говоришь?

— Да уж заглянул сейчас, чтобы удостовериться, не без этого. Поэтому и смешно.

— Это ты смешон, если не понимаешь простых вещей. Молюсь я Богу и служу ему, а если присоединишься, то и тебе, Николай, буду служить.

— В следующий раз. Некогда мне. Надо ещё в одно место заглянуть. Там наверняка разживусь, а сюда, считай, попал случайно. Мимо шёл. Ещё удивился, когда увидел раскладушку: не было, и вдруг нарисовалась! Так что не сердитесь.

— Не сержусь. Приходи, — пригласил Елисей и продолжил молиться.

Зельцов так и ушёл, до конца не высказав дальнейших планов. Но Елисей почему-то был уверен, что вернётся, когда вспоминал его удивлённые глаза, словно тот увидел не священника, а инопланетного пришельца.

Пусть не сразу, но вернётся.

3

То ли кому рассказал Николай о встрече, то ли вместе с майским тёплым ветром прошёл слух по городу, но на следующее утро к Елисею пришла делегация из трёх женщин. Все они выглядели аскетично, все в строгих одеяниях, в тёмных платках. Говорила за всех одна.

— А я вас знаю! — улыбнулся Елисей, вспомнив вчерашнюю знакомую. — Вы мне такси вызывали. Мне вас Господь послал. Виноват, что не спросил тогда вашего имени. Меня зовут Елисеем, назначен в сей храм настоятелем, как вы поняли.

— А я — Варвара... Вот, батюшка, собрали что могли. Здесь картошечка варёная, яички, творог, лук зелёный и огурчики прошлогоднего урожая в банке. Всё своё.

— Спасибо, дорогие мои, ваши подарки и внимание придадут мне сил в совместном служении Господу Богу. Работы у нас намечается много, но ведь всем миром и не такое создали. Так что, Варвара, — обратился Елисей к самой бойкой и по движению, и по взгляду зеленоватых глаз гостье, — для полного развития и устройства сего места нам предстоит создать православную общину числом как минимум в двадцать прихожан, избрать старосту, зарегистрировать соответствующим юридическим образом в органах местного самоуправления и в епархии. Вы знаете местных верующих, поговорите с ними, объясните это необходимое требование к

началу церковных служб. Думаю, у вас получится, а ваши сёстры помогут в этой заботе. А пока можно проводить работы по благоустройству и уборке храма.

— Мы согласные, батюшка, и готовы приступить. С чего начнём?

— С чего угодно. А пока помолимся, сейчас время утренней службы, и вы будете первыми прихожанами.

После молитвы женщины ушли, но через полчаса пришли, одетые попроще, и с собой привели двух новых женщин; одна из них принесла образ Николая Угодника, сразу занявшего место на временном иконостасе. Принесли также веники, вёдра, ветошь — и сразу работа стала спориться. А какая перво-наперво работа? Мыть да скрести, скрести да мыть. Хотя от особенного усердия Елисей женщин отговаривал, зная, что вскоре здесь начнётся стройка... Даже, скорее, не знал, а догадывался, потому что пока средств на стройку не было никаких. И неизвестно, когда они появятся и от кого. Елисей хорошо помнил заключительные слова из беседы с митрополитом, когда на его просьбу о финансовой помощи для восстановления храма митрополит ответил сухо: «Бог поможет, отец Елисей!»

Ещё тогда он решил, что будет, прежде всего, надеяться на Господа Бога, но и, конечно, на помощь прихожан. Без них никуда. И он радовался, глядя, как они старались. До обеда они обмахнули вениками паутину на стенах, насколько могли дотянуться, подмели и вымыли полы. Собственно, и делать-то более было нечего.

— Вот и благо! Спасибо вам большое! — сказал женщинам Елисей. — Ваша помощь оказалась весьма кстати. Теперь задача — выявить желающих для создания общины, после чего мы проведём официальное собрание и составим протокол.

— Желающих будет много, все ждут не дождутся открытия храма, — сказала Варвара, выделявшаяся среди помощниц не только аскетичной фигурой и застиранным синим халатом, но и подвижностью, голосом: властным, не терпящим возражений.

— Чтобы храм восстановить, многое надо совершить, а будем всё делать по порядку — вот и ладно будет. А сейчас давайте вместе пообедаем!

— Нет-нет, батюшка, что вы. У нас дома еды вдоволь, а вам она пригодится! — настояла Варвара.

— Ну, смотрите.

Когда помощницы разошлись, Елисей перекусил — еда показалась необыкновенно вкусной, — немного отдохнул,

повалевшись на раскладушке, даже закрыл глаза от удовольствия, представляя, как всё будет выглядеть здесь в скором или нескором времени. Но что это будет именно так, Елисей не сомневался. Ибо не было ещё случая, что с Божьего благословения дело не доводилось до конца. От мыслей, от фантазий он даже слегка вздремнул, но вскоре, всколыхнувшись ото сна, надел сапоги и, спросив в ближайшем к храму доме лестницу, было собрался разбирать кирпичную пристройку, в которой, по словам женщин, ранее находилась кинобудка. Но в последний момент передумал. Ведь с приездом рабочих им где-то надо будет жить. А в пристройке им самое место. Да и самому тоже надо искать пристанище. Поэтому, вместо того, чтобы разбирать пристройку, убрался в ней и перенёс вещи из храма.

Управившись, вроде бы собрался навестить благочинного, жившего и служившего в слободе за речкой Свиблой, но, подумав, решил не надоедать бесцельным визитом. Вот когда проберутся верующие да проведут собрание, когда будет готов протокол, тогда и можно будет побывать в гостях. А чтобы уж совсем не сидеть без дела, решил прибраться около храма.

Вновь пришлось идти в хозяйственный. Купил метлу, лопату. Когда возвращался — встретился с Зельцовым, тащившим в мешке что-то звенящее.

— Всё с металлом, Николай, воюешь? — усмехнувшись, спросил Елисей.

— А что остаётся?

— Приходи в храм — дело найдётся!

— Вот как с женой поругаюсь — приду.

— А без ругани не можешь?

— Повода нет, чтобы уйти! Это понимать надо, отец Елисей!

— В таком случае не появляйся. Храму надо помогать от души, а не в отместку кому-то.

Елисей повернулся и, ничего более не сказав, пошёл в пристройку. Он не знал, смотрит ли Николай ему вслед или нет, но в любом случае его слова должны быть понятны, если, конечно, тот совсем не растерял ума.

Посбивав крапиву и лопухи около паперти и вокруг стен храма, Ковшов решил навести порядок в дорожной сумке, хотя бы на стульях разложить одеяния, хоть немного их расправить. Пока занимался этим, зазвонил телефон. Посмотрел на экран — брат Фёдор звонит, что показалось необычным, потому что звонил он редко, как и Елисей ему.

— Сообщаю, что сегодня скончался отец, похороны послезавтра, так что приезжай. Будем ждать! — без предисловия, телеграфным стилем доложил Фёдор и спросил: — Ты сейчас где?

От ошарашившего известия, от вопроса, Елисей почуствовал, как всего затрясло.

— На новом месте — в Свибле, — ответил он дрожащим голосом. — А что с папой случилось?

— Болел долго. Да тебе ведь недосуг позвонить нам.

— Не будем сейчас об этом. Ты же всё знаешь.

— Знаю, знаю. А где находится твоя Свибла? Опять в какой-нибудь глухомани?

— В той же области, недалеко от прежнего места службы, но ближе к епархии. Дали послушание на восстановление здешнего храма.

— Всю жизнь, что ли, будут гонять?

— Я не думаю об этом и не обсуждаю.

— Ну, так что — ждать тебя?

— Обязательно!

Ответив ещё на какие-то вопросы, Елисей отключил телефон, и только в этот момент по-настоящему понял суть звонка брата, навсегда лишившего возможности всерьёз поговорить с отцом — главным противником его служения Богу.

Наутро, после недолгих колебаний в выборе одежды, он оделся в священническое одеяние, от которого в последние годы многие служители отказывались в мирских поездках. Поэтому Елисей надел рясю, лёгкую куртку, хотя потеплело, и скуфию. Более всего ему хотелось предстать в церковном обличье перед родственниками, чтобы знали, что не отступился от своего замысла, не бросался словами на ветер, когда определял свою судьбу после института. Жалко только, что не успел поговорить с отцом по душам. Елисей не сомневался, что со временем тот обязательно понял бы его, перестал быть таким строгим. Хотя и его — бывшего парторга крупного предприятия — можно понять и не осуждать. Он, конечно, по-своему прав, не стал перевёртышем, когда в стране началась перестройка, не бросил, как некоторые, партийного билета, не стал его рвать прилюдно, а положил под стекло в шкафу вместе с наградами. Когда предприятие окончательно развалилось, пошёл работать сторожем на автостоянке. И именно поэтому, считал он, имел право быть твёрдым в отношении сыновей, для которых сам определил путь, отправив учиться в строительный институт — сперва Фёдора, а потом и Елисея.

Старший брат успел окончить институт, когда в нём оказался Елисей, ставший с первого семестра примерным учеником. Лишь на втором курсе он сбавил рвение, и причиной тому явилось увлечение однокурсницей: на первом курсе присматривался, а потом начал глядеть на неё совсем другими

глазами. Провожал, дарил цветы, иногда приглашал в гости. Маша очень нравилась родителям, и они решили, что после третьего курса поженят их, но пока пусть проверят себя и свои чувства. Но проверять их не пришлось, когда Елисей узнал от друзей о «двуличности» Марии, встречавшейся, оказывается, с другим студентом... Хорошая новость, сногсшибательная. Как такое пережить?!

Внешне Елисей перенёс предательство спокойно, но в душе возненавидел весь женский пол. И когда дома спросили, почему не приходит в гости Маша, он запросто ответил: «Нет её, умерла!» Его слова восприняли буквально и укорили: «И ты, бессовестный, так спокойно говоришь об этом?!» — «По-другому не умею!»

Именно с той поры Елисей задумался о религии, начал ходить в церковь неподалеку от института. Все после лекций разбегались по домам, а он стремился под сень храма. Познакомился с батюшкой, многое узнал от него, более или менее освоил церковную службу, даже надумал бросить институт и поступить в семинарию. Но сам же батюшка и отговорил, наставляя: «Во-первых, нельзя бросать начатого дела, а во-вторых, чтобы дать рекомендацию к поступлению, необходимо соискателю выучить много молитв, изучить историю Православия и ещё много чего, о чём обычный человек мало задумывается, даже если посещает храм. В религию надо войти душой, всем сердцем!»

Прошло несколько лет, и у Елисея было время убедиться в верности этих слов: и во время учёбы в семинарии, и в дальнейшем своём церковном послушании, начинавшемся у него по-особенному. Все после учебы стремились остаться в Москве, и он имел к этому все основания, но напросился на послушание подальше от дома, зная, как к нему относится отец. Ведь жизни не даст, будет постоянно отравлять её брюзжанием и поучениями, тем более что к концу учёбы Елисей обвенчался с Еленой, получив благословение на брак и служение Церкви. И если он успел привыкнуть к нелестному к себе обращению, то каково было бы его матушке, с которой он и единого дня не прожил у себя — пришлось снимать комнату, хотя родители, особенно мать, постоянно уговаривали быть разумным. А разумным Елисей стал только во Владыкине, куда прибыл по велению души и указу епархии.

4

Похороны прошли без отпевания в храме, как и завещал отец, но Елисей всё-таки отслужил панихиду на его могиле, и это всем понравилось, было достойно памяти усопшего, и никто не вспоминал о его религиозной отчуждённости.

После поминок, прошедших в кафе недалеко от дома на проспекте Мира, в котором жила семья Елисея, он вместе с Фёдором и его женой Ларисой, обитавшими теперь в другом районе, отправились на квартиру, чтобы не бросать мать одну хотя бы сегодня. Зашли, а говорить не о чем — слова пропали в этот скорбный день. Но и молчать — это уж совсем пагубно.

Елисей разговорился первым. Он и сам не ожидал такой словоохотливости, будто до этого кто-то незримо сдерживал его, а теперь пути с него упали. Как ни горько было признаться, но он понимал, что последние лет десять препятствием на пути к мечте служил родной отец, так и не захотевший понять сына, а он, Елисей, не успел ему раскрыть свою душу. Не хватало ни времени, ни повода, да и гордыня мучила, хотя он и не раз пытался избавиться от неё, неоднократно исповедуясь. Но нет — не получилось так, как желала его душа, не пришёл тот радостный и счастливый час, когда бы он мог обняться с отцом, а потом долго говорить с ним, ничего не скрывая. Хотя он и без того ничего не скрывал, но и не откровенничал, и не потому, что не желал, — не имелось подходящего случая и подобающего настроения. Говорить же хотелось только в том случае, когда ждут разговора, а когда же избегают его — какой разговор. Иногда Елисею казалось, что отец никогда и не любил его по-настоящему. И пошло это, по рассказам матери, с рождения, когда она настояла наречь второго своего ребёнка именем Елисей, то есть именем своего деда-священника, подвергшегося гонению в начале тридцатых, а отец был категорически против такого имени. Мол, не пролетарское оно, нам барчуки в семье не нужны. И теперь получался, что он так и ушёл со своим искренним несогласием с тем, что делал Елисей, и никто и никогда теперь не переубедит его.

Перед тем как сесть за вечерний чай, Ольга Викторовна сказала младшему сыну, указав глазами на его одеяние:

— В квартире хотя бы переоделся, я и одежду твою сохранила. В шкафу слева висит.

Елисей молча переоделся и, остановившись в прихожей перед зеркалом, не узнал себя в мужчине, печально смотревшем на него. Когда-то он причёсывался перед этим зеркалом, спеша на свидание, но теперь невольно взглянул совершенно по другому поводу, и сам себе не понравился. Зато Фёдор воодушевился:

— В клетчатой рубаше да в джинсах — совсем другой вид, — оценил старший брат. — Как прежний Еля!

Елисея частенько в семье называли уменьшительно-ласкательно Елей, поэтому он промолчал, не стал высказывать

своего отношения к словам брата, прилично выпившего на поминках, словно сказал этим, что переделался лишь из-за мамы.

Она же, убрав посуду, тихо сказала снохе:

— Пойдём, Лариса, ко мне в комнату, отдохнём. А ребята пусть поговорят — несколько лет не виделись.

Действительно, поговорить было о чём. Старшему хотелось рассказать о своей проектно-строительной фирме, в которой недавно стал генеральным директором, а младшему вроде и похвалиться нечем. Да и мысли такой не имелось — похвалиться. Поэтому они некоторое время говорили о погоде, о политике, а потом Фёдор неожиданно спросил:

— А что случилось с твоей женой?

Елисей вздохнул, словно раздумывал: отвечать на вопрос или промолчать, ведь начини он вспоминать — опять перед глазами всплывёт тот ноябрьский дождливый день, когда он потерял и матушку свою и младенца. Поэтому и молчал сперва, не зная, как сказать о том, о чём никогда особенно не распространялся. Фёдор заметил его сокращения, попросил:

— Если тяжело говорить, тогда и не говори — воздержись.

Елисей так бы и поступил, но не хотелось выглядеть перед братом чистоплюем, не уважающим чужих просьб. Даже наоборот: хотелось поговорить с ним откровенно, обо всём, быть может, впервые за многие годы, в которые столько произошло событий, столько было дум передумано и сколько их осталось недосказанных. Поэтому изрёк смиренно:

— Так было Богу угодно.

— Другого ответа от тебя теперь трудно ожидать, но что всё-таки произошло на самом деле?

— Я же говорил ранее, — обиженно ответил он и неожиданно пояснил: — Скончалась она при родах.

— В наше время странно такое слышать. Как же это могло произойти?

— Обыкновенно, как оказалось... — Елисей вздохнул и отвёл взгляд.

— Ты так вздыхаешь, словно вся вина, если таковая была, лежит на тебе.

— Может, и не вся, а часть вины есть... Когда у Елены начались схватки, я позвонил местному фельдшеру — совсем молодой девчонке, а сам устранился... Не мужское это занятие вмешиваться в женские дела, сам понимаешь. Проходит час-другой, матушка диакона подключилась, у которой мы жили. Женщины о чём-то переговариваются в комнате, суетятся, а мы с диаконом отправились на службу. Но вскоре прибегает его матушка и сообщает, что, мол, рожени-

цу надо в районную больницу везти — сама не разродится! «Чего же, — говорю, — вы ранее думали с фельдшером?!» — «То и думали, — отвечает, — друг на друга надеялись, а, вижу, фельдшерица совсем неопытная — время упустили... Роже-ница ослабла, и как бы беды не случилось...» Тогда я понял, что зря на кого-то надеялся, надо было сразу доставить Лену в больницу, и тогда всё было бы хорошо, а так... Повезли её на машине, фельдшерица сопровождает. От села до райцентра двадцать километров, расстояние небольшое, тем более по асфальту, но вся беда, как оказалось, в том, что на полпути есть речка, а через неё низководный мост. Обычно-то речка воробью по колену, а после затяжных дождей разыгралась не на шутку — на метр поднялась над мостом. Для легковушки непреодолимая преграда — смоем потоком. Пока бегали и искали грузовик или лодку, Елена потеряла сознание. Вызвали «скорую» из района, машина быстро прибыла, да что толку, если медики на одном берегу, а мы на другом. В общем, пока то да сё — Лена и упокоилась у меня на руках... Она затихла, а я боюсь слова произнести, думая, что она уснула.

— Да, история, — теперь и Фёдор вздохнул. — А где её похоронили-то? Она ведь москвичка у тебя?!

— В том же селе, где служил. Родители хотели увезти её в Москву, но я настоял, что со мной ей будет лучше. А, получается, зря настоял. Где теперь она, а где я. Позже пытался объяснить с её родителями, а они со мной и разговаривать теперь не желают, считая меня во всём виноватым. И это при том, что они пока не знают, что меня перевели в другое благочиние. Надо бы позвонить им, как-то объяснить, сказать, что православный человек не может быть одиноким в горнем мире, если за него кто-то молится. А я молюсь за упокой её души постоянно, и во Владыкине молятся. И за её могилкой обещали ухаживать прихожане.

— Да уж, мир не без добрых людей. А родителям её не звонишний раз. Придёт время, вместе съездите на могилку и помиритесь. Они, думаю, поймут тебя. Машиной я обеспечу. Отвезут вас и привезут. Всё как положено. Съездишь — и полетче станет. Ты ведь не бросил её в душе, не отказался, так ведь?!

— О чём разговор. Будь моя воля, никогда бы из того села не уехал, но ведь, сам знаешь, я солдат Божий. Дали новое послушание — исполняй.

— На новом-то месте какие дела?

— Да никаких пока. Только на днях приехал. Храм не запущенный, а с чего начинать — головы не приложу, если средств нет, и где их взять — неизвестно.

-
- Но ведь на прежнем-то месте нашёл!
- Нашёл, но скольких мне это трудов стоило и времени, кто бы знал.
- Ладно, не переживай. На первых порах помогу.
- Елисей недоверчиво посмотрел на брата:
- Ведь обращался ранее... Что ты говорил?
- Признаюсь — не помню. Но сейчас у меня другая должность и другие возможности. Да и престижно в наше время помогать церкви.
- Так ты ради престижа хочешь помочь?
- И ради этого тоже. Но главное — ты мой брат, к тому же младший, и мне сам Бог велит это сделать. И, поверь, не моя вина, что нехорошо ранее относился к тебе, богохульствовал, во многом на отца глядя. Так что вопрос будем считать решённым, и миллион у тебя есть. Хотя нет — немного меньше. Ведь скажи кому, что миллион перевёл, — сразу вопросы от учредителей, а до миллиона — не проблема для солидной компании. А с учредителями я это утрясу.
- Елисей сдержанно улыбнулся:
- И часто приходится утрясать?
- Постоянно. И по многим вопросам. А ты разве не знал, что необходимо юлой крутиться, чтобы копейку заработать. Ладно, хватит об этом. Деньги ты получишь, но не на карман, а безналичным расчётом. Для этого тебе надо открыть счёт в твоей Свигле и сообщить мне реквизиты. А как сообщишь, то в течение двух-трёх недель переведём. Почему не сразу? А потому что надо согласовать кое с кем, а то ведь люди могут не понять. Ведь случись в компании какая проблема, сразу же мне выскажут, а если не выскажут, то запомнят этот случай.
- От всего услышанного Елисей чуть не прослезился, понимая, на что идёт брат. Поэтому поднялся, обнял Фёдора:
- Спасибо, дорогой мой! От всех моих прихожан спасибо! Буду за тебя молиться до скончания своего века.
- А ранее не молился?
- Молился, за всех родственников молился, а теперь стану молиться как за подвижника.
- Вот что деньги с людьми делают! — улыбнулся Фёдор и поправился, увидев брата нахмурившимся. — Пошутил я. Мне действительно хочется помочь тебе, даже и не тебе лично, а всем нам. Ладно, не буду более изливаться, а то начну говорить как на планёрке. В общем, так: ты сообщаешь реквизиты, а я постараюсь своё слово сдержать.
- Не могу не верить, брат! Только как бы потом тебе жалеть не пришлось!
-

— О пожертвованиях не жалеют. Я тебе, кажется, всё разъяснил. Далее моя забота. Даже могу бригаду строителей прислать.

— Об этом пока речь не идёт, сперва необходимо стройматериалами запастись. Да и дорогие, наверняка, твои рабочие. Среди гастарбайтеров можно подешевле найти. Приглашу православных из Молдовы, из той же Украины. Так что с этим, думаю, проблем не будет. Да и местные помогут. В том числе и деньгами: некоторые уже спрашивали, когда и кому передать.

— Вот для этого тебе и нужны банковские реквизиты. Сейчас можно не только в газете напечатать объявление, но и в интернете разместить. Даже в интернете — более широкий охват будет. Ведь наверняка выходцы из Свиблы разбросаны по всей стране, по всему миру, и все они страдают от ностальгии. Глядишь, кто-нибудь из богатеньких расщедрится.

В этот момент в кухню заглянула высокая и стройная Лариса, на вид уставшая:

— Братцы-кролики, Ольга Викторовна легла отдыхать. Не пора ли нам, Фёдор, домой?! — спросила она.

— Пора не пора — иду со двора. Сейчас я к ней загляну, попрощаюсь.

Фёдор долго не появлялся, и Елисею, хочешь не хочешь, пришлось рассказать снохе всё то, что рассказал брату, за исключением разговора о деньгах, разумеется. А то ведь можно что-то ляпнуть, не подумавши, и вся меценатская помощь потом будет только сниться. Когда же Фёдор вернулся от матери, то сказал брату, пряча заплаканные глаза:

— Нам надо собираться, а ты поживи несколько дней, не спеши в Свиблу, всё равно ведь пока там дел особенных нет.

И Елисей не стал убеждать брата.

5

Только четыре дня пробыл Елисей Ковшов в Москве, а перед выходными, когда брат обещал вывезти мать на дачу, спешно, словно его там сильно ждали, отправился в Свиблу. Пока добирался — вспоминал поездку, промелькнувшую словно во сне. И будто во сне виделись похороны отца, переживания матери, родственников. Он и сам переживал, вроде бы привыкший к похоронам и панихидам. Но то было связано с чужим людям, он исполнял свою обязанность, исполнял отвлечённо, а тут горе касалось его самого, пока не до конца понимавшего своего теперешнего положения.

Добравшись до храма в Свибле тихим, погожим вечером, Елисей увидел, что около кинобудки копошится Николай —

выковыривает ломом металлические решётки, которыми была уложена дорожка до будки, ставшие заметными, когда Елисей очистил дорожку от бурьяна.

— Я же говорил тебе, что красть — нехорошо! — укорил Елисей, указав на сложенные ржавые листы с дырами от заводской штамповки.

— Жалко, что ли?! Всё равно ведь выбросите!

— Не жалко, нет, но надо сперва спрашивать! Давай-ка я приду к тебе во двор и начну что-нибудь отрывать и ломать себе на потребу! Тебе это понравится?

— Это совсем другой расклад. Частную собственность трогать нельзя!

— А здесь, значит, можно?! Может, я тоже пойду и сдам эти железки, а деньги направлю на восстановление храма!

— Так я вам и поверил!

— Не пойду, конечно, но всё равно брать без спросу стыдно. Разве непонятно?!

— Ну и ладно, тогда я пошёл.

— погоди. Забирай, если уж из-за собственной выгоды старался!

— Я-то чего. Это жена послала — что с неё взять. Ходила искать сбежавшего петуха — вот и увидела эти плиты.

— Вот что, Николай, если хочешь помогать общему делу — помогай, если нет — не надо. Найдутся добрые люди — помогут. А зариться на общественное — это непорядок. И на жену всё не перекладывай — это и вовсе недопустимо. Своя голова должна быть. Самому необходимо думать, прежде чем что-то затевать.

— Не обижайтесь, батюшка, я ведь с вами от души, откровенно. Нет — так нет. И вопросов никаких. Ну, я тогда пойду, а то ужинать пора.

— Да уж забирай плиты-то, если наковырял.

— Нет, не буду — оговорили. Не буду.

Николай ушёл явно обиженным, так и не взяв наковырянных железок, но Елисей не стал ничего более объяснять ему, тем более укорять. И без этого хватало забот.

На следующий день он открыл счёт в банке, положив минимальную сумму из выделенных Фёдором на карманные расходы, попросил бланк с реквизитами и, сфотографировав их, выслал брату.

Через день через Варвару созвал будущих прихожан, разъяснил им суть собрания, рассказал о предполагаемой работе по восстановлению храма и пожелал быть примерными прихожанами. Когда выбрали старосту (конечно же, Варвару), составили заявление, то к нему приложили протокол, под кото-

рым появилось 28 подписей; радовало, что среди пришедших было пятеро мужчин, руки которых всегда пригодятся.

Когда протокол был составлен, Елисей предложил:

— А теперь, православные, давайте помолимся. Попросим у Господа нашего помощи в славных делах и укрепим свою веру.

Перед молитвой несколько слов сказала Варвара:

— Отец Елисей, все мы, кто сегодня собрался в нашем храме, несказанно радуемся такой возможности и просим принять материальную помощь на его восстановление. Пусть эти невеликие деньги по возможности обогатят наш храм и станут первым вкладом в общее дело.

— Спасибо, Варвара! Всем спасибо большое! — поблагодарил Елисей и каждого перекрестил, и все в ответ поцеловали его щёки.

Когда прихожане разошлись, Варвара улучила момент и стыдливо доложила:

— Батюшка, хотя и не принято говорить о размерах помощи, но я должна сказать, что каждый из нас внёс по тысяче, а бабушка Жаворонкова десять тысяч передала на общее дело. Только сама она не могла прийти — передвигается плохо, с «ходунками».

— Ну что же: передай ей особенную благодарность. А если она малоподвижная, то мы все за неё вдвойне отработаем. А пока мы с тобой расстанемся — побегу к чиновникам. Деваться некуда.

Расставшись с Варварой, имея на руках прошение на создание православной общины, Елисей чувствовал себя в этот момент самым счастливым человеком. Счастливым настолько, что будто в одночасье исполнил послушание и теперь был готов к новому. И что из того, что его возвышение чувств — лишь начало долгой и трудной работы. Что из того. Ведь теперь он не один, у него столько помощников — это его опора на долгое время, навсегда. У него есть брат, обещавший немислимую помощь, ожидание которой согревало Елисея, делало его уверенным в себе и начатом деле.

Эта уверенность сохранилась при посещении благочинного отца Степана и районной администрации, где приняли заявление на регистрацию православной общины. И с этого момента для Елисея началась настоящая работа. Теперь на неопределённое время он, не забывая о своём основном предназначении, просто обязан стать строителем — ради чего и получил послушание.

Имея на руках старинный план храма, копии фотографий, которыми разжился в местном музее, Елисей знал, как он

должен выглядеть, какая у него будет надвратная колокольня, какой купол. И, пока не было крупной работы, начал заниматься необходимой «мелочью»: позвонил на литейный завод, где отливали колокола для Владыкинской церкви, спросил, можно ли к ним обратиться при необходимости, и получил утвердительный ответ. Потом отправился по местным присутственным местам — подал заявку на подводку газа, электричества, воды. Везде с ним разговаривали радостно, тепло, спрашивая: «Вы теперь наш батюшка?» Он отвечал, что это так и есть, просил помощи в оформлении бумаг, и везде ему обещали не затягивать с рассмотрением его заявлений, хотя и предупреждали, что дело это нескорое, так как в некоторых случаях необходимо составить проект, согласовать во многих инстанциях.

Лишь в лесничестве отнеслись по-иному. Побеседовав с крупным, едва умещавшимся за старинным столом лесничим, Елисей спросил, есть ли возможность приобрести четыре дубовых бревна для будущей звонницы, чтобы за несколько месяцев они могли хоть немного просохнуть.

— Оплачиваете — заготовим! — не особенно дружелюбно сказал мухортый, взъерошенный лесничий.

— Обязательно, но немного позднее, а сейчас пока средств нет.

— А мне зарплату рабочим нечем выплачивать, каждая копейка на учёте. Как быть?

— Это небольшие, я полагаю, деньги. Важно время не упустить, — попытался разжалобить хозяина кабинета Елисей; он, конечно, помнил о деньгах, собранных прихожанами, но почему-то их не хотелось тратить без крайней необходимости.

— Вообще-то настоящий хозяин заготавливает зимой строевой лес, когда у него наилучшая кондиция, а не так, как вы — не подумавши.

— Вы специалист, вам лучше знать, но у нас нет времени ждать зимы, ибо работа тогда неимоверно затянется из-за такой мелочи. Скажите, сможете ли помочь сейчас или ещё раз к вам наведаться?

— Ладно, ради божьего дела можно пойти на уступки. Только материал будете сами выбирать, чтобы потом нареканий не было. Оставьте номер телефона — позвоню в ближайшие дни, сообщу, когда можно будет подъехать.

Позвонил лесничий через неделю, когда Елисей уж знал, что деньги от брата перечислены (сообщили из банка), и отправился в лесничество с лёгкой душой и деньгами в кармане. Когда сказал лесничему, что готов оплатить расходы, тот сразу хитро заулыбался, словно уличил в обмане:

— А говорили, батюшка, что средств нет. Нашлись, значит, когда нужно. Теперь и разговор другой.

Оплатив в кассе стоимость древесины, не такую уж и большую, Елисей вернулся к лесничему и положил квитанцию на стол.

— Вот так и надо было сразу поступить, — укорил тот и, взяв мобильник, кому-то сказал: — Михалыч, сейчас к тебе прибудет батюшка — отпусти ему четыре дубчика. — Лесничий замялся, покраснел от непонятливости того, с кем разговаривал: — Обыкновенный, говорю, батюшка, церковный! — Он вздохнул, извинительно глянул на Елисея: — До чего же народ непонятливый! Вам неплохо бы на делянку съездить самому, на месте отобрать нужный кругляк. А то ведь работягам абы чего навалить.

— Я доверяю.

— Нет-нет, что вы. Такого гнилья подкатят, что потом выбрать будет не из чего. Вы уж сами.

— Как же мне добраться до леса?

— Сейчас трактор с телегой направим на делянку. С ним же и вернётесь. Пойдёмте!

Когда вышли во двор, лесничий окликнул:

— Серый, ты где?

— Здесь, я здесь! — Из-за угла показался этот самый Серый, оказавшийся Сергеем. — Езжай с батюшкой к Михалычу, скажи, чтоб навалил самого лучшего дуба, а потом назад привезёшь к церкви.

— К старому клубу, что ли?

— Про старый клуб забудь. Теперь это церковь. Понял?

— Чего ж не понять, если священника прислали. Пошли!

Тракторист позвал за собой Елисея и бесцеремонно затолкал его в тесную и такую пыльную кабинку, что Елисею пришлось подворачивать полы подрысника.

На делянке Елисей оказался столь придиричивым, выбирая подходящие деревья, что, похоже, утомил даже «сухостойного» Михалыча, как он сам сказал о себе. Когда же деревья спилили, вырезали из них брёвна необходимой длины, да с запасом, то трактором отволокли к телеге, погрузили и Елисей распрощался с помощниками.

Вроде бы недолго занимались, а вернулись лишь к вечеру. Сергей, с которым Елисей подружился, пока мотались на делянку, помог сгрузить брёвна, предварительно подложив под них захваченные из леса слеги. И не просто помог сбросить, где попало, а указал место в тени северной стены храма, подсказал, что брёвна надо укрыть, а торцы обмазать глиной, чтобы они не трескались.

Тракторист вскоре уехал, а Елисей уселся на шероховатые брёвна, которые, так уж случилось, оказались первым приобретением для *его* храма.

В тот же вечер созвонился с благочинным, напомнил о строителях, а тот дал ему номер телефона, сказал неопределённо:

— Появились на примете молдаване. Позвони им. Они завершают придел в сычѣвском храме, может, пока не определились, а то ведь они нахватают заказов, а потом тянут волокиту.

Елисей позвонил, хриплым голосом ему сказали, что ранее чем через две недели не смогут приступить к работе, но прежде, в любом случае, надо определить объём и стоимость работ. Так что завтра или послезавтра ждите в гости.

Действительно, через день на универсальной «Ниве» с местными номерами прибыл загорелый мужчина средних лет: сухой, жилистый, в меру высокий, слегка кучерявый. Выйдя к нему, Елисей поздоровался, назвал себя, и тот представился, сказал коротко и строго: «Геннадий». Мягкий говор выдавал в нём южанина.

— Пойдѐмте, посмотрим храм, — предложил Елисей.

Геннадий ходил следом за Елисеем и ничего не говорил, пока Елисей рассказывал о храме, словно торговец на базаре нахваливая товар:

— Работы, как видите, Геннадий, немного. Храм в хорошем состоянии, надо лишь восстановить надвратную колокольню, возвести купол и затвердить луковку с крестом.

— А крыша, а полы, а внутренняя отделка! — напоминал Геннадий, словно Елисей нарочно утаил объём работ.

— Это и понятно: как без крыши и полов. Да и две пристройки придётся разбирать, где были сцена и кинобудка. Но кинобудку, думаю, будем ломать в последний момент, а пока в ней могут рабочие разместиться; да и я вместе со всеми буду жить.

— Стеснять же вас будем?

— Ничего страшного. Это — пока, а как разбогатею, жильѐ сниму.

Когда заговорили о цене работ, Елисей, зная примерную стоимость по владыкинскому храму, не поддался на заоблачную цену, объявленную Геннадием. Назвал свою, а тот сразу развернулся и направился к «Ниве».

— Погодите! — остановил Елисей. — Если уж рядиться, то рядиться по-настоящему: ни вам, как говорится, ни мне! Золотая середина!

Понимая, что цена всё равно получается заманчивой, Геннадий, тем не менее, недовольно сморщился, вроде как безвыходно махнул рукой, соглашаясь:

— Ладно, годится! Всех денег не заработаешь, а Бога разгневаешь! Так что готовьте парочку «КамАЗов» кирпича, машину цемента, песка машин пять на первый случай. Дней через десять я позвоню и назову точную дату, когда прибудем.

— Договорились, буду ждать! — прощаясь, пожал Елисей гостю руку.

— Да, и ещё, самое важное: привезите машину тёса, можно самого простого, чтобы сколотить леса. Сами понимаете, с них любая стройка начинается.

Когда Геннадий уехал, а он взялся за подсчёты, но сразу понял, что тех денег, какие у него были в распоряжении на данный момент, едва-едва хватит на стройматериалы, а чем расплачиваться за работу, неизвестно, но не опечалился, зная, что обязательно помощь придёт с той стороны, с какой не ждёшь её. Надо лишь быть терпеливым. И он позвонил лесничему, заказал машину тёса, сказав при этом:

— Можно самого бросового. Оплата сразу и наличными!

— Это уж как водится у священников. У вас денег куры не клюют! — радостно отозвался лесничий, а Елисей словно увидел его наяву: толстого и по-женски хихикающего.

6

Как обещал Геннадий, так и сделал. Позвонил с небольшим, правда, опозданием и сказал после короткого приветствия:

— Ну, что, батюшка, наша договорённость остаётся в силе?

— Конечно.

— Материал заготовили?

— Как же без него.

— Тогда завтра ждите.

И действительно, на следующий день к обеду прибыла «Нива» с прицепом, нагруженная как вьючная лошадь тюками. Оказалось, в них матрасы и постельное бельё, которые сразу отнесли в кинобудку, а два мешка с мелким инструментом, пилы, топоры — сложили в притворе храма рядом с мешками цемента. Четыре невысоких, но крепких мужичка всё сделали быстро, без суеты. Пятым был Геннадий, сразу оглядевший заготовленный стройматериал.

— Тёс — так себе, осиновый — чего деньги зря тратить. Кирпич вроде бы кондиционный, а песок-то слабоват — горный. Речного поблизости нет, а везти издалека — сами понимаете, — доложил Елисей.

Геннадий согласно закивал, мол, понятно, и спросил:

— А что у нас с кровлей. Чем думаете крыть: железом, шифером?

— Сейчас шифер, но надо железом крыть, как изначально.

— А что с полами? Ведь надо плитки много, и непростой, а художественной, чтобы делать — так уж делать! Правильно говорю?

— Ваша истина, но пока негусто с финансами, — без особенного энтузиазма согласился Елисей, а Геннадий заметил его настроение, подбодрил:

— Не переживайте, батюшка. Как говорят: глаза бояться, а руки делают. Всё образуется. На первых порах нам много не надо, а если получим небольшой аванс, то и работать начнём, не думая о куске хлеба. Разберём большую пристройку и примемся за кладку. Как заделаем проём — займёмся крышей. А потом, одновременно с кладкой колокольни, приступим к полам, внутренней отделке.

Елисею ничего не оставалось, как снять в этот день со счёта остаток небольшой суммы, которая пока имелась, передать Геннадию — с чего-то надо было начинать. Помнится, на Владыкинскую церковь и таких средств первоначально не было. А строители, получив деньги и пообедав, сразу принялись за работу — возведение лесов.

Ближе к вечеру, когда Елисей собирался сотворить молитву, появился Николай: был он небрит, всклокочен, чувствовалось, что чем-то расстроен. За плечом перевязанный шпагатом матрас. И сразу поставил перед фактом:

— Батюшка, я к вам навсегда! Хочу при храме служить!

— Порыв хороший, а как же семья?

— С семьёй по обоюдному согласию полный разрыв — невыносимость характеров!

— Такие дела все не решают.

— Я серьёзно всё обдумал. Назад хода нет. На любую работу согласен.

— Это хорошо, что хочешь помочь храму. Будешь питаться совместно с нами.

— То есть — бесплатно?!

— Вроде того.

— Ну и отлично. Хотя я пенсию получаю, могу и вам помочь, если... — Николай замялся.

— Что «если»? — спросил Елисей, понимая, что тот имел в виду выпивку. — Если будешь пьянствовать, сквернословить, курить на территории храма, тогда тебе здесь не место.

— От всего откажусь, всё брошу, только не прогоняйте — не могу смотреть на свою... — Николай картинно замялся, пояснил: — Хотел крупно выругаться, да вы не велите!

— Не я тебе не велю, тебе Бог не велит, который всё видит и знает, — вот о ком надо помнить. И помнить не за страх, а за

совесть. Обмануть ты можешь кого угодно, но только не Всевышнего. Вот когда поймёшь это, исповедаешься да при-
мешь Святое причастие, тогда и вести себя и думать будешь по-иному.

— Чего тут непонятного — ясно как в погожий день. Ну, так что, батюшка, берёте к себе?

Настырность Николая, почти нескрываемая развязность не понравились Елисею, но и прогонять он не посмел человека, добровольно пришедшего на помощь.

— Оставайся, жить будешь вместе со всеми. Провинишься в чём — придётся тогда расстаться.

— Ладно, согласен.

Через десять минут Николай уж вертелся рядом со строителями, которых сразу же начал учить, как ставить леса. Такое вмешательство им не понравилось, и Геннадий сказал Елисею:

— Батюшка, нам такой помощник не нужен. Найдите ему другую работу.

— Ваша правда, Геннадий! Есть и для него работёнка — надо разобрать лестницу на колокольню, забитую фанерой и досками. Это самая для него работа — разбирать и ломать.

— В его годы мужик всё должен уметь, если, конечно, не придуряется, чудака из себя не строит. Недельку-другую здесь поработает — сразу изменится. Не он первый. Уж какие, бывает, приходят оторвы, но и они меняются до полной неузнаваемости. Так и с Николаем — обаркается, как тут у вас говорят.

На следующий день Николай исповедался, причастился. О грехах своих он не стал распространяться, сказал лишь «грешен», что много «надрал» металла в пустующих усадьбах — и Елисей не стал допытываться, где и когда это произошло, понимая, если уж он отстоял молитву, когда нужно и не нужно крестясь, значит, действительно жизнь пробрала мужика, хотя и не известно, что с ним далее будет. Но и не это главное. Главное, что сделал первый шаг, а за первым будет и следующий.

После утреннего чая Николай приступил к разборке прохода на колокольню. Таинство обрядов явно его воодушевило, и работал он воинственно, яростно отдирая листы фанеры, крепёжный брус и сбрасывая всё в притвор, поднимая при этом волны пыли. В какой-то момент, когда добрался до крыши, то поумерил рвение, не зная, что делать, увидев нескольких голубят, испуганно тарашившихся на человека, осмелившегося нарушить их уютную жизнь, которого видели впервые. Они заволновались от неизвестности, запища-

ли, призывая родителей, метавшихся над крышей храма. Николай спустился в притвор, в задумчивости присел.

— Что с тобой? — спросил Елисей, заметив на лице Николая нерешительность.

— Со мной-то ничего, а под крышей птенцы Божии сидят.. Чего с ними делать. Гнёзда, что ли, разорять?! Грешно вроде как.

— Разорять не надо, а надо перенести птенцов в другое место. Они ведь ни в чём не виноваты.

— Если их в руки возьмёшь, говорят, от них родители откажутся.

— Ну и что ты предлагаешь?

— Не знаю. Кепкой их ведь не переловишь. Хотя, придумал! — радостно воскликнул Николай и сразу же осёкся.

— Договаривай, о чём хотел сказать...

— У внучки сачок есть. Им бы можно птенцов переловить, но мне дома нельзя появляться — жена в оборот возьмёт.

— Но ведь так и так их надо переловить. Строители ждать не будут, когда птенцы встанут на крыло.

— Есть ещё мысль. Сейчас схожу к соседу, возьму у него наметку, ею и накроем желторотиков... Хотя куда их потом девать, не годится такой вариант. Сделаем вот как: у одного из слуховых окон отгородим фанерой загончик, туда и поместим птенцов.

— Ну что же, действуй, — согласился Елисей и улыбнулся.

— Вы чего это, батюшка, лыбьтесь?

— Добрая у тебя душа Николай, но неприютная — сама по себе. Разные вы с ней.

— Какой-то писатель сказал, что в человеке всё должно быть прекрасным. Вы об этом, что ли?

— Об этом, об этом, — повторно улыбнулся Елисей. — Этого трудно достичь, но ты лишь пытаешься, то это уже достижение. Но ты, по-моему, на верном пути. Вот ещё о чём хотел спросить: ты кто по специальности? Вроде и не старый особенно, а уж на пенсии!

— Сварщик. Сварной, короче. У нас горячая сетка — с пятидесяти лет на пенсию можно уходить.

Елисей улыбнулся:

— Это хорошо, что сварщик, сможешь в случае чего?

— Без проблем: и автоген, и газовая сварка. Даже аргоном могу.

— Да ты бесценный человек для нашего храма!

— Всегда — пожалуйста! Был бы аппарат, баллоны — за мной не заржавеет.

— Погоди, придёт время, и твоё умение обязательно пригодится. Если, конечно, не передумаешь. А то ведь на словах-то всё ловко выходит, а на деле может получиться сплошная досада.

— Конечно, пригодится. Вот купол начнёте лепить, а из чего, как? По старинке — лишние хлопоты, а если сварить каркас на земле, да сразу покрыть его, да маковку золотую закрепить с крестом, то можно одним махом — только автокран надо с подходящей стрелой.

— Вот молодец-то! — по-настоящему удивился Елисей. — Ещё и не начинали стройку, а у тебя уж проект готов.

— До этого пока далеко, пока надо птенцами заняться...

— Занимайся, — согласился Елисей. — Устроишь их — новое для тебя задание есть.

Николай кивнул, принялся подбирать подходящие тесины, чтобы отгородить место для птенцов. Так увлёкся, что не сразу заметил жену в пёстром сарафане. Вернее сказать — услышал её не по-женски скрипучий голос, показавшийся ему в этот момент особенно неприятным.

— Как вам не стыдно?! — укорила она Елисея, будто фанеру царапала. — А ещё батюшка! Зачем же вы человека из семьи сманили, если у него дел полно?!

— Успокойтесь, — негромко ответил Елисей, но Николай, затаившись, его хорошо слышал. — Никто его не сманивал, как вы выразились, а пришёл он сюда добровольно, по зову своего беспокойного сердца. И разве плохо, если он окажет помощь по восстановлению храма?

— Помог? Теперь пусть домой шкандыбают — огород поливать надо. У меня не десять рук, чтобы за всем уследить.

— Николай! — окликнул Елисей помощника, зная, где он находится. — Всё слышал?

— Слышал-слышал, — отозвался тот, а вскоре и сам появился, выглянув из притвора и спросив у жены: — Ну что, добилась своего?

— Представь себе!

— Возвращайся в семью, Николай, — смиренно сказал Елисей, не желая разжигать скандал и привлекать внимание прохожих. — Так будет лучше для всех! — и осенил его крестным знаменем.

— Возвращусь, но сперва птенцам гнездо устрою новое.

Он ещё, наверное, час возился на верхнем ярусе, а когда закончил, то послушно ушёл, прихватив свой матрас. Геннадий, увидев это, сказал батюшке:

— Вот и хорошо. Через день-другой он сам бы сбежал. У таких людей только язык хорошо работает.

Елисей не стал ни оправдывать Николая, ни укорять.

Стройка незаметно, исподволь, расширялась и расширялась. Молва о ней неудержимо распространялась по округе, всё чаще около храма появлялись любопытствующие. Во Владыкине всё проходило тише, спокойнее, а в Свибле населения несравненно больше, да вдобавок приезжие — выходцы из этой местности. Прибудут на малую родину и, узнав о возрождении храма, обязательно посетят стройку. Большинство поглазеют и уезжают, а иные подойдут, поговорят и обязательно денежку оставят. Кто тысячу, кто пять, кто десять. Один, назвавшийся Василием, тысячу долларов отвалил, попытавшись незаметно сунуть купюры в руку, будто взятку давал, и попросил при этом, как приказал:

— Батюшка, неплохо бы потом табличку подходящую на храме установить, а на табличке — имена дарителей, в назидание, так сказать, потомкам.

— Спасибо вам, Василий, да пребудет с вами Божие благословение, но подобная акция не в наших правилах. А вот молиться за вас будем.

— А на Христе Спасителе в Москве памятная доска есть, многие имена указаны!

Хотел было Елисей сказать, что там и суммы от дарителей поступали другие, но даже и не в суммах дело, а в душевном порыве: хочешь — помоги храму, нет такого желания — укорять никто не будет. Поэтому не стал огорчать гостя, простил его суету, тем более что был он откровенен, и может, поэтому уехал слегка огорчённым, будто опростоволосился. И это не очень-то понравилось Елисею. Ему бы радоваться оказанной помощи, но радости особенной не наблюдалось. Мысль о том, как в следующий раз поведёт себя этот Василий, захочет ли вновь навестить Свиблу или навсегда останется обиженным, не проходила, даже более того — всё разрасталась и разрасталась.

Спасибо Фёдору: позвонил, отвлёк.

— Как ты, брат, в своей Свибле? Живой? — спросил таинственно.

— Живой-живой. Тружусь во славу Господа Бога!

— Это хорошо. А как с деньгами?

— Об этом лучше не спрашивать.

— Хочу обрадовать тебя. Говорил на днях с одним однокурсником, которому делаем проект, попросил его помочь тебе, снизив за это стоимость проекта. Много он не обещал, а пол-ляма отгрузит. Так что не вешай носа!

— Федь, не знаю, как и благодарить. Я ведь и без того каждый день молюсь за тебя, а теперь буду с особым усердием.

— Да ладно, Еля. Не для себя стараемся. Есть какие-то подвижки?

— Есть, много... Колокольню надстраиваем, проём в стене закладываем. Это сделаем — займёмся крышей, да и о маковке над колокольней пора думать.

— Правильно! Если уж делать, то по-настоящему! Надо как-нибудь заехать, посмотреть на твои хоромы. Через месяц в соседней области объект новый будут сдавать, ну и меня, как гендиректора, пригласили на открытие. Так что, если это дело не сорвётся, заскочу. Да, а ты по проекту работаешь, или на глазок?

— Какой проект! По старым чертежам, которые в архивах раскопал, да по фотографиям. По фотографиям даже нагляднее получается. Ведь храм-то сохранился неплохо, даже, можно сказать, хорошо, из нового только колокольню надстроить да проём заделать. А в остальном — капитальный ремонт. Но и с ним возни много будет. Да плюс воду и газ надо подводить. Если уж делать, то делать по-современному.

— Молодец, действуй! Как деньги придут — сообщи.

— Обязательно!

Через неделю, когда деньги действительно перевели, по просьбе Геннадия Елисей заказал машину кирпичей, машину цемента. Деньги теперь тратил разумно, помня, что вскоре предстояло расплачиваться с рабочими. Поэтому сам мог ограничиваться хлебом и чаем даже в непостные дни, и пошло это от тех дней, когда и копейки не валялось в кармане. Но никогда не унывал, зная, что будет новый день, а с ним обязательно что-то произойдёт, придёт помощь, откуда не ждёшь. Всё это время он посильно помогал рабочим, поднимая кирпичи на колокольню, по-старинному используя кóзлы. По неширокой лестнице тяжело, конечно, подниматься — приходилось плавно и осторожно проходить повороты, а вот к проёму подносить — проще простого, и кóзлы не нужны.

Геннадий всякий раз противился такой помощи, говорил, улыбаясь:

— Батюшка, не утруждайтесь. Не берите нашу работу на себя — всё равно не заплатим!

— А мне не в тягость, потому что работа у нас общая, да и не привык без дела сидеть. К тому же не просто помогаю, а заодно обдумываю, что далее ждёт, какую именно работу надо подготавливать. Было бы финансов поболее, то всё сразу бы заказал, а потом всё собрал воедино. А то воду нам подвели, а на газ средств пока не имеется. А ведь зима подберётся, не заметишь как. Да и вы рано или поздно закончите работу и потрете окончательный гонорар.

— Ну об этом пока чего говорить... Ведь и половина работ не сделана. Вот когда заделаем проём, надстроим колокольню да крышу над ней, да подготовим маковку с крестом — вот тогда другой разговор будет. Да, а крышу-то какую будем ставить на колокольне?

— Какая и была когда-то. Шатровую. Я же показывал фотографии.

— А как её ладить будем?

— Можно по старинке из дерева, а можно сварную. А что — очень удобно. Сварим, обошьём тёсом, покроем железом, маковку с крестом затвердим — останется лишь подогнать подходящий автокран и одним махом поставить крышу на место. Сейчас везде так делают!

— Надо только сварного подыскать! У нас есть один, но он неопытный.

— Не тужи — у меня тоже имеется.

— Из местных?

— Николай.

— Это тот, за которым жена гонялась? Что-то не верится, что от него можно чего-то дельного дожидаться.

— А я ему верю. Справки наводил. Он действительно работал сварщиком в «Сельхозтехнике». Я даже предварительно договорился на местном заводе, и нам помогут с оборудованием. Могут даже и сварного дать, но хочется почему-то именно Николая привлечь к этому делу. Ведь вижу, как он тянется к нашему храму, и душа у него добрая — вспомни, как он спасал птенцов, — но ему постоянно не хватает самой малости, чтобы устояться в жизни, почувствовать опору.

— Вам виднее. Только как бы конфуза не вышло из-за такого работника. Да и жена его работать не даст.

— Ну что же, Геннадий, загадывать не будем, а будем решать проблемы по мере их поступления.

Они беседовали, сидя на брёвнах в тенишке, и Геннадий первым заметил полицейскую машину, остановившуюся в створке от храма.

— Это по наши души! — тревожно предположил бригадир.

— Чего вам переживать, если с документами у вас полный порядок.

— Не совсем. У самого молодого, который сварной, регистрации нет — не успели сделать. Ну, ладно, хочешь не хочешь, а надо выдвигаться навстречу.

А из машины тем временем выбрались двое полицейских: подтянутый лейтенант и слегка полноватый сержант с автоматом через плечо, остановились близ паперти, оглядывая храм. К ним подошёл Елисей поздоровался.

— Здравствуйте, батюшка! Широко размахнулись...
— С Божией помощью, — перекрестился Елисей.
— У вас тут и наёмные рабочие, говорят, есть. Кто такие, откуда? Можно ли взглянуть на их документы?!

— Вот бригадир, — указал Елисей на Геннадия, — он, думаю, вам ответит конкретнее.

— Ну и что можете предъявить? — спросил лейтенант у Геннадия.

— Из Молдовы они, регистрация есть, — пояснил Елисей.

— Предъявите! — предложил лейтенант Геннадию, не обращая внимания на батюшку.

Геннадий ушёл в храм и принёс пять паспортов с одноглавым орлом на обложке, вздохнул:

— С документами всё в порядке, только у одного нашего товарища нет пока регистрации — не успели оформить.

Пока лейтенант рассматривал документы, Елисей и Геннадий стояли тихо, напряжённо, понимая, что у полицейского есть хороший повод проявить особое рвение.

— У четверых, действительно, всё в порядке, не считая того обычного обстоятельства, что все они зарегистрированы по одному адресу; будем разбираться. А вот пятый — самый натуральный нарушитель. Так что если он не зарегистрируется, то выдворим, а пока возьмём его с собой в отделение для составления протокола, а остальные четверо могут работать.

Молодого, загорелого парнишку увезли, а Геннадий вздохнул:

— Теперь ко всем прицепятся. Так что, боюсь, отец Елисей, не дадут нам доработать. Вовремя вы вспомнили о Николае.

— Оставь уныние. Авось, не свои собственные хоромы строим, а для людей стараемся. Сейчас пойду в администрацию, постараюсь там этот вопрос уладить.

— Не помешало бы.

Направившись к главе, Елисей сказал себе для решимости: «Обещали помочь — пусть помогают!» И здесь он подумал более о том, что зарегистрировать рабочего несложно, но хотелось воспользоваться ситуацией и напомнить местному начальству о себе, напомнить о том, что была обещана помощь. И если пока он к ним не обращался по этому вопросу, то теперь представился очень подходящий повод.

В приёмной Елисей просидел около часа. В кабинет главы администрации входили и выходили какие-то люди, а пожилая женщина-секретарь, по-нынешнему — офис-менеджер, всякий раз печально и устало говорила Елисею, обращаясь к нему почти безразлично:

— Подождите немного.

Всё-таки дождались, когда около секретаря тоненько зазвенел зуммер, и она указала Елисею на дверь:

— Проходите!

Глава администрации был так же круглолиц, как и в первый визит к нему Елисея, с такими же бегающими глазками, только теперь совсем не улыбочивым. Тем не менее, увидев Елисея, он заставил себя улыбнуться и пригласил за стол, сказал устало:

— Слушаю вас!

— Постараюсь надолго не отвлекать от дел насущных, но, если помните, не так давно вы сказали, что всегда готовы помочь в деле восстановления храма... По-моему, такой момент настал.

— Что-то случилось? — торопливо спросил глава, словно давая понять, что не располагает временем, чтобы долго выслушивать Елисея.

— На храме работают пятеро. Четверо из них зарегистрировано. А пятый лишь недавно прибыл в нашу область, и не имеет пока регистрации.

— Ну и в чём дело? Вы же создали общину, так пусть кто-нибудь из верующих зарегистрирует этого человека на время строительства. Ну не мне же искать подходящий вариант?! — укорил глава.

— Спасибо за совет, Илья Леонидович! Так и поступим. Но у меня ещё одна просьба. В скором времени нам понадобится подъёмный кран большой мощности, чтобы установить над колокольной крышу с крестом — это могло бы значительно ускорить строительство. Поэтому не могли бы вы посодействовать в этом вопросе? Желательно в порядке шефской помощи, а то с финансами у храма дела обстоят не лучшим образом.

— Поможем, почему — нет! Только скажите, когда понадобится техника.

— Важна не столько грузоподъёмность, сколько длина стрелы... На электростанции такой кран имеется.

— Вот и прекрасно. Считайте, отец Елисей, что договорённость есть. Рады бы деньгами помочь, но нет такой у нас статьи расхода. А техникой — пожалуйста.

Глава поднялся из кресла, подал руку, давая понять, что разговор окончен, а Елисей расстался с ним с лёгкой душой. Он и возвращался из администрации с той же лёгкостью, какая бывает у человека, когда у него всё складывается, когда исполняются все его просьбы к Господу Богу.

Но как хорошо ни складывались дела в отдельные моменты, в отдельно взятом кабинете, на душе Елисея было всё-таки тревожно от общей неизвестности. Он понимал, что решать вопросы надо по мере их поступления, но и без плана не обойтись, хотя и без него ясно, что до начала осенних дождей и холодов необходимо подвести в храм газ, наладить систему отопления, потому что без отопления нечего думать об отделочных работах. Но легко сказать — подвести газ. Попробуй, добейся от районной компании к себе какого-то особенного отношения. У них тоже план, а сверх плана — частники, дачники, и все чего-то хотят и просят. Наверное, взятки дают, потому что слышал Елисей от одного такого, как он «подводил» воду полгода: обещания были, а дела нет. Пока не догадался, как поступить. Но для него такой вариант неприемлем. Вот и приходилось постоянно звонить, напоминать. А от всего этого устаёшь безмерно. Помнится, во Владыкине дело шло медленно, работы растянулись неимоверно, но теперь, в отдалённом времени, казалось, что так они и должны идти. А не как здесь: скорее-скорее! Да и польза от такой поспешности сомнительна. Ведь минула середина лета, времени ушло со дня приезда в Свиблу уйма, а сделано-то пока мало. Хотя, если посмотреть издали, то видно, что над колокольней возвысились леса, а по новой кладке можно судить о движении в делах. И это было действительно так, если строители уж приготовили нужных размеров связи из тех дубков, которыми Елисей запасся в самом начале, и теперь оставили для них ниши в кладке. Ещё два-три ряда, и они займут постоянное место в ожидании колоколов.

Возвращаясь из администрации, Елисей не утерпел, присел у чьего-то дома на лавочке, издали посмотрел на храм, на мелькавших рабочих и на минуту забыл, что деньги на его счету тают с неимоверной скоростью, а дел и трат скопилось столько, что сразу всё и представить невозможно. Это всегда тяготило, но в последние дни особенно, потому что более у него язык не повернётся позвонить Фёдору и спросить новую сумму. Из-за этого в какие-то минуты вдруг начинал безмерно печалиться, помня о том долгом и тяжком бремени, какое неотступно будет жить в душе до того светлого и радостного момента, когда с Божьей помощью храм окрестят, отслужат праздничную литургию, пройдут Крестным ходом. Во всём этом торжестве наверняка будет присутствовать митрополит, и Елисей очень надеялся, что ему не будет стыдно перед ним, перед прихожанами, а станет безмерно радостно на душе и торжественно. Ему даже самому не будет верить

в то, что он прошёл через все испытания от начала до конца, от первого знакомства с храмом до праздничного колокольного звона. Эх, побыстрее бы всё это произошло воистину.

Сколько ни размышляй и ни наблюдай за работой других, но надо и самому что-то делать. Тут, очень кстати, увидел Варвару, относившую обед рабочим, окликнул её, рассказал о разговоре с главой и попросил зарегистрировать рабочего, чтобы у того появилась возможность спокойно работать, а не озираться, ожидая появления полицейского или чиновника из миграционной службы.

Старосту не пришлось долго убеждать, она, похоже, даже обрадовалась просьбе, хотя и оговорила условие:

— Батюшка, как скажете, так и сделаю, но только я согласна на временную регистрацию нашего рабочего, а то сыновья узнают — со свету сживут!

— Более и не требуется никакой.

— А у вас-то, батюшка, есть регистрация эта самая, — поинтересовалась староста, — а то я и вас заодно оформила бы!

Елисей улыбнулся, вспомнив, что он по-прежнему прописан, или зарегистрирован, как теперь говорят, в родительской квартире, хотя, если уж совсем по закону, то и ему нужна временная регистрация, если он намеревается жить в Свибле. Но, славу Богу, полицейские пока не теребят своих. Видимо, из скромности, а скорее — из уважения.

Поговорив с Варварой, Елисей отправился к храму, где, увидев Геннадия, порадовал его:

— Можно теперь не переживать... Зарегистрируют вашего рабочего, надо только будет узнать приёмные дни и упредить старосту.

— Это хорошо, — улыбнулся бригадир, — меньше отвлекать будут. — И добавил: — Вас тут какой-то серьёзный человек искал, хотел поговорить.

— Ну и где же он?

— Они поехали на холм, посмотреть окрестности.

— Их несколько?

— Двое: водитель и этот, важный такой. Всё ходил вокруг храма, что-то высматривал.

— Ну что же. Если высматривал, значит, чем-то заинтересовался.

— А вон и они! — указал Геннадий на подъезжающий джип. — Ну, я пошёл к своим.

Геннадий ушёл, а Елисей задержался, разглядывая появившегося из машины гостя. Тот действительно показался солидным даже в джинсах и ковбойке, но солидность его скво-

зила не от одежды, а от него самого — среднего роста, крепкого и уверенного в себе. Он первым по-хозяйски спросил:

— Вы — настоятель нашего храма?

— Он и есть — отец Елисей, — согласился и мягко представился Елисей, исподволь разглядывая гостя.

— А я — Алексей Павлович Старов, предприниматель. Очень рад видеть вас в нашем городе, очень рад, что идёт восстановление храма. Сперва-то не верилось, когда узнал из интернета, а оказалось, что так и есть — восстановление началось. Сейчас и сам вижу, что есть некоторые сдвиги: от одной пристройки избавились, надвратную колокольню воздвигаете. Что же — у вас и колокола наготове имеются?

— Чего пока нет, того нет. Будем заказывать, когда появятся средства.

— Вам, наверное, интересно, почему я заговорил о колоколах? Отвечу, чтобы не томить: мой прадед служил в этом храме звонарём до Октябрьской революции. По рассказам, звонарь был знатный. Но всё это, сами понимаете, в далёком прошлом, которое почему-то с каждым годом всё более привлекает и завораживает. Почему-то по молодости не интересовался историей, в Свибле бывал редко. Помнится, ездил с отцом на похороны бабушки. Потом несколько раз приезжал на её могилку и могилку деда. Вот и сегодня побывал — словно окунулся в детство... Отца моего не стало давно. Вроде бы ничего не связывает с этим местом, если, конечно, не считать бабушкину и дедову могилки, а как услышу слово «Свибла» — так что-то переворачивается в душе, словно в этот момент заглянул в потаённую дверь и увидел за ней всё то, что было задолго до меня. И что интересно: постоянно думаю об этом городе и сожалею, что редко бываю здесь. Поэтому и корю себя: «Где же ты, милоч, — как говаривал дед, — раньше-то был, где тебя носило?!» Хотя сам-то я не приучен к церковным порядкам и правилам, но в душе всегда тянулся к религии, да и сейчас кое-какие книги читаю. Когда, конечно, есть время. Но его, как на грех, мало, почти нет. Вот и сейчас мы с вами, отец Елисей, разговорились, и можно бы и далее продолжить беседу, но нам пора ехать. Но прежде чем отправиться, хочу просить принять от меня помощь на восстановление храма, и будет она выражаться в даре колоколов для звонницы, коли уж у меня прадед был по этой части. Пусть продолжится, если уж не династия, то традиция... А династии было не суждено сложиться. В двадцатые годы прадеда куда-то увезли из Свиблы — и с концами.

— Понятно.

— А от помощи моей вы, думаю, не откажетесь! К тому же она от чистой и памятливой души.

— Это не возбраняется. Мы любой помощи рады.

— Вот и хорошо. Если можно, запишите размеры колокольни, схему переводин для подвески колоколов, а я в самое ближайшее время свяжусь с литейной мастерской и всё постараюсь оформить в самом лучшем виде. Вам ни о чём и заботиться не надо: придут специалисты, установят колокола — разве плохо?

— Об этом можно лишь мечтать! — неуверенно сказал Елисей и впервые внимательно посмотрел в глаза гостю, позвал бригадира: — Геннадий, подойди, пожалуйста. — Когда тот подошёл, пояснил: — Вот познакомься — Алексей Павлович! Хочет узнать размеры проёмов колокольни и переводин. Измерь, пожалуйста!

Они пожали друг другу руку, а Геннадий сказал:

— Я и так знаю, сейчас запишу и нарисую.

Он достал широкую замусоленную тетрадку, что-то записал в ней, нарисовал схему, обозначил размеры и вырвал листок, отдал гостю:

— Готово! Более я не нужен?

— Спасибо! Нам остаётся обменяться номерами телефонов и надеяться на всё самое наилучшее! — подвёл итог Алексей Павлович и вдруг спросил у Елисея: — А звонарь-то у вас есть на примете?

— Вот с этим проблема. Пока не имеется такого человека. Надеюсь, что со временем обретём.

— Такой вариант не годится. А то получится: храм восстановите, а звонаря нет?! Предлагаю вот что: есть такое компьютерное устройство, способное управлять колоколами. В памяти у него будет несколько вариантов звона, надо лишь знать, какой именно нужен в том или ином случае, а остальное всё сделает техника. Понимаю, что она не заменит живого человека, но это всё-таки лучше, чем ничего.

— Об этом можно только мечтать.

— А мы мечту сделаем былью. Так что, уважаемый отец Елисей, рад нашему знакомству. Будем на связи, и как только станет возможным, — к вам придут специалисты — всё установят и наладят. Мне остаётся откланяться.

Гость склонился перед батюшкой, немного картинно поцеловал руки Елисея и негромко сказал:

— С вашего позволения мы отбудем?

— Езжайте с Богом! — Елисей осенил гостей крестным знаменем и долго потом смотрел вслед джипу, так по-настоящему и не узнав этого человека по фамилии Старов, с таким

усердием предлагавшего помощь. Надо бы спросить — кто он, кем и где работает, от души ли его содействие, или тоже потом намекает о табличке на стене храма со своей фамилией. Но напрямую не спросишь, нет конечно. Да и не в должности или положении дело, а в совести, в желании помочь. Есть всё это — помоги! А если эта помощь искренняя и от души, то она вдвойне приятна. И сколько теперь ни размышляй на эту тему и не фантазируй, оставалось лишь ждать известий от Алексея Павловича.

После его отъезда, Елисей пытался понять, что движет людьми в те моменты, когда в них просыпается желание помочь общему делу, но так ничего и не прояснил. Да, наверное, и не мог, потому что нельзя такое дело назвать одним словом и выразить каким-то единственным определением. Все они разные, но служат единому промыслу. Вот что главное.

9

В одну из ночей Елисею приснилась Елена. Давно она не снилась, а тут как живая предстала, задумчиво посмотрела в глаза и спросила так жалобно, с такой обидой в голосе, что сердце сжалось от её слов.

«Что же вы, мой батюшка, редко вспоминаете и молитесь за меня и наше чадушко?.. Зябко мне, душа смёрзлась, плачу бесконечно...» От её слов, взгляда, упоминания о не родившемся ребёнке Елисей почувствовал себя безмерно виноватым и не знал, что сказать матушке, как разделить с ней общее горе, почему-то выбравшее именно их, много лет ждавших ангельскую душку и не уберечьших её. Что может быть горше от сознания такой несправедливости, накрывшей беспощадно, словно они чем-то провинились. Нет у них прямой вины, не злодеи они были своему ребёнку, а произошла трагедия по недосмотру, по стечению обстоятельств. Поэтому и сказал Елене смиренно: «Винить некого, дорогая матушка, на всё воля Господа нашего. Придёт время, и я обязательно навещу вас, приду с поклоном и молитвой».

Елисей от своих слов проснулся, словно услышав их со стороны, невольно поёжился, а от чего именно — сам не понял: то ли от сна, то ли от ночной августовской свежести, пришедшей после второго Спаса, заставлявшей ёжиться по утрам.

Чтобы не разбудить рабочих, он осторожно выбрался из пристройки и вошёл в храм, где, сняв заплётённое покрывало с иконостаса, долго молился за всех живых и усопших, а после вышел, осмотрел храм снаружи, словно он мог за ночь измениться.

Измениться, конечно, не изменился, но всё равно было приятно смотреть на новую крышу, почти готовую надвратную колокольню — покамест без креста, но с вполне чётким абрисом. С надвратной крышей, конечно, произошла заминка. Были бы средства, давно бы она красовалась, венчая храм золочёной маковкой, но лишь к сегодняшнему дню скопилась приличная сумма, которая позволила продолжить работу.

Он смотрел на потемневшие от времени стены красного кирпича, на аккуратную кладку прежних мастеров и думал о давно живших свибловчанах. Кто-то из них чаще ходил в храм, под сень этих стен, кто-то реже, кто-то и вовсе был безбожным. Так обычно и бывает, ведь невозможно во всём походить друг на друга. Но те, кто приходил сюда, каждый со своими мыслями, чувствами и заботами, составлял единое общее: одинаково молился, одинаково думал о Всевышнем, прося у него защиту и благословение. Погружённый в мысли, Елисей мог бы долго так стоять, но услышал шевеление в пристройке, вернулся в мыслях из прошлого ко дню сегодняшнему.

Когда проснулись рабочие и после завтрака принялись за работу, Елисей, помня разговор с Зельцовым, отправился на соседнюю улицу, где тот жил в частном доме.

— Николая могу увидеть? — позвонив в звонок у калитки, спросил Елисей у его вышедшей жены.

— Опять вы, батюшка! — Женщина картинно прихлопнула руками по крутым бокам. — Я же сказала: у него дома работы полно! А вы всё ходите!

— Говорят, он сварщик прекрасный. На него вся надежда. К тому же не бесплатно.

— Так бы сразу и сказали, — вмиг заулыбалась женщина и позвала мужа: — Коленька, ты где? С тобой поговорить хотят!

Заспанный Николай будто ждал команды и тотчас выглянул из веранды, поздоровался, представил жену, будто Елисей видел её впервые.

— Это — Елизавета... Вы особенно не слушайте её.

— А вы его... И сколько же заплатите?

Николай же сразу нахмурился:

— Сколько положено, столько и заплатят. Тебя не спросили. Пойдёмте, отец Елисей, на месте помаракуем, — предложил Николай, явно не желая заводить разговор о деньгах при свидетеле. — А ты на работу отправляйся, — пуганул он жену. — Всегда до последней минуты сидишь.

— Если за копейки, то и не думай браться — размазнёй-то не будь! — поучала Елизавета, будто не слыша слов мужа.

— Ладно-ладно! — отмахнулся Зельцов. — Не обращайтесь внимания, — попросил он и, когда пошли к храму, добавил торопливо, словно она могла услышать: — Всё до копейки всегда выгребает, но в этот раз мы ещё посмотрим, кто кого!

У храма их встретил Геннадий. Он подошёл к остановившимся в сторонке Елисею и Николаю, поприветствовал:

— Утро доброе! С утра, значит, производственное совещание?!

— Доброе-доброе, спаси Христос! Сегодня надо ехать за сваркой, вот маракуем с Николаем насчёт крыши над колокольней. Нужны точные размеры, будем варить каркас.

— Сварить несложно. Главное — как установить всю конструкцию на место!

— Из своего опыта могу сказать, что шатёр крыши собирается на земле, потом к нему приваривают крюк, за который цепляют всю конструкцию и автокраном осторожно устанавливают. Когда крыша встанет на место, то петля троса сама соскочит. Работа, конечно, тонкая, можно сказать ювелирная, но для опытного крановщика вполне выполнимая, — разъяснил Елисей. — Но для этого нужен автокран подходящий.

— С этим проблем не будет — обещали помочь. Так что, Геннадий, давай-ка сейчас на твоих «Жигулях» поедem на завод и привезём металл, баллоны с кислородом и ацетиленом, прочее. Если ты, конечно, не против.

— А машина-то будет грузовая?

— Как же без неё. В неё загрузим и привезём. А тут уж Николай пусть распоряжается.

Быстро собрались и, прихватив одного рабочего, поехали за аппаратом. На складе завода руководил Николай. Он сам отбирал уголки, профиль. Прежде чем выдать ему баллоны, заведующий поинтересовался, есть ли у Николая удостоверение сварщика и допуск на газосварочные работы.

— Я что, порядков не знаю?! — деланно возмутился Николай. — К моим документам самый мелкий комар носа не подточит. Да и какое ваше дело.

— Всё равно проверить надо, — настоял тот и сразу же усомнился, взяв «корочки» Николая. — У вас здесь как будто месяц подделан? — подозрительно и выжидающе взглянул на Зельцова завскладом — дядечка предпенсионного возраста, на вид ленивый и неповоротливый, но шустрый в словах.

— Как это подделан? Это страничка замаялась, разве не видно. У меня ещё два месяца в запасе!

— Ладно-ладно, сварной, не ерепенься, — быстро пошёл дядечка на попятную, понимая, что ничего ему не выгорит.

После своеобразной процедуры проверки, втроём они отобрали и загрузили нужный металл (Елисея не подпустили к этой работе), подняли в кузов баллоны, шланги. Завскладом составил список погруженного, Елисей расписался, а потом все отбыли, всё-таки получив ценное указание от дядечки:

— Долго-то не держите оборудование. Не вы одни с протянутой рукой ходите. — Он ещё что-то говорил, но никто не слушал его, понимая, что в его нытье сквозило скрытое разочарование оттого, что оборудование пришлось отдать по звонку начальства «за так» — без магарыча.

По дороге рабочие подшучивали над ретивым завскладом, а у Елисея не выходил из головы приснившаяся сегодня Елена... Как же он мало уделял ей внимания, как же долго, почти мучительно они привыкали один к другому в самом начале знакомства. Он, конечно, ничего не говорил, что каждое её слово, взгляд ставил под сомнение, частично переспрашивал о чём-то, проверяя её, помня свои отношения с Марией. Он и домой её привёл показать лишь перед самым венчанием, когда уже для себя они всё решили, и оставалось лишь известить родителей, получить у них благословение. Мать благословила, а отец и думать о венчании сына не желал. Но это уж его дело. Это, конечно, обидело. Догадывалась ли Елена о его тогдашнем отношении? Наверное — да. Но никогда при этом не укоряла, не попрекала и единым словом. Даже намёка не делала. Именно поэтому — Елисей и не сомневался, что это было как-то по-иному — все шесть лет, прожитых совместно, они не могли наговориться и друг другом нарадоваться.

Теперь же лишь оставалось вздохнуть и молиться за неё.

10

На следующий день Елисей собрался в Москву, вернее в подмосковное Софрино, где находятся церковные мастерские, чтобы закупить либо сусальное золото для луковки шатра, либо готовую вместе с крестом. Геннадия сказал, что отправился посмотреть и прицениться к утвари. И это походило на правду, ведь для храма когда-никогда, но придётся её приобретать. Но не сейчас. Поэтому Елисей вспомнил верное в подобных случаях правило: все проблемы решать по мере их поступления. Сейчас главное — позолота и крест. Но об этом нет необходимости распространяться, чтобы не распалаять воображение лихих людей. А то ведь был на памяти свежий случай, когда отправился некий священник за сусальным золотом, а в обратной дороге на него напали, ото-

брали золото, а самого порешили. А что такое сусальное золото? Это тончайшая фольга, хотя, конечно, и она что-то стоит. Но сколько же надо этих лепестков, чтобы заткнуть чью-то алчную душу?!

Из экспресса Елисей позвонил маме, брату, коротко сказал, что едет в столицу (хотел было сказать, что едет домой, но так и не осмелился произнести это слово), а те сразу воодушевились:

— Обязательно заезжай, хоть ночку переночуешь!

— А ты разве не на даче?

— Была, а сейчас приболела — вернулась, по врачам хожу.

И Елисей не выдержал, поддался уговорам, хотя и не уговорам, а просьбам матери, которую сразу захотелось увидеть, решив, что одного дня всё равно не хватит, чтобы закупить необходимое и организовать доставку. Впрочем, он в конце концов понял, что не «поддался уговорам», а скорее, сам стремился увидеть маму, поговорить с ней, зная, как тяжело ей оставаться одной. Тем более больной. Да и признаваясь самому себе, он понимал, что совсем мало прежде уделяя внимания родителям даже и тогда, когда жил с ними, не говоря уж о том, когда уехал из Москвы. Конечно, отношение отца к его выкрутасам, как он говорил, играло не самую последнюю роль. Чего уж хорошего выслушивать постоянные упреки, мол, столько вложили в тебя, а ты всё забыл, не оценил должным образом. В общем, известная песня, особенно неприятно звучащая из уст отца, не желавшего понять собственного сына. С мамой у Елисея были совсем другие отношения. Она разумно соблюдала нейтралитет, Елисей это видел, понимал и поэтому радовался её сдержанности. Поэтому сейчас всей душой стремился воспользоваться случаем, как воспользовался бы каждый любящий сын.

Он ожидал услышать что угодно при встрече, но только не такое трагическое восклицание:

— Сынок, как же ты исхудал-то?! На тебе лица нет, одна бородка да глаза!

— Ну хоть это осталось, — улыбнулся Елисей, обнимая и целуя Ольгу Викторовну.

— Пока добирался, сварила твоего любимого борща на мозговой косточке.

Елисей не особенно уважительно перебил:

— Хоть на мозговой, хоть на какой, но мне нельзя скоромное — Успенский пост, мама! Поэтому от картошечки отварной без масла, но с огурчиками да помидорчиками я бы не отказался. Ну и чайку потом можно отведать. Да, кстати, я прихватил несколько пакетиков с травами. Можно с ними

чаю заварить, — развязывая рюкзак, порадовал Елисей. — Здесь и смородина, и мята, и чабрец, и луговая клубника. Если всё вместе заварить — букет невообразимый... Правда, чабреца нужно совсем немного, иначе его эфирными маслами можно испортить всю заварку.

Ольга Викторовна лишь вздохнула, сказала заботливо, как малому ребёнку:

— Ладно, иди в ванну с дороги, а я отварю картошку.

— В охотку от души поплещусь, мамуль, хотя мы постоянно купаемся в Свибле.

— Что это такое — Свибла?!

— Речка так называется — спокойная и уютная. Я же говорил. Хоть вдоль плавай, хоть поперёк — в любую сторону сплошное удовольствие. Особенно в жару.

Пока Елисей плескался, картошка сварилась, а как вышел он из ванной, то сразу — к столу. Только уселся — звонок. Ольга Викторовна выслушала и отдала трубку сыну:

— Федя!

— Ты что же, Еля, маман не слушаешься, от борща отказываешься?! — сразу укорил тот.

— Значит, за моей спиной сепаратные разговоры затеяли. Я же маме сказал: это не обсуждается.

— Ладно-ладно... Какие планы на завтра.

— В Софрино утром собираюсь. Крест на храм надо либо купить, либо заказать.

— А повезёшь на чём, если вдруг готовый будет?

— Не знаю...

— Плохо, что не знаешь. Давай договоримся так: утром к дому подъедет грузовая «Газель». Отправишься на ней по своим делам. Езжай хоть в Софрино, хоть в Свиблу. Понял?

— Понял. А сам-то ты не приедешь? А то у меня кое в чём трудности имеются.

— Если с деньгами, то завтра утром заскочу, немного подкину. Надо бы сейчас подъехать, но вечером ждём заграничную делегацию. Так что сегодня не могу. Да и вам лучше — спокойно поговорите.

Елисей вздохнул:

— Спасибо, брат!

— Спасибо потом будешь говорить. Завтра часов в восемь жди.

— Не приедет сегодня? — спросила Ольга Викторовна и заочно укорила старшего сына. — Совсем меня забыл!

— Завтра утром обещал заскочить.

— Ну, хоть завтра... заскочить... Ты-то побудь хотя бы со мной денёк-другой, а то совсем мать бросили.

— Побуду, мама, побуду — весь вечер в нашем распоряжении.

Но говорили они недолго. Помолвившись на ночь, Елисей стал засыпать на ходу. Мать это заметила, но не укорила:

— Ладно уж, иди, отдыхай.

И Елисей не стал противиться.

Он улёгся в малой комнате, в которой когда-то обитали вдвоём с Фёдором, потом, когда он женился, Елисея переселили в большую комнату. А позже Фёдор разбогател, купил трёхкомнатную квартиру и переехал, но Елисей этого переселения уже не застал, так как обрелся во Владыкине. Знал только, что у Фёдора родилась дочь, что жена привезла из провинции на помощь мать — сидеть с дочкой. Они тогда отделились, и в редкие приезды Елисей их почти не видел, и лишь в этом году, да и то из-за кончины отца, встречи и звонки участились. И Елисей желал, чтобы опять у них всё стало бы по-прежнему, чтобы они вновь стали дружными братьями, пусть даже с приличной разницей в возрасте. Ведь сколько себя помнил Елисей, никогда Фёдор не обижал всерьёз, не подтрунивал, ну если только когда брат поступил в семинарию, да и то под влиянием отца. А в детстве нет, даже защищал при случае. Да, мог вклеить затрещину, подразнить, но всегда делился объединявшими мальчишескими тайнами. А тайн хватало, особенно весной и осенью, когда частенько бывали в Лосином острове. А что: всего несколько остановок на автобусе — и ты в настоящем лесу. Ездили не одни, а с ватагой дворовых мальчишек, и устраивали игры — чаще всего играли в казаков-разбойников. Однажды нашли хромого ежа и привезли домой. Несколько недель он жил у них, несмотря на ворчания отца. Хромать почти перестал, а когда пришло время летних каникул и братьям предстояло ехать в оздоровительные лагеря, они всё-таки выпустили ежа на волю. Елисей до сих пор помнил, как живо ёжик выскочил из коробки и замер, увидев перед собой лесные заросли, и, недолго раздумывая, тотчас засеменил на коротких лапках, скрылся, путаясь в траве. Фёдор потом до самого дома успокаивал расплакавшегося Елю, для которого тогда это была первая большая потеря в жизни. Лишь позже он понял, что нельзя держать в неволе диких животных — это всё равно что заточить человека в тесную клетку. Но поплакать тогда всё равно хотелось... Под это воспоминание Елисей и заснул, а проснулся совсем рано и начал молиться, зная, что потом весь день проведёт в суете, пусть и приятной.

Фёдор появился неожиданно рано, ещё до приезда «Газели». Он позавтракал яичницей с ветчиной, выпил кофе, по-

смотрел, как Елисей ограничился ломтём хлеба и чаем, но ничего не стал ему говорить на эту тему — зная, что бесполезно. Зато, после завтрака, коротко переговорили, улучив момент, когда Ольга Викторовна вышла из кухни. Говорил, правда, только Фёдор, а Елисей сидел перед ним как провинившийся школьник.

— Вот, возьми, здесь пятьсот, но учти: эти деньги последние — более от меня не будет. А то, видимо, жене кто-то наплёл, и она всё чаще стала спрашивать, мол, на что брат строит церковь?! Я ей всякий раз говорю, чтобы она сама у тебя спросила, но, понятно, не спросит, а всё подозрение мне достанется и достаётся. Вот поэтому сегодня и не сказал, что поехал на встречу с тобой, а всё свалил на иностранцев. Но, думаю, в любом случае, у тебя на меня обиды быть не может. К тому же я помогал от чистого сердца. Теперь свою миссию выполнил. Если тебе придётся восстанавливать или строить ещё одну церковь, то на меня не рассчитывай. Сразу говорю, чтобы потом не упрекал! А то ведь твоё начальство подумает, что у тебя необыкновенный организаторский талант, или нашёл ты сказочную золотую жилу, и пошлёт на новый храм. А что, мол, у иерея Елисея необыкновенные способности строителя, к тому же первое образование соответствующее, мол, ему на роду написано быть созидателем.

— Федя, во-первых, никакой обиды быть не может. Спасибо тебе безмерное за помощь свибловским прихожанам, без тебя я и не знал бы что делать, а, во-вторых, ты же знаешь, что я не волен определять свою судьбу — всё во власти Господа нашего! — Елисей поднялся со стула, обнял брата.

— Да ладно. Мне бы твоё упорство. Сейчас посмотрел на твой завтрак и понял, что тебя ничем не сломить. Все бы люди были такими!

После подобных признаний и говорить-то стало не о чем. Фёдор созвонился с водителем «Газели», который уже подъезжал, и они вышли на улицу, где Фёдора дожидался персональный автомобиль. Когда же подкатила «Газель», то брат объяснил водителю, что сегодня он поступает в полное распоряжение батюшки, во всём слушается его и подчиняется и оказывает всемерную поддержку.

— Надеюсь, скучно вам не будет! — и попрощался с ними рукопожатием.

Расстались вроде бы с хорошим настроением, но водитель оказался чрезмерно замкнутым и разговора не поддерживал: либо оказался таким от природы, либо был сердит от предстоящего дальнего пути в Свиблу. Елисей сперва хотел ему объяснить, что вместе они делают богоугодное дело, что

они — единомышленники, но не стал досаждать рассуждениями человеку, не желавшему их слышать.

Поэтому почти молча доехали до Софрина, где главным делом, конечно, оказалось приобретение купола с крестом, сияющим золотом. Хотя это и дороже, если варить купол самим и покрывать его сусальным золотом, но у Елисея не было особой надежды на то, что строители смогут качественно покрыть купол, а Николай выполнит работу тщательно и вовремя. Что это так, Елисей убедился ещё днём, когда созванивался с Геннадием и уточнял размеры купола и посадочного места. Спросил о Николае, а тот, оказывается, весь день что-то чертил и чертил в школьной тетрадке, как заправский чертёжник, но пока не приступал к настоящей работе. Значит, либо очень ответственно отнёсся к заданию, либо не очень-то опытен. В общем, и так и сяк могло обернуться дело. Единственное, что радовало, — это то, что задания не бросил. Но в любом случае, его услуги теперь были не нужны, об этом и сказал Геннадию, чем очень воодушевил его.

Поздним вечером Елисей вернулся в Свиблу, и чувствовал себя победителем. Да и как иначе, если в кузове грузовичка лежал аналой, два подсвечника, а в отдельной коробке утварь. Но более всего радовало прибытие в храм упакованного купола с крестом. Радовало и то, что оставалась значительная сумма для расчёта со строителями, и можно будет в ближайшее время начинать внутреннюю отделку храма. А если предприниматель Старов сдержит слово и доставит колокола, то и вовсе всё сложится удачно.

Когда рабочие разгрузили машину и отправились спать, Елисей отпустил водителя, ничего не сказавшего на прощание, установил в храме аналой и долго молился за брата Фёдора, за его добрую и бесконечно щедрую душу. Вспомнил и отца своего, помолился за упокой его души, и не было в этот момент хоть какой-то обиды, а была лишь горечь сожаления о том, что не смогли они в своё время наладить отношения, простить друг друга и смириться. Он и спать лёг с этими грустными мыслями, и не будь их — совсем по-иному завершил бы сегодняшний долгий день.

Утром вспомнил о Николае и спросил:

— А где наш сварной?

— Не хотел вас огорчать, но обойдёмся без него — толку всё равно никакого, да и давно всё к этому шло, — не особенно-то удивился Геннадий, когда Елисей спросил о Зельцове. — Когда вы уехали в Москву, он с утра под ногами мешался, а после обеда распилил несколько уголков и на тележке собрался

куда-то везти их, хотя известно куда — в металлолом сдать. Отняли, конечно. И что он удумал в отместку?

— Что же?

— Как стемнело и улеглись мы, не зная точного времени вашего возвращения, кто-то пошутил, *стукалочку* устроил. Стучит и стучит в окно — спать мешает. Мы, конечно, злые были в тот момент до невозможности, даже свирепые. Я вышел, крикнул в темноту, ну, сами знаете, что мог крикнуть, и сорвал с окна гайку на нитке. Опять все улеглись, заснули — опять *стукалочка*. Тогда мы сговорились, впятером выскочили из пристройки, окружили лопухи, в которых мог скрываться пакостник, ну и, конечно, накрыли его. Думали, пацаны шалят, а это наш друг Никола был пойман с поличным. Сами понимаете, навалили ему тумачков и припугнули на будущее.

— Дальше можешь не продолжать.

Елисей сразу же отправился к Николаю, хотел пристыдить, но жена не позволила. Как насадка загораживает цыплёнка от коршуна, так и она встала на защиту мужа:

— Он отдыхает. Наломался у вас — до сего часа не отдышитесь.

Елисей не стал укорять, что-то доказывать, лишь коротко сказал:

— Передайте ему, что в его помощи более не нуждаемся, и чтобы его нога около храма не ступала. Не достоин!

Елисей ушёл, всё-таки надеясь, что вскоре Николай прибежит с раскаянием, но он так и не пришёл ни в этот день, ни в другой. И он перестал ждать, а если бы тот пришёл, то прогнал бы.

За два дня молодой под присмотром Геннадия сварил каркас крыши над колокольной, рабочие обшили его тонким тёмсом, покрыли листами железа, покрасили и установили купол с крестом. Теперь это сооружение торжественно стояло рядом с храмом словно часовня, привлекая внимание прохожих и заставляя их останавливаться, а иных креститься.

Николай же появился через неделю, скрывая чёрными очками пожелтевший синяк под глазом, — не мог не появиться из любопытства, едва к храму подъехал подъёмный кран. Остановился Зельцов в стороне, опасаясь приблизиться к рабочим, готовившим шатровую крышу к подъёму. И вот она, покрытая тёмно-синей краской, увенчанная сияющим куполом вкупе с крестом и освящённая Елисеем, медленно поднялась над колокольной и заняла приготовленное благословенное место, и сразу растеклось в прохладном сентябрьском пространстве сияние купола, усиливая золотое свечение осени.

Прихожане долго не расходились, обсуждая праздничное, незабываемое событие, походившее на чудо. Ведь никто из них не помнил первоначального вида храма, и теперь обретение креста над ним казалось чудом, ниспосланным радением Всевышнего. Все они благодарно молились, до конца не понимая, что стали свидетелями замечательного события, о котором потом можно долго рассказывать детям и внукам.

Около них, совершенно ненужный, вертелся Николай, но никто не обращал внимания на него, зная как человека ненадёжного и хвастливого, даже вредного для в таких случаях.

В последующие дни Елисей частенько встречал Зельцова, но совершенно не хотелось говорить с ним, тем более — стыдить. Елисей лишь просил, утешая более самого себя: «Вразуми, Господи, чадо неразумное!» — и шёл далее, увлечённый иными мыслями и заботами.

11

Их становилось всё больше даже и тогда, когда через две недели подвели газ и установили отопление. Чего это стоило — лучше и не вспоминать. И это, наверное, правильно, потому что уж столько времени и нервов ушло на различные согласования по подключению к газовой магистрали, установке оборудования — по-настоящему знает только Варвара, занимавшаяся бумажными делами в районных конторах. Елисей присоединялся лишь в отдельные, особо важные моменты, а в остальном — только она, его староста. Теперь же храм отогрелся, и Геннадий с бригадой весело работали в тепле — возводили леса и готовились к внутренней отделке. А настроение у них было ещё и оттого, что Елисей расплатился с ними, деньги они отослали домой — чего же не радоваться. Тем более что убедились в крепости слова, данного Елисеем. Поэтому и относились к строительству, словно возводили собственные хоромы. Как-то Геннадий заговорил именно об этом.

— Батюшка! — обратился он к Елисею. — Вы ничего не говорите о том, кто будет расписывать храм?! Если думаете, что мы, то это не так. Нет у нас таких художников.

— Специалистов найдём. Ваше дело подготовить основу.

— Подготовить можно по-разному. А чтобы на десятилетия, то надо и материалы подходящие, и душу вложить, чтобы потом художникам за нами не пришлось переделывать, а вы нас не поминали лихом!

— Сделаете на совесть — кто же помянет вас дурным словом.

— Для того чтобы на совесть — надо материалы хорошие. Без них не справишься с грибком, мхом и прочей грязью.

Потом потёки будут. Если четверик под колокольней в более или менее приличном состоянии, то по среднему храму у нас сомнения. Придётся делать вычинку кирпичной кладки и заделку сводов и стен новым кирпичом, заливку раствором пустых швов и сколов кирпичной кладки, быть готовыми к другим возможным неприятностям. Затем все внутренние поверхности надо дважды обработать специальным раствором. И только после этого можно штукатурить и грунтовать, а после шпатлевать.

— Во наговорил-то! Даже меня, строителя, заставил задуматься. Ну а если ты такой знаток, то так и сделаем. Рад, что мне повезло со специалистами! — только и сказал Елисей.

Сказал и вздохнул, словно был не рад словам бригадира, — ведь денег опять почти нет. И если рабочие могут пока поработать в долг, то для покупки материалов нужны наличные. И всё-таки, всё-таки... Елисей знал, что деньги обязательно найдутся и на материалы, и на полный расчёт с рабочими. Почему-то был теперь уверен в этом, хотя прибавились расходы на отопление, электричество, воду.

И совсем другое его заботило теперь по-настоящему — колокола! В эти дни он ругал себя за то, что возгордился, ни разу не позвонил Старову, пусть и занят был безмерно, чтобы узнать ход дела. Хотя время терпело, но всё равно хотелось бы завершить наружные работы до окончательных холодов, до снега, а то потом не очень-то сладко морозиться на ветру. А предприниматель словно забыл о нём, пообещал колокола для красного словца, не понимая, видимо, того, что его обещание теперь тяжёлым грузом ожидания лежит на чьём-то сердце. И неизвестно, сколько длились бы переживания, хотя Елисей отмерил для себя ещё неделю ожидания, и это словно заочно подстегнуло подзабытого Старова, о котором уж начал думать, как о Николае, если бы в один из дней не услышал долгожданного звонка.

— Отец Елисей, здравствуйте! — раздалось в трубке. — Вы совсем пропали, и я думал, что моя помощь не нужна. Уж не знаю, как у вас сложились дела, но в ближайшие два-три дня я готов самолично доставить набор колоколов и специалистов по их установке.

— Здравствуй, Алексей Павлович! Давно ждём добрых известий, молимся за вас!

— Спасибо! Коротко объясню причину задержки. Как вы, наверное, знаете, сами колокола несложно приобрести, но мы же с вами договорились, что всё сделаем по-современному. А чтобы так сделать, необходимы специалисты-электронщики, а их не густо. Вот, собственно, из-за них и была задер-

жка. Но теперь всё удачно разрешилось. Так что накануне приезда я вам позвоню. Тогда и поговорим конкретнее.

— Сколько человек прибудет, чтобы принять подобающе?

— Об этом не беспокойтесь: места в гостинице я забронировал, так что осталось дело за малым.

Что ещё мог Елисей желать, о чём мечтать. Даже не верилось, что через несколько дней на колокольне появится звонница, оповестит о своём рождении окрестности малиновым звоном, и загудит многопудовый благовест... Хотя пока храм не будет освящён, пока не будет благодарственного молебна, крестного хода — это будут всего лишь пробы голоса, как у малого дитя, осваивающего родную речь. Но даже такое заочное ожидание радовало и пугало одновременно. Не верилось, что придёт день и час и оживёт всё восстановленное, всё примет подобающий вид и назначение, как снаружи, так и внутри. Это ли не счастье?! Особенно, когда знаешь, что в этом большая доля и твоих переживаний, страданий, бессонных ночей и озарений, которые помогали не пасть духом, не разувериться в работе и собственном предназначении.

Специалисты приехали через день вместе с колоколами и необходимой аппаратурой. Разгрузив машину вместе с подручными Геннадия, они отправились в гостиницу. Их сопровождали Старов и Елисей

— Вот мы и дождались важного для всех события, и в скором времени над Свиблой зазвучат колокола! — сказал Алексей Павлович, выглядевший пасмурным, даже печальным — совсем не таким, каким был летом: улыбающимся, цветущим. — Дела у меня, батюшка, идут не лучшим образом, боюсь, что придётся продавать бизнес, поэтому решил рубануть напоследок, чтобы память о себе оставить. Да и прадед мой будет доволен на том свете: хоть кто-то продолжил его дело. А о своём я особенно и не пекусь: какое-нибудь новое найду.

— Мне даже как-то неловко от ваших слов!

— Ничего страшного, батюшка, как говорится у православных, на всё воля Божия! Главное — не впадать в уныние. А деньги — тьфу, о них и вспоминать не надо. Как пришли, так и ушли.

После такого признания, Елисей не знал, о чём говорить со Старовым: все слова были бы в этот момент фальшивыми. Ему казалось, что это именно из-за него начались у Алексея Павловича проблемы, может даже непосильная помощь оказалась той каплей, которая непоправимо разрушила его дело. Старов, правда, не говорил, чем именно занимается, но не это главное — главное, что он вслух признался в проблемах,

будто косвенно укорил в них Елисея, не знавшего теперь, как отнестись к сказанному. Поэтому счёл за благо промолчать, будто ничего не слышал, что могло бы огорчить их отношения.

— На всё воля Божия, — только и мог сказать Елисей.

— Вот и прекрасно. Сегодня мы отдохнём, а завтра займёмся делом, чтобы засветло поднять и закрепить колокола.

— Тогда — до завтра! — с ноткой извинения в голосе сказал Елисей около гостиницы и вздохнул, словно задуманное зависело лишь от его вдоха.

Он возвращался, не чуя под собой ног от пугливого волнения, от той неловкости, которая накатывает, когда совершишь что-то неправильное, даже, возможно, постыдное, как в этом случае, — словно отнял у человека последние деньги... Но тотчас другая мысль завладела им, погнала к храму — хотелось ещё раз посмотреть на колокола, притронуться к ним, будто не веря самому себе, что они есть, стоят наготове, а завтра предстоит сделать, быть может, самое главное — поднять их и установить. Ведь вся красота заключается именно в них, в их благозвучии — возвышающем и объединяющем верующих.

Пока Елисей провожал Старова, рабочие накрыли колокола полотнищем как живых существ, будто согревая, и самый большой из них, почти семнадцатипудовый, и самый маленький — десятифунтовый. Все они числом восемь в этот момент представлялись Елисею собственными детьми. Захотелось притронуться к ним, прижать к себе, расцеловать и напутствовать перед добрым и долгим делом, какое им вскоре придётся исполнять. Немного пугало число колоколов. Надо быть знатоком колокольного звона, любить его, чтобы заставить зазвучать стройным хором. Сам Елисей, учась в семинарии, иногда пробовал осваивать самые простые трезвоны, но на трёх-четырёх колоколах, а как заставить заговорить все восемь — для него было тайной. Хотя он знал, что есть умельцы, которые владеют звоном и на двух десятках, но таких единицы. Обычно-то обходятся четырьмя-шестью, а Старов вот как расщедрился. Вспомнив Алексея Павловича, Елисей не заметил, как вокруг собралось десятка два прихожан, узнавших о прибытии колоколов и пожелавших самолично взглянуть на них, поддержать батюшку в его радости.

Они и на следующий день наблюдали, сгуртившись в сторонке, как рабочие, оборудовав подъёмник в виде вынесенной балки, поднимали при помощи полиспаса колокола и устанавливали на подготовленные места. Начали с семнадцатипудового, потом девятипудовый установили, и ещё

один, и ещё... Мелкие же подняли на колокольню вручную, следом — несколько ящиков с аппаратурой.

Ни Алексей Павлович, ни Елисей в этом участия не принимали — наблюдали со стороны. Когда же Геннадий спустился с колокольни, Старов сказал:

— Ну, что, уважаемый отец Елисей! Дело сделано — наладка приборов не в счёт — и пришла пора нам с вами отобедать. Сделайте милость, окажите любезность вашему покорному слуге, думаю, я заслужил такой награды!

Елисей сразу понял, что у гостя настроение хоть куда. Ну как не поддержать в таком случае, хотя давно Елисей не посещал общепитовских заведений, но ведь не поймёт, осудит его гордыню. Тем более что сегодня можно и скромного отведавать. И поэтому, на малое время задумавшись, живо махнул рукой:

— Ну что же: согласен!

Через пять минут они были в кафе, Алексей Павлович что-то долго говорил официанту, а Елисей умоляюще смотрел на гостя, понимая, что он делает непомерно обильный заказ.

— Жалко, что я сегодня без водителя, и поэтому надо забыть о спиртном, а то непременно выпил бы рюмку за наше общее дело, и не одну!

Без выпивки, Старов долго не задержался, тем более что Елисей ограничился стейком из лосося и напитком на травах по названию «Монастырский». Но здесь, конечно, было важно не совместное застолье, а взаимное внимание и уважение. Особенно со стороны Елисея, так и не понявшего мятущуюся душу Старова — не хватило недолгих минут общения ни здесь, в кафе, ни ранее, чтобы поговорить долго, откровенно. Но Елисей не сомневался в искренности дарителя, сделавшем большое дело, в его щедрости и открытости. Поэтому не нашёл ничего лучшего, чтобы сказать тоже щедро и открыто, когда вышли из кафе:

— Вот восстановим храм — приезжайте, Алексей Павлович, на освящение! Думаю, на торжестве будет митрополит и много иных уважаемых гостей. — И добавил, немного подумав: — Вы просто обязаны быть. А я вас заранее извещу!

На том и распрощались. Когда машина скрылась в конце улицы, Елисей поспешил к храму, словно без него там не могли обойтись, и встретил делегацию во главе с Варварой. Она сперва замялась, а потом радостно высказалась:

— Вот гостям яблочек принесли и груш... Они мытые. Не помешают... И ещё кое-что есть... — добавила староста. — Мы с сёстрами промеж себя потолковали и деньжонок собрали. Пригодятся на храм.

— Ой, Господи, да какие же деньги у пенсионерок?! — искренне удивился Елисей.

— Незавидные, батюшка, зато от души. Не обессудьте.

Приняв завёрнутые в бумажку деньги и ведро с фруктами, Елисей чуть не прослезился от благодарности, но ничего более не сказал, потому что самые добрые слова в этот момент ничего бы не значили. Лишь благословил сестёр-прихожанок, осенил крестным знамением.

Из любопытства Елисей поднялся на колокольню к рабочим, молчаливо разбиравшим провода и коробки с приборами, отдал им фрукты и задержался — захотелось вблизи посмотреть на их работу. Не утерпел, дзенькнул в самый малый колоколец, отозвавшийся, словно птичка, тонким и протяжным пением, и улыбнулся от необъяснимой радости. Стукнул по другому, отозвавшимся строже, по третьему... Потом, раскачав язык большого колокола, вдарил и раз, и другой, и замер от басовитого, громадного гула, казалось, накрывшего окончательно и навсегда... Звучание колоколов, пока не «пристёгнутых» к механическому управлению, растрогало Елисея. Ему даже захотелось остановить рабочих, поблагодарить и сказать, что вполне можно обойтись без этих искусственных излишеств, пусть пока и нет у них в храме настоящего звонаря. Он так и поступил бы, не вспомни об Алексее Викторовиче. Ведь дойдут до человека слухи, приедет он потом на освящение храма, спросит, как работают колокола и вообще все приборы и механизмы, а ответить ему будет нечем. А лукавить, мол, сломались, поэтому пришлось снять приборы, — не посмеешь, ведь Господь всё видит и знает, и за каждое ложное слово спросит. И не единожды! Уж пусть остаётся всё, как есть.

Понимая, что бесконечно бедокурить не пристало, он спустился с колокольни. Из притвора увидел, что кто-то заглядывает в храм. Подошёл ближе, а это Николай жмётся около двери.

— Тебе чего? — не особенно дружелюбно спросил Елисей.

— Пришёл посмотреть. Храм, что ли, открыли — колокола-то поют?!

— Рано пришёл, придётся ждать освящения. А посмотреть посмотри, это не возбраняется, но только с улицы, — не стал Елисей окончательно прогонять надоедливого любопытного. Хотел сказать, даже укорить: «Тебе-то это зачем?» — но промолчал, смирил обиду на зряшного человека.

К концу недели спецы червонного звона продемонстрировали несколько композиций, от которых над Свиблой на все голоса долго растекались шумные перезвоны. Редкие прохо-

жие застывали, некоторые крестились, не понимая, что происходит, кое-кто выглядывал из дворов на улицу от столь непривычной музыки, хотя она и звучала в укороченных вариантах, на пробу, но от такой пробы даже галки, казалось, стали летать по-иному. Елисею звон очень и очень не понравился. Пришлось чуть ли не затыкать уши — таким казался звон трескучим и совершенно не ложившимся на душу. Управляли всей это чудо-техникой через компьютер со специальной программой. Компьютер и иные приборы были установлены в тепле под лестницей, ведшей на колокольню, от них змеился пластмассовый кожух с упрятанными в него проводами, на колокольне провода разбегались к электрическим приводам, которые заставляли работать механику. Спецы объяснили Елисею принцип работы, но попросили самому ничего не пытаться чинить, а, сообщив телефон, просили звонить в случае отказа или в каких-либо иных похожих случаях.

— Ваша задача, — объяснял старший — вихрастый парень в затенённых очках, — включить и загрузить компьютер, найти необходимую программу и выбрать нужный файл, соответствующий тому или иному церковному случаю. Вот и всё! Кто мало-мальски владеет компьютером, а ими теперь все владеют, тому никаких проблем не будет. Сами попробуйте сначала, с загрузки.

Елисей попробовал, всё у него получилось, и парень улыбнулся:

— Можете звонить своему меценату и доложить о состоянии дел. Мы же с вами прощаемся. Надеюсь, что не будем часто общаться. Если всё-таки возникнут какие-то вопросы по самому компьютеру, то, надеюсь, электронщики в вашем городе имеются и помогут наладить.

— Благодарю, вас! — Елисей поклонился. — Спаси вас Господь, добрые люди!

Что он ещё мог сказать.

12

Распрошавшись со спецами, Елисей вспомнил матушку Елену — большую любительницу колокольного звона. Она, помнится, как могла, помогала во Владыкине, брала уроки в одном из храмов тамошнего благочиния, и, обладая прекрасным слухом, освоила несколько основных звонов. Елисей даже пытался отправить её в епархию на курсы, но она отказывалась: «Ну, какой из меня звонарь?! Это мужское занятие. Псалмы петь — вот моё назначение!» Певчих во Владыкине было двое: Елена да престарелая учительница. Разница

в возрасте не являлась помехой: обе певчие было достойны одна другой, голоса их звучали в общей тональности необыкновенно слаженно и проникновенно, настолько волновали души и сердца прихожан, что многие из них под настроение могли прослезиться. Изучив прихожан, привыкнув к ним, Елисей даже мог определить, у кого радость случилась или произошло огорчение. Второе встречалось чаще, и, казалось, навсегда накрывало ту или иную семью — оттого и слёзы, и желание утешиться. Кто-то, конечно, и вне храма тяготился, но как замечал Елисей, на людях, среди привычных прихожан человек оттаивал податливее, у него даже начинали по-иному блестеть глаза, особенно если примешь у него исповедь и причастишь.

Елисей не переоценивал собственное влияние на прихожан. Ведь все они разные, долгие годы вынужденно обходились без религии, хотя во многих она жила подспудно, но никак не проявлялась внешне, потому что они были отучены от неё во времена гонений. В последние десятилетия они прекратились, но так получилось, что к этому времени старушки, помнившие церковные порядки, упокоились, а молодые без живого примера тех, кто мог бы сводить за руку в церковь ещё в детстве, остались в этом смысле беспризорными. Многие из них, вырастая, именно поэтому обходили храмы стороной, и не потому, что отвергали религию как таковую, а оттого, что были не приучены к ней, не знали церковных порядков и впадали в робость. Он это хорошо помнил по себе, когда только начал приобщаться к церкви, вникать в церковный устав и пропитываться им.

Теперь же появилось много книг по православию, из которых можно подробно узнать о церковных порядках, проникнуть в глубину религии, открыть тайны, которые не всегда понятны, особенно не подготовленному, начиная с простейших описаний-подсказок: как ступить на паперть, как войти в храм, где поставить свечку за упокой, а где за здравие. Из книг можно узнать, что женщинам необходимо появляться в храме в головном уборе, в длинной юбке, в кофте с закрытыми рукавами; мужчинам трезвыми, без запаха табака. Нельзя в храме разговаривать, смеяться. Запомнив самые простые правила, желающий посетить храм, будет менее робеть, не будет думать, что ему проще обойти его стороной. А посетит по доброй воле, то и ещё пожелает, и со временем поймёт ход служб, своё место и собственное поведение.

Насколько помнил, Елисей почти сразу почувствовал себя своим в храме, когда ещё в студенчестве будто кто-то увлѣк за собой. Долгое время никто в семье не знал о его увлечении,

приходилось, уходя из дома, придумывать отговорки. И лишь когда поступил в семинарию, а позже познакомился с Еленой, то скрывать это стало невозможно. Тогда и начались гонения со стороны близких людей, как ни странно. Но другой реакции и отношения к себе в семье он и не ожидал. Всё, конечно, шло от отца, от его атеистического настроения, нежелания понять собственного сына. Отец и на маму повлиял, а особенно на Фёдора. От кого-кого ожидал Елисей негатива, но только не от него. Уж ему-то какое дело? Его никто не просил, но он стал отцовским рупором, постоянно укорял и высказывал обидные слова, насмеялся, дразнил попиком, а зачем, почему — Елисей так и не понимал. Хотя в ту пору особенно не задумывался о неприязни брата: лишь сторонился его и почти не разговаривал. Тем неожиданнее оказалась его помощь, на которую он расщедрился этим летом после кончины отца. Ведь ничего похожего не было, когда Елисей восстанавливал церковь во Владыкине, а тут словно прорвало. Будто сломался некий щит в лице отца, не позволявший помогать брату, либо просто не было денег, хотя и теперь, помогая, будто по чьему-то заданию, сказал откровенно о завершении этой помощи. Елисей не обижался на него, нет. Нельзя обижаться на родного человека, который, как никто, помог, но во всякой помощи человек проявляет себя, не замечая этого. Один хочет доказать, что он не скуп, другой известить о своём величии и возможностях, у третьего ещё что-то на уме, но большинство всё-таки тянутся с помощью к храму от чистого сердца. И ничего не ждут взамен. Для них сама помощь в радость, она доставляет удовольствие от осознания того, что он, подчас самый простой и незавидный человек среди таких же незавидных, прикоснулся к бесконечно светлому и возвышенному. И это чувство прикосновения, сопричастности начинается в нём жить постоянно. Оно его, родное, и никто не спросит о нём, потому что только этот человек чувствует его в себе, чтобы со временем поделиться с другими.

В этом Елисей убедился совсем скоро, когда позвонил из администрации Илья Леонидович и спросил, каково у него завтра в полдень со временем. На завтрашний четверг у Елисея не было конкретных планов, о чём он и сообщил главе.

— Прекрасно! — раздалось в трубке. — Тогда мы приглашаем вас на собрание... Да-да — не удивляйтесь. Мы не знаем, посещаете ли вы светские мероприятия, но наше, которое пройдёт в новом Дворце культуры в обеденный перерыв, просто необходимо посетить. Открою секрет: служащие администрации и иных районных учреждений, видя, какими удар-

ными темпами подвигается восстановление нашего храма, добровольно, по зову сердец, собрали некоторую сумму, которую мы решили в воспитательных целях вручить принародно. Думаю, это правильно со всех сторон. Так что вам просто необходимо явиться на это собрание, сказать своё проникновенное слово нашим сотрудникам. Вы согласны?

— С великим удовольствием прибуду на собрание, Илья Леонидович, и, конечно же, выражу благодарность сотрудникам, а также членам нашей общины, добровольным помощникам. Думаю, вы будете не против, если собрание посетит делегация общины?

— Прекрасная задумка, отец Елисей! Конечно, приглашайте. Будем ждать и вас лично, и делегацию!

Попрошавшись, Елисей минуту или две приходил в себя, вспомнив мысли последних дней. К какому разряду отнести этот порыв многих людей, пусть и кем-то организованный, если вообще можно рассуждать о дарителях, о мотивах их поступков. Это всё равно что на исповеди заставить говорить то-то и то-то, что на чей-то взгляд кажется правильным или неправильным.

Эта мысль не давала покоя до следующего дня, когда вместе с Варварой и её тремя ближайшими помощницами он посетил Дворец культуры. Собрание было недолгим, но насыщенный. Глава делал упор в выступлении на единство народа и власти, на то, что пришло время собирать камни... После его вступительного слова Елисей доложил о состоянии дел в храме, что удалось сделать за полгода, хотел рассказать о планах, но его прервал выкрик из зала:

— А когда Крестный ход будет?!

Пригляделся Елисей и увидел заёрзавшего в кресле Зельцова. Ответил спокойно, но с внутренней ехидцей, правильно произнося заветное слово.

— Дорогие прихожане! Крестный ход будет в своё время, — мягко обратился Елисей к залу. — Многое, как я сказал, сделано, но многое и предстоит сделать. Ведь никто из вас не будет приглашать гостей в недостроенный дом. Так и в нашем случае: как только храм восстановим, освятим, то и Крестным ходом пройдем, после чего начнутся постоянные службы. А когда это произойдет — всё в воле Божией. Думаю, долго ждать не придётся, а сегодняшняя ваша помощь только приблизит этот радостный момент. Спасибо вам!

Собрание вскоре завершилось, все расходились радостными, улыбчивыми, благодарили Елисея. На следующий день он прикупил на собранные деньги машину кирпича, ещё через день ему прислали двух каменщиков из строительной

конторы, и, согласовав с ними размеры, он заказал металлическую ограду.

Работа у каменщиков шла споро, кирпичная кладка росла на глазах. Мимо такого события не смог пройти Николай, словно его кто-то науськивал. Рабочих он знал, постоянно лез к ним с разговорами и поучениями, но те не особенно привечали его, а попросту гнали, когда он совсем надоедал. Ему, видно, такое отношение показалось обидным, и, прежде чем пропасть с глаз долой, он всё-таки высказался, не скрывая самодельного сарказма:

— Эх вы-ы... На народные деньги помогаете отгораживаться от народа!

Но ему никто не ответил, потому что не заметили его слов или не захотели замечать, тем более — прислушиваться.

13

В одну из ночей перед праздником Покрова Пресвятой Богородицы Елисей проснулся от колокольного звона... Он сперва не понял, что произошло, почему среди ночи бухает благовест, почему исходят криком колокольцы... Он осмотрел в свете ночной лампочки спящих рабочих, а тем хоть бы что. Так ничего и не сообразив, Елисей вскочил со своего ложа и устремился к храму, чтобы узнать, кто запустил на колокольне сразу несколько файлов, которые одновременно не могли работать?! Добравшись до включенного компьютера, Елисей попытался его выключить, но он не выключался, а звон всё плыл и плыл над Свиблой. Вот-вот у храма соберутся прихожане, и что он, Елисей, скажет им в своё оправдание за столь кощунственное поведение техники. Не зная, как выключить её, Елисей вырвал из розетки электрический кабель, но компьютер продолжал работать, тогда пришлось взять табуретку и ею молотить по системному блоку, по монитору, по клавиатуре. Когда и это не помогло, Елисей закричал от бессилия... Он проснулся, как показалось, от собственного крика, но рабочие по-прежнему спокойно спали, ничего не подозревая о чьих-то ночных страданиях. Елисей попил воды, перекрестился, но так более и не заснул, а после утренней молитвы попросил Геннадия освободить колокола от всего, чем их пленили. Иного, более точного слова Елисей не придумал, но бригадир засомневался, не догадавшись о причине перемены в настроении батюшки. Удивлённо спросил:

— А что если ваш Старов возмутится?! Старался-старался человек, столько денег вбухал, а мы возьмём и всё поснимаем. Ему ведь обидно будет.

— Извинимся, скажем, что звук прихожанам пришёлся не по душе. Думаю, поймёт.

— Тогда хотя бы позвоните ему, посоветуйтесь.

— Вот это правильно. Позвонить необходимо, чтобы не доводить себя до греха.

Елисей активировал номер Старова, но после звонков вызова услышал в трубке усталый женский голос:

— Слушаю вас...

— Здравствуйте, можно поговорить с Алексеем Павловичем.

— Кто его спрашивает?

— Священник Елисей из Свиблы.

— А, это вы! Порадовать вас нечем: неделю назад не стало Алексея.

Ковшов невольно задержал дыхание, выдохнул:

— Что с ним случилось?

— Разорился он, ну и не выдержал. Наложил на себя руки.

— Извините... — только и смог сказать Елисей.

— Что произошло? — напрягся Геннадий.

— Алексей Павлович приказал долго жить, Царствие ему Небесное. Так что пока повременим с колоколами, а потом видно будет.

Что «потом будет видно», Елисей совершенно не понимал. Одно лишь казалось неоспоримым. Это то, от чего он чувствовал свою вину в гибели Старова. Ведь не потраться тот на колокола, на спецов, на их бездушные приборы, глядишь, и выкрутился бы. Хотя и это не факт. Но видно, такова его была судьба: вздохнуть напоследок во всю грудь и исполнить всё то, о чём, быть может, всегда мечтал.

Несколько дней обдумывал Елисей этот случай, и со временем он начал отдаляться, как и многое другое отдаляется. Это неизбежно. Хотя совсем эта тема не исчезла, она приобрела иное звучание с приближением праздника Казанской иконы Божией Матери.

Чем был ближе этот день, тем чаще посещали мысли о Елене, матушке своей, отошедшей к Господу Богу именно в этот праздничный день, омрачённый горем. Он понимал, что мысли приходят не случайно. Очень часто бытовое наполнение жизни переплетается с отношением к религии, пониманием её. Оно, это понимание, окончательно в нём не сформировалось, а сам он по-прежнему находился в духовном поиске, начиная подозревать, что поиск будет бесконечным, ибо постоянно происходит жизненное движение, с которым, хочешь не хочешь, а необходимо считаться.

После кончины Елены всё ещё одолевал вопрос: к какому духовенству причислять себя? По всем правилам он должен

совершить переход из белого духовенства в чёрное и более не связывать себя брачными узами. Ибо, если свяжет себя, то просто обязан расстаться с саном. Варвара, знаящая о его случае, несколько раз напоминала, что, мол, негоже батюшке быть одиноким. Обещала присмотреть матушку, а он мягко отговаривался, не желая обидеть помощницу хлётским словом:

— Пойми ты, садовая голова, я свой выбор давно сделал, вернее — сами обстоятельства распорядились моим будущим, поэтому поговорим о чём-нибудь другом.

И действительно, все его помыслы по-прежнему были связаны с Еленой, с памятью о ней, поэтому даже представить не мог, что кто-то заменит её, которую невозможно заменить. Лишь очень горько становилось на душе от осознания бесконечной разлуки, от невозможности хотя бы бывать на её могилке, ухаживать. Единственное, что по-прежнему сблизало с ней, — это постоянные молитвы за упокой её души. И ещё память — обыкновенная, природная, которая неотступно жила в нём.

Иногда он звонил во Владыкино, разговаривал с Михаилом, вспоминая, как он провожал, спрашивал у него о состоянии дел в храме. Елисея всё интересовало, но более всего слова о Елене. Хватало и простого упоминания её имени. Елисей всякий раз обещал посетить Владыкино на годину, отслужить молебен, но одно дело — обещать, другое — исполнить обещание. Легко сделать одно, и тяжело другое, особенно, если не ценить собственные слова, а легко и безвозвратно разбрасываться ими.

И этот день всё становился ближе, хотя почему-то ход времени замедлился, сделался не таким быстротечным, как месяц назад или два. Иногда казалось, что время и вовсе остановилось. Елисей понимал, что всё это неспроста: пока он не съездит во Владыкино и не побывает на могилке Елены, эти мысли так и будут терзать душу. Ведь казалось, чего проще: сел на автобус и поехал. Но в таком случае необходимо на несколько дней отлучиться из Свиблы, а это так трудно, даже по службе, всё... бросить, нет — не бросить, а оставить без личного пригляда, пусть и на время. Он помнил слова Фёдора о возможной поездке во Владыкино с родителями Елены, его обещание дать транспорт, но совсем не хотелось ещё раз просить там, где можно обойтись самому. К тому же совместная поездка пока казалась невозможной из-за взаимного неприятия. Ну, о чём он будет говорить в пути с её родителями, для него совершенно чужими?! Молчать, как недавно молчал с угрюмым водителем, когда ездил в Софрино? При-

ятно поговорить с любезным человеком, чтобы не искать подходящих слов, поговорить так, чтобы слова текли сами собой и легко ложились на душу собеседнику. Поэтому Елисей и не стал тревожить брата, решив, что поездка во Владыкино — это его собственное дело, его личная забота, и брат здесь ни при чём.

Он лишь известил Варвару, попросив не оставлять без внимания рабочих, вовремя поставлять им обеды. И вообще вести себя как в обычные дни.

— Езжайте, батюшка, не раздумывайте! Авось не навсегда. А то в последнее время на вас лица нет

«Лицо-то есть, только оно, наверное, по-иному смотрится», — подумал Елисей, вспомнив, что действительно сделался иным. Таким, что иногда забываться стал. Его спросят о чём-нибудь, или скажут что-то, а он нет-нет да ответит невпопад, отчего на душе становилось конфузливо, горько, ибо он-то ясно понимал причину своей рассеянности, но как её объяснить кому-то. Да и надо ли объяснять. Умный и без объяснений поймёт, а дурачине всё одно не растолкуешь. Ещё и посмеётся вдогонку, покрутит пальцем у виска.

— Да, сестра, пришла потребность съездить, да и по Божьему закону полагается в годину побывать на месте упокоения близкого родственника, почтить памятью... Так что, заручившись твоей поддержкой, поеду со спокойной душой, волнуясь лишь от предчувствия долгожданной встречи... О рабочих не забывай, корми их прилежно.

— Мне это и не в тягость — на троих стготовить. Могу даже и каменщиков, что на огаде трудятся, кормить, только скажите.

— Да, двое рабочих уехали — это верно, а на троих, конечно, легче готовить. А о каменщиках не беспокойся. Я хотел взять их на свой кошт, но они отказались. Но это уж их дело. Они местные — с голоду не пропадут. А я, пожалуй, завтра отбуду во Владыкино на два-три дня.

— Ну что же — будем ждать возвращения и молиться за вас...

Она склонилась, поцеловала ему руки, а он перекрестил её и радостно и благодарно вздохнул, заручившись напутствием. По сути ничего не значащим, но таким важным, словно это было благословение, ниспосланное с небес.

— Да, вот что ещё хотела сказать. Когда вернётесь, то надо будет перебраться на квартиру — я уж вам и жильё присмотрела. Не до белых же мух будете ютиться в пристройке, которую пора ломать. И для рабочих нашла, но в другом месте.

— Варвара, ну ты стала настоящим прорабом и комендан-

том в одном лице. С тобой не пропадёшь. Тогда, если уж мне жильё присмотрела, я кое-что из облачения привезу. Ведь пора к службам готовиться.

— Привозите, батюшка, привозите! Моли у вашей хозяйки нет, да и вообще она чистюля и аккуратная до невозможности.

— Вот и хорошо, что нет моли, — улыбнулся он почти незаметно, думая уже о предстоящей поездке.

Созвонившись вечером с Михаилом, Елисей сообщил примерное время своего завтрашнего прибытия, попросил, если не трудно встретить и дать приют на несколько дней. Владыкинский диакон обещал исполнить просьбы, сказал, что очень будет ждать встречу и сегодня же обязательно порадует прихожан радостным известием, и все они помолятся за путника Елисея.

14

Никогда Елисей Ковшов не думал, что может охватить подобное волнение, когда на «жигулёнке» Михаила он на следующий день подъезжал к селу. Владыкино в эти предвечерние минуты показалось чёрным от голых и влажных вётел, и лишь иной нарядный клён около дороги или меднолистый дубок у того или иного амбара напоминали, подчёркивали цветастым украшением приход поздней осени. Эта картина соответствовала времени года, поэтому и не было душевного неудобства от черноты и слякоти, да и не особенно об этом думалось. В мыслях было иное: Елена! Как она там? Поди, заждалась! Ещё днём Елисей мечтал, что сегодня же побывает на её могилке, но дни в начале ноября с кулачок, пока доехали — окончательно стемнело. Да и Михаил начал отговаривать:

— Батюшка, ну что в темноте увидите?! Не с фонарём же идти?! Сейчас отдохнёте, стряхнёте, так сказать, усталость, а завтра после службы ходим.

— Прибраться бы надо, — вздохнул Елисей.

— Об этом вам и заботы быть не должно, так как строго слежу за порядком на её могилке.

— Ну, хорошо, — согласился Елисей, — отложим всё на завтра, ты прав.

Когда они заехали во двор, Михаил сказал:

— Пойдёмте сразу к нам, места хватит, да и не топили в вашей пристройке.

— Как скажешь.

Когда поднялись на крыльцо, из дома донеслись детские голоса. Елисей вопросительно посмотрел на хозяина, даже

заглянул в окно, но увидел меж штор лишь светловолосую матушку Марину, с кем-то разговаривающую, и вновь посмотрел на Михаила, а тот сказал с затаённой радостью:

— Хотели сюрприз сделать. Мы ведь теперь с Мариной не одни живём. Месяц назад усыновили Артёма и Настю, они брат и сестра, взяли из интерната, — двоим им веселее будет. Артёму шесть лет — в следующем году в школу, а Насте пять. Они уж с нами в храм ходят.

— Удивил — спору нет! Ну, пойдём знакомиться с детишками. Для Марины коробку конфет припас, для тебя кое-что есть, а как же к деткам без подарков?!

— Не переживайте, я предусмотрел. Вот вам две шоколадки — вручите ребятишкам. Сразу подружитесь!

— Ну ты и заговорщик. Сказал бы в городе, а то до места тайлся. А теперь придётся воспользоваться твоими шоколадками — куда же деваться.

Они вошли, Елисей положил у дверей рюкзак и увидел выглянувших из комнаты белоголовых детишек, смотревших удивлённо и немного испуганно.

— Здравствуйте, дети! Принимайте гостя! — Он начал снимать куртку, а они так и стояли за дверью.

— Артём, ты что застыл? — спросил Михаил у мальчика. — Это же дядя Елисей, я же говорил тебе о нём. Он добрый, подарок тебе привёз! И ты, Настя, не робей!

Девочка оказалась посмелей, тотчас вышла навстречу Елисею, спросила, смешно состроив удивлённое лицо:

— Вы наш дедушка?!

Елисей чуть не рассмеялся от милой и такой приятной непосредственности, поддакнул:

— Если с лохматой бородой, значит, дедушка. Подойди ко мне. Как тебя зовут?

— Настя.

— А вот тебе подарок от *дедушки*. — Он отдал ей шоколадку. — А как твоего стеснительного братика зовут?

— Артёмкой. Иди к нам! — позвала она мальчика. Тот молча подошёл и остановился перед Елисеем, понурился.

— Вот, дружок, и тебе подарок.

Михаил с Мариной, молча наблюдавшие за встречей, зашевелились. Марина сказала:

— А теперь будем собирать ужин — надо покормить *дедушку* Елисея с дороги!

Дети попытались развернуть шоколадки, но Михаил их остановил:

— Ребятки, сперва поужинать надо, а потом шоколадки. Да и то понемногу, а то спать не будете.

За ужином детишки мало-помалу освоились, привыкли к Елисею, а он на них смотрел с нескрываемой теплотой и любовью и вспоминал Елену... Ведь, если бы в прошлом году не случилось несчастья, то и его бы сынишка сейчас был в общей компании, и мать его находилась бы рядом, но... Вот это самое «но» и лежало у Елисея на душе тяжёлой печатью. Он гнал от себя гнетущие мысли, о чём-то говорил с Михаилом и Мариной, счастье которых было написано у них на лице, а успокоиться по-настоящему не мог. Он им слегка завидовал, но зависть эта была светлой, радостной. Ведь они сами себя отметили наградой, решившись на воспитание приёмных детей. Как же повезло Марине и Михаилу, что нашлись добрые люди и доверили им двух ангелочков, по-детски наивных и притягательных. У него и мыслей не имелось о том, кто они, при каких обстоятельствах попали в их семью. К чему сейчас такие вопросы. Главное, что они здесь, вместе с ними и чувствуют себя детьми.

Артёма и Настю покормили скоромной едой, а взрослые обошли простым ужином, обычным для среды. Ноябрь — время разносолов, поэтому Елисей охотно отведал грибков, отварной картошечки, попробовал солёных помидорчиков, огурчиков. Всего понемногу, но в охотку да с дороги всё показалось очень вкусным.

Детям к отварной крольчатине и пюре положили по нескольку кусочков огурцов и по красной помидорке. Помидорка особенно понравилась Насте. Марина порезала помидорку на маленькие кусочки, попросила Настю пользоваться вилкой, но та, шаяля, брала их руками и, отправляя в рот, комично улыбалась, понимая, что ослушивается, но зная, что никакого наказания за это не будет. Даже более того: Марина посадила девочку к себе на колени и начала кормить с ложки, желая, чтобы она всё доела.

— Они куриные ножки любят — привыкли... Но своих петушков у нас не осталось, а магазинными курами остерегаемся кормить, благо есть своя, натуральная крольчатина, — пояснила раздумяившаяся Марина, чувствовавшая себя настоящей заботливой мамой.

Елисей смотрел на неё и не мог не заметить, что каждое слово, сказанное детям, каждое движение приносят ей радость. И на неё можно было в такие моменты смотреть бесконечно. Смотреть и радоваться.

Потом пили чай и уложили детей спать, — и вновь долгие разговоры, пока сон окончательно не сморил гостя и хозяев.

Наутро они отправились в храм. Елисей провёл службу в паре с местным священником Александром — тем самым,

которому передал весной дела. О прибытии Елисея во Владыкино знали накануне, поэтому прихожан в этот предпраздничный день было необыкновенно много. Привыкнув к Елисею за несколько лет, они сейчас во все глаза смотрели, радуясь его появлению в канун престольного праздника храма, в котором хранился список иконы Казанской Божией Матери. Ведя службу, Елисей почувствовал прежнюю связь с прихожанами, показавшимися хорошо знакомыми, даже близкими из-за отношения к службе, в знании её, в стройности общего песнопения.

Когда Елисей встал на благословление и к нему выстроилась длинная очередь, то каждый, кто прислонялся к кресту и его руке, был для него духовно близким человеком, а потому особенно любимым. Получалось, что все, кто сегодня пришёл на службу и теперь окружали его, были его родными и близкими, братьями и сёстрами.

Когда прихожане разошлись, Елисей взял во храме кадило, свечей, походный аналой и вместе с Михаилом отправился на могилку Елены. Елисей хотел идти один, но Михаил решил сопровождать его и настоял на этом, хотя и понимал, что в такие моменты лучше не мешать человеку в проявлении своих чувств, в которые посторонних посвящать необязательно, но и совсем оставить брата во Христе не мог. Поэтому сказал, словно повiniлся:

— Батюшка, я лишь помогу донести утварь и подожду вас за оградкой. Так что мешать совершенно не буду. Я всё понимаю.

Елисей не сказал ни «да» ни «нет», выразив молчанием согласие с Михаилом.

Могилка, действительно, была ухожена, даже выделялась уютом среди других. Елисей поцеловал надгробный лик Елены, перекрестился, а после вместе с Михаилом отслужил литию. Отслужив, попросил:

— А теперь хочу побыть с ней наедине...

Михаил безмолвно удалился за кладбищенские ворота. Он даже не смотрел в ту сторону, где находился Елисей, не желая мешать и понимая насколько тяжело ему сейчас. Поэтому остужал свой порыв, хотя и мёрз на холодном ветру. Но не о себе он сейчас беспокоился, а о своём госте, не зная, как помочь ему, чем утешить в эти минуты. И всё-таки он вскоре поспешил к Елисею, заботясь именно о нём, а не о себе. Батюшку он увидел, стоящим на коленях, обхватившим надгробие и склонившимся чуть ли не до могильного цоколя. Он ничего не сказал ему, а подхватил, поставил на ноги и прижал к себе, как несчастное малое дитё. Елисей продолжал

всхлипывать, а Михаил не успокаивал, не уговаривал, давая возможность выплакаться, самому очиститься облегчающими слезами. Лишь когда Елисей глубоко вздохнул, Михаил тихо сказал:

— Пойдёмте домой.

И тот повиновался, покорно ступал рядом и не ощущал под собой ног.

— Сейчас надо о другом заботиться, — напомнил Михаил, немного погодя. — Марина народ на поминки созвала, так что помянем Елену, как полагается.

— Это неплохо. Я думал об этом, но всё как-то не решался завести речь. Много народа не надо собирать — только самых душевных, кто уважительно относился к Елене.

— Да её все любили.

Елисей опять вздохнул, благодарно посмотрел на Михаила и ничего не сказал.

Поминки собрали после полудня с таким расчётом, чтобы Елисею успеть на вечернюю службу. За поминальным столом он прочитал короткую молитву, все вместе пропели «Вечную память», а после помянули рабу Божию кутьёй, блинами с мёдом. Завершили обед компотом. Спиртного на столе не было, да и не нужно оно собравшимся старушкам. Были бы мужики, то они, конечно же, не утерпели, обязательно что-нибудь придумали. После поминок тихо разошлись, поминая добрым словом Елену, желая ей Царствия Небесного.

На следующий день был праздник Казанской иконы Божией Матери. Прихожан прибыло необыкновенно много на престольный праздник храма, даже в сравнении с предыдущим днём. Настоятель Александр после вступительного возгласа произнёс молитву перед храмовой иконой:

— О Пресвятая Госпоже Владычице Богородице! Со страхом, верою и любовью припадающе пред честною иконою Твоею, молим Тя: не отвори лица Твоего от прибегающих к Тебе, умоли, Милосердная Мати, Сына Твоего и Бога нашего, Господа Иисуса Христа, да сохранит мирну страну нашу, да утвердит церковь Свою святую да незыблему соблюдет ю от неверия, ересей и раскола. Не имамы бо иныя помощи, не имамы иныя надежды, разве Тебе, Пречистая Дево: Ты еси Всесильная христиан Помощница и Заступница. Избави всех с верою Тебе молящихся от падений греховных, от навета злых человек, от всяких искушений, скорбей, бед и от напрасныя смерти; даруй нам дух сокрушения, смирение сердца, чистоту помышлений, исправление греховныя жизни и оставление прегрешений, да вси благодарне воспевающе величия Твоя, сподобимся Небеснаго Царствия и тамо со все-

ми святыми прославим Пречестное и Великолепое Имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь.

Прихожане усердно молились, а после паузы, заполненной певчими, Елисей прочитал праздничный тропарь. И если у настоятеля голос был возвышенный, действительно праздничный, то у Елисея усталый, чуть ли не скорбный. Глядя на него со стороны, казалось, что он вот-вот расплачется:

— Заступнице усердная, Мати Господа Вышняго, за всех молиши Сына Твоего Христа Бога нашего, и всем твориши спастися, в державный Твой покров прибегающим. Всех нас заступи, о Госпоже Царице и Владычице, иже в напастех и в скорбех, и в болезнях, обремененных грехи многими, предстоящих и молящихся Тебе умиленною душою и сокрушенным сердцем, пред пречистым Твоим образом со слезами и невозвратно надежду имущих на Тя, избавления всех зол, всем полезная даруй и вся спаси, Богородице Дево: Ты бо еси Божественный Покров рабом Твоим.

После праздничного молебна прихожане не спешили расходитья по делам текущим. Они подходили к Елисею, спрашивались о новой его жизни, пытались узнать, как идут дела в Свибле, не думает ли возвращаться во Владыкино. На вопрос о возвращении отвечал кратко, так, что более не возникало к нему вопросов: «На всё воля Божия!»

Когда вернулись к Михаилу, Елисей неожиданно попросил отвезти до автобуса, начал собираться.

— Батюшка, что такое? Пожили бы денёк-другой! Так мы все ждали вас, уж так ждали! — удивился Михаил, сразу заволновавшись.

— Остался бы, но меня ждёт другой храм. Он пока не полностью восстановлен, он — беззащитный ребёнок, требующий постоянного пригляда. Так что не обессудь. Благодарю тебя за всё. Храни Господь вас с матушкой и детишек ваших!

Михаил не стал надоедать, выгнал из гаража машину и оставил двигатель включённым — чтобы прогрелся. Вскоре, простившись с Мариной, с детишками, которым обещал вновь приехать в гости, Елисей сказал:

— Теперь можно в путь!

По дороге до райцентра они говорили мало. Елисею было не до разговоров, потому что опять он уезжал от Елены, а Михаил, было попробовав разговориться и видя застывшее состояние гостя, в душу не лез, не приставал с расспросами о Свибле, хотя первоначально попытался. И вообще он совершенно не походил на того Михаила, который провожал в мае. Тогда от волнения он был на себя не похож, а в этот раз вёл себя спокойнее, по-мужски, что ли. Это Елисей сразу заме-

тил и подумал о том, что теперь, когда у него появились детки, Михаил сделался, не замечая этого, другим человеком с иной жизнью, и поэтому был сдержан в чувствах, приберегая их для таких славных Артёмки и Насти. «Что ж, так и должно быть, — подумал Елисей, — не каждому выпадает такое счастье. Поэтому надо беречь его и охранять».

До области Елисей добрался вечером, когда последний автобус на Свиблу ушёл. Первой мыслью была мысль о такси, и он даже поинтересовался у водителей, сколько будет стоить проезд, но когда услышал, что не меньше трёх тысяч, то отказался от заманчивой идеи, подумав о том, сколько можно сделать для храма на три тысячи, и устроился в малолюдном зале ожидания, благо вокзал работал круглосуточно. Он про себя по памяти прочитал молитвы, перекусил захваченной из Владыкина постной булочкой, отпил из пластиковой бутылки несколько глотков травяного чая, а пирожки с мясом оставил на следующий день — родительскую субботу, и устроился в уголке, облокотившись о рюкзак и радуясь тому, что сумел сэкономить на такси.

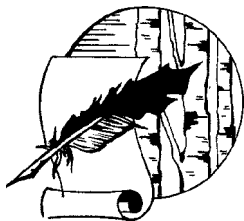
На вокзале какой сон, тем более что временами появлялся полицейский и тормозил, не позволяя никому заснуть всерьёз. Лишь под утро он пропал, видно, самого где-то сморило. А как пришло утро, и засуетились пассажиры, Елисей купил билет и через два часа был в Свибле, за последние полгода ставшей родной; этим утром он это понял впервые, шагая меж спешащих на службу горожан, считая себя одним из них. Прежде-то они ему казались обычными, а теперь, после недавнего собрания в Доме культуры, близкими и неравнодушными, и объединяло их общее дело.

В какой-то момент его отвлекла мелодия телефона. Звонил Михаил.

— Батюшка, я уж волноваться стал. Всё ли у вас нормально. А то вчера не сообщили, как добрались!

— А я вроде бы не обещал! — усмехнулся Елисей, радуясь заботе и вниманию сердечного человека. Но не стал ничего рассказывать: лукавить не хотелось, но и откровенничать — тоже. Поэтому успокоил: — Не переживай! Я на месте, всё, с Божией помощью, хорошо!

Окончание следует

Владимир КОРНИЛОВ

ПРОСО ВЫЗРЕВШИХ ЗВЁЗД

КУЗНЕЦ КОРНИЛА

Он не водил компаний бражных,
Не хороводился весной,
Но вот в Николин день однажды
Заслал сватов к вдове одной.
...Венчал его с соседкой Фросей
В церквушке сельской рыжий поп.
И всю деревню в эту осень
На свадьбе тряс хмельной озноб.
Отец напутствовал сурово:
«Ты, сын, про счастье не долдонь!
Оно серебряной подковой
Само не ляжет на ладонь!»
И день спустя у кузни старой
Корнила был уже с женой.
Вновь наковальня от ударов
Обряд творила грозный свой.
Бугрились руки мышцей каждой.
Пудовый молот: выдох-вдох.
Слицом, покрытым едкой сажей,
Он был красив, как в гневе Бог...
В поющем пламени горнила,
Нагрев до белых брызг металл,
Прапрадед мой — кузнец Корнила
Мою фамилию ковал.

НА ДЕЛЯНЕ

Маме

С чем сравнить материнскую силу?..
На исходе январского дня
Мать, обнявши седую осину,
Родила на дяляне меня...
Лес был полон рабочего люда.
Пели пилы, и ухал колун.
Каркал ворон, встревоженный гудом,
Одрыхлевший, как старый колдун.
Храп озябших коней от мороза,
Говор баб, нагружавших дрова, —
Всё вдруг смолкло, когда у обоза
Возле нас хлопотала вдова.
Дед, склонившись над крошечным чудом,
Мял ушанку и часто моргал:
«Эй вы, бабы! За внука не худо б
Четвертинку да кус пирога!»
...И, укутав нас тёплым тулупом,
Вожжи в руки — и прямо в село.
Вслед судачили бабы: «Не глупо ль —
На дяляну родить понесло?!»
...Недороды да бедность по сёлам.
Даже песни не пелись без слёз.
Дед же въехал в деревню весёлым:
«Мужики! Пополнение привёз!».

УЧИТЕЛЬНИЦА

*Антонине Павловне Никифоровой,
Заслуженной учительнице*

Она входила в класс всегда
С лицом чуть строгим, но приветливым.
Какие бури и года
На нём оставили отметины?..
Из родников ее души
Мы опыт черпали накопленный.
...Вот перед нами Русь в тиши
На рубежах застыла копьями...
Мы видим сквозь туман веков,
Как по степи хазары мечутся...

Вот на виду у казаков
Тараса Бульбу жгут над вечностью.
От гари черным был рассвет,
Да горе вдовье колобродило...
И мы в свои тринадцать лет
Осознавали слово Родина...
В глазах учительницы гнев
И боль, и гордость затаённая.
И представлялась нам в огне
Земля отцов непокорённая...
А стон врагов и стук копыт
Терялись там, вдали, за грозами.
...Но Русь по-прежнему стоит —
В озёра смотрится березами.

ДЕРЕВЕНСКИЙ РАССВЕТ

Еще звёзды не все погасли.
Зори тихо за лесом спят.
Дремлет сумрак над старым пряслом
И над играми жеребят...
Спят натруженные дороги.
Спит деревня, устав от забот.
Полуночица-выпь в тревоге
Громко всхлипнет и обомрёт...
Пахнет клевером, спелой вишней.
Тишь рассветная хороша.
В час такой на озёрах слышно —
Карпы плещутся в камышах.
...А петух и сквозь дрёму слышит —
Подступает зари огонь.
Встрепенётся, взлетит на крышу
И — растянёт свою гармонь.

СЕНОСТАВ

Здравствуй, лето мое падунское! —
Смех и песни под щебет птах —
Здесь раздолье лугов июньское!
Шаг упруг, и широк размах.
Косы тонко над лугом тенькают.
Дали вызвонил сенокосав.
Косари, как ватага Стенькина, —
В этом буйном разгуле трав...

Небо светится синим донышком,
Распогодилось — знай коси!
Сверху огненной птицей солнышко
Сторожит сенокос Русь.

* * *

Веками слыл превыше ценностей
На поте выращенный хлеб.
... И всё же вирус праздной лени
Закрался в души и окреп...
И там, где сеяли озимые,
Цвела гречиха, зрела рожь, —
Теперь поля необозримые
Позаросли бурьяном сплошь.
... Но память злой недуг тот вызнает —
Вернёт из обмороков нас.
На пашнях снова колос вызреет.
И слышим станет Божий глас.

ПАМЯТЬ СЕРДЦА

Свято чту я память о деревне:
Там из синих заводей река,
Храм на взгорке — каменный и древний, —
Устремлённый куполом в века...
Крест над ним связует души с Богом,
С горним светом, с верой в благодать...
Память — это связь с родным порогом,
С отчим домом, где отец и мать.
... Память наша — солнечное детство,
Будний труд и праздники семьи.
Это Русь, мне давшая в наследство
Родовые ценности свои.

В АВГУСТЕ

*Светлой памяти самобытного сибирского поэта
Ростислава Филиппова*

Какое согласие в Природе —
Умиротворения дух!
Недаром у нас в огороде
Расцвел в эту пору лопух.

Но он, словно гость нежеланный
Для ярких нарядных цветов,
Небесной не ведая манны,
Ютился меж сорных кустов.
...Отшельник, отвергнутый всеми,
Познал он и тяпку, и плуг...
Но в августе гордое семя —
Лазоревым вспыхнуло вдруг.
И эту улыбку Природы
Случайно увидел поэт,
В заросшем углу огорода
Заметив лазоревый цвет.
И он восхитился растеньем, —
Хоть с виду лопух неказист,
Но нежное в бликах цветенье
Стихами просилось на лист.
...И пасынок жизни суровой —
Земли горемычная соль —
Восславлен был праведным словом
За все его муки и боль.

БАРЫШНЯ ОСЕНЬ

Небо бездонно от просини.
Смехом искрится река.
...Барышня, нам не до осени:
Мы Вас не ждали пока.
Что же Вы лету перечите, —
Если еще зелены
Сопки на всём междуречии,
Женщины счастьем пьяны.
Если блестящими нитями
Марево веет с полей.
...Барышня, Вам по наитию
Чудится крик журавлей.
Зреет их грусть над болотами
В зареве солнечных выюг.
Ими еще не налётаны
Первые стёжки на юг.
Это приснился Вам давнишний
В золоте весь окоём.
...Осень, откуда Вы, барышня,
В ярком наряде своем?

* * *

Ночь ли это?.. Сумрак ли сгустился?
Только стало жутко и темно.
Говорят, в колодце месяц утопился —
Пил над срубом и упал на дно.
Потому и люди приутихли.
Не скрипит журавль пустым ведром.
Златокрылый месяц, не для них ли
Санний путь ты выстилал пером?..
Даже птицам нынче не поётся.
Льют дожди... И в траурном платке
Ночь-вдова склонилась у колодца
Над утопшим месяцем в тоске.

В ЗИМОВЬЕ

Дождь до нитки промок.
В зимовье постучался сердито:
«Вот почуял дымок
Над тайгой необжитой!..»
— Заходи, не гоню.
Что? И ты на погоду серчаешь?
Придвигайся к огню,
Отогрейся немного за чаем.
Пей крутой кипяток,
Выбирай, что по вкусу из снеди.
Пообсохнешь, браток! —
Потолкуем о будущем снеге...
Дождь с неделю тогда
Слезы лил на притихшую сушу.
Помрачнела тайга,
Да и мне он всю вымотал душу.
...Как-то вечером враз
У дождя полегчало на сердце.
В непролазную грязь
Он ушел — только скрипнула дверца...
И ко мне на порог,
Словно лайка привычно и мудро,
Иней лёг... Он продрог
В то студёное утро...
Налетели ветра —
Дню осеннему некуда деться.

И уже по утрам
Заползает морозец погреться.
— Вон, браток, сапоги!
Простывать на охоте негоже.
До весенней шуги
Ты в тайге, поди, тоже?

В СИБИРИ

Словно сказка живая
В расписных теремах, —
Так Сибирь вековая
Нынче вся в кружевах.
...Зимний утренний морок
Всюду мглист и тягуч.
За окном минус сорок —
Даже воздух колюч.
А мороз — аж дымитесь...
В белых шубах дома...
Но в сибирской столице
Мне по нраву зима.
Коль метель, — то до неба,
В рост медвежий снега.
Здесь немерено хлеба
И богата тайга.
Здесь вином и закуской
В праздник вас угостят.
Коли пир, — так по-русски,
А обиду простят.
Если горе без меры —
Боль разделят и грусть.
...Не живут здесь без веры
В Православную Русь.

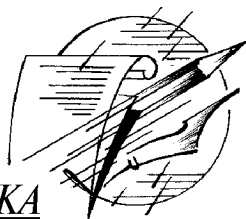
г. Братск Иркутской обл.

Анатолий ФИЛАТОВ,
кандидат философских наук

О ПРОБЛЕМАХ И ЗАДАЧАХ РУССКОГО МИРА

Относительно использования понятия Русского Мира следует внести ясность по той причине, что зачастую оно применяется без должного смыслового обозначения. В публичном лексиконе термин «Русский Мир» отождествляется с Российской Федерацией или с каноническим пространством Русской Православной Церкви. В принципе, и территория Российской Федерации, и Русская Православная Церковь являются неотъемлемыми и важнейшими частями Русского Мира, но далеко не исчерпывают его содержание. Несколько иначе формулируется термин «Русский Мир» в историко-софском и научном дискурсе. В настоящее время встречаются два, в значительной степени несовместимых его определения: для обозначения а) пространства, освоенного российской/русской культурой, и б) территории (дисперсной) существования русскокультурных диаспор по всему земному шару.

В первом понимании Русский Мир рассматривается Н.И. Костомаровым, который, собственно говоря, и является автором, как самого термина, так и определения понятия Русского Мира.

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Н.И. Костомаров в своих работах (наиболее обстоятельно, пожалуй, в статье «Две русские народности») термин «Русский мир» использует в качестве тождественного термину «Русская Земля», причем именно в приведенном здесь написании — «мир» строчными буквами, а «Земля» с прописной. Это дает нам основания сейчас использовать написание Русского Мира с прописных букв. Характерно, что Н.И. Костомаров в том же, по сути, значении, что и Русский Мир и Русская Земля, использует еще один термин — Русский материк. Все они обозначают пространство, которое формировалось под эгидой русской народности — ее южной (киевской) и северной (новгородско-московской) ветвями.

Во втором варианте в состав Русского Мира включаются все места расселения русскокультурных людей вне зависимости от их этнической принадлежности. В этом случае Русский Мир состоит как бы из двух структурных компонентов — территории собственно Российской Федерации и многочисленных мест проживания «людей... говорящих и думающих на русском языке». Тогда фрагменты Русского Мира мы обнаруживаем не только на территории бывшего Советского Союза, но и в Израиле, США, Австралии, Франции, Аргентине и т.д.

Признание дисперсности (разорванности) территории современного Русского Мира на первый взгляд выводит нас на невиданные ранее уровни глобальных пространств. Казалось бы, несмотря на политико-административную сжатость Русского Мира в пределах Российской Федерации, он, благодаря процессу диаспоризации (образования русскокультурных анклавов) фактически на всех континентах, значительно расширил свое социокультурное присутствие на планете. Вот в этом признании дисперсности Русского Мира, когда в качестве диаспор рассматриваются русскокультурные территории даже в рамках исторического российского социокультурного пространства, например, на Украине и в Крыму, спрятана, как мне кажется, основная опасность для будущего российской цивилизации. Такая модель параметров Русского Мира фактически способствует консервации его политико-административного выражения только в пределах Российской Федерации, а то и того уже — даже исключая этнические регионы на том же Северном Кавказе. Тем более, эта модель внедряет в общественное сознание (и самое пагубное — российское) рассмотрение территорий бывшего СССР, т.н. «ближнего зарубежья», в одном контексте с территориями Израиля, США, Франции, Австралии, Германии и др., где действительно существуют русскокультурные диаспоры.

Тем самым природно-историческое пространство, базовое пространство геополитического позиционирования Русской цивилизации произвольно или невольно ограничивается территорией нынешней Российской Федерации.

В силу отмеченного, гораздо более целесообразно строить концепцию Русского Мира и разрабатывать прикладные технологии ее осуществления в социальной реальности, основываясь на определениях настоящего автора этого термина — Н.И. Костомарова. Причем делать это необходимо по причине смысловой корректности, а не только геополитической целесообразности. Хотя геополитическая целесообразность в этом вопросе имеет очень большое значение. Единственным дополнением, которое следует сделать к определениям Н.И. Костомарова, является расширение понятие Русского Мира, выражающего не только сугубо русские этнокультурные характеристики, но и в широком смысле российскую социокультурную традицию, включающую в себя разнообразные этнические компоненты, развивавшиеся и существующие на пространстве, очерченном в свое время границами Советского Союза, а еще раньше Российской Империи. Полиэтничность или полиэтнокультурность Русского Мира, окормленного и оформленного, конечно же, русской культурой, является его характерной чертой.

Исходя из этих уточнений, мы вправе рассматривать понятие Русского Мира в качестве тождественного таким понятиям как российское социокультурное пространство и пространство российской цивилизации, которые исторически совпадают с территориями Российской Империи и Советского Союза. Что касается таких пограничных частей российского социокультурного пространства, как Прибалтика, Грузия и т.п., то они в настоящее время выступают в виде политически отторгнутых территорий по аналогии с периодом завоевания арабской цивилизацией Пиренейского полуострова Европы (Испании и Португалии) в начале VIII века.

В русском культурно-лингвистическом контексте, Мир — это обустройство территории, а Земля — это поле родовых социально-генетических связей. Потому Русский Мир — это пространство освоенное, осваиваемое и вовлеченное в орбиту Русской цивилизации. Историко-географически это территория бывшего Советского Союза. Русская Земля — это, безусловно, вся современная Украина, Белоруссия и значительная часть Российской Федерации (за исключением ряда этнокультурных регионов на Северном Кавказе, в Поволжье, Сибири. Хотя в целом Сибирь, конечно же, Русская Земля). Но процесс собирания русских земель в современных усло-

виях может быть обеспечен восстановлением российского социокультурного и цивилизационного пространства — исторически сформировавшейся территории Русского Мира. Не исключено, что вначале будет происходить восстановление общности фрагментов исторической России, а затем (или параллельно) — собирание Русской Земли.

Что касается мест проживания русских, точнее, русскокультурных, то до той поры, пока эти места не станут осваиваться и существовать в соответствии с русскими социокультурными ценностями и цивилизационными стандартами, говорить о планетарном распространении Русского Мира у нас нет оснований. Все-таки русские во Франции, США или Израиле — это диаспоральные (зарубежные, в полном смысле этого слова) сообщества, которые во многом живут по сложившимся на территории их проживания стандартам.

К великому сожалению, этот диаспоральный подход, фактически отторгающий от исторического пространства Русского Мира значительные его регионы и массу людей, культивируется и тиражируется организациями, напрямую или опосредованно связанными с государственными органами Российской Федерации — Международным советом российских соотечественников, Всемирным координационным советом российских соотечественников, проживающих за рубежом, фондом «Русский мир», СМИ. Например, на радиостанции «Звезда» существует программа «Русский мир», которая рассказывает о свершениях русских соотечественников в локальных точках не только США, Франции, Польши, Германии, Китая, но и на Украине (?), выводя тем самым нынешнюю Украину из пространства Русского Мира, рассматривая её в одной категории с действительно иноцивилизационными землями. Поэтому есть все основания говорить о Русской Земле, Русском Мире и Русском зарубежье. Это три уровня существования российской цивилизации в современном геополитическом пространстве.

Так вот, люди, живущие за политическими пределами современной Российской Федерации, но на территории бывшего СССР, должны помнить, что они живут в Русском Мире — в пространстве Русской цивилизации, которая строилась их предками. А чтобы они об этом не забывали, им об этом нужно постоянно напоминать. В этом и состоит основная функция общественных и государственных институтов, соответствующего профиля — фондов, организаций российских соотечественников, Департамента по делам соотечественников в МИД РФ...

«Русскоязычный мир» нередко откровенно враждебен Русскому Миру — тезис, который иногда возникает при оценке

социально-политических процессов в сопредельных с Российской Федерацией государствах. Прежде всего хотелось бы отметить, что, не имея ничего принципиально против термина «русскоязычный», лучше использовать применительно к носителям ценностей Русского Мира другой термин — «русскокультурный». Во-первых, язык, при всей его значимости, это все-таки часть и производное культуры. Во-вторых, можно пользоваться языком, но не владеть культурой или, более того, быть враждебным культуре своего же языка. Это мы можем наблюдать сплошь и рядом. В-третьих, отдельные русскоязычные сообщества (в виде организаций, групп и т.п. социальных фрагментов) могут быть действительно враждебны Русскому Миру, русской культуре (органичной частью которой является русская история) и Русской цивилизации. В-четвертых, исходя из отмеченного, «русскоязычного мира» фактически не может существовать.

Вообще сведение проблемы Русского Мира к русскоязычию во многом является следствием так называемого операционистского метода анализа и оценки ситуации. Этот метод активно используется в американской социальной науке (социология, политология, культурология), а его методологической базой является американская философия прагматизма (Ч.Пирс, Дж.Дьюи, У.Джемс). Одной из специфических черт этой философии является определение истины, которое метафорически выразил У.Джемс: «Истина — это кредитный билет, который имеет силу только в определенных условиях». Еще более определенно высказался Дж.Дьюи: истина это то, что служит нашему классу и нашим интересам. Другими словами, истина — это полезность, работоспособность идеи. Но, подчеркну, с позиций тех, кто эти идеи формирует и формулирует.

Операционизм темы в данном случае заключается в том, что используются удобные (для руководителей процесса) конструкции, когда не надо (или даже нельзя) вникать в содержание, но ставку делать лишь на язык общения, упуская мировоззренческие позиции и весь культурный комплекс. Это уводит нас от главного — собирания осколков поликультурного, полиэтнического и поликонфессионального Русского Мира в рамках общего социокультурного и цивилизационного пространства с перспективой восстановления и дальнейшего развития цивилизационной супернации — русской.

Не хотел бы быть понятым таким образом, что я умаляю значение русского языка. Я просто хочу сказать, что его функционирование и распространение мы можем обеспечить че-

рез утверждение русской культуры и восстановление, а может быть, и воссоздание Русского Мира.

Что касается восстановления территориальной целостности разорванной на части страны, воссоздания разрушаемого российского социокультурного пространства, то в этом случае речь должна идти о втором уровне базирования России в современном геополитическом пространстве — территории бывшего Советского Союза. Первый уровень базирования — это собственно территория нынешней Российской Федерации. Только должным образом организованное обустройство Русского Мира на двух своих базовых уровнях может обеспечить выполнение потребной современному человечеству геополитической миссии России — ограничению империалистических посягательств на мировое господство, исходящих главным образом от США. Эти два уровня должны обеспечить переход на третий, функциональный, геополитический уровень позиционирования России в мировом устройстве XXI века.

Формирование третьего функционального уровня геополитического расположения России связано с определением сферы жизненных (или национальных) интересов, что является характерным для любого ведущего геополитического игрока. Известно, что функциональный уровень геополитического позиционирования занимает важнейшее место в современной внешней политике Соединенных Штатов Америки. В качестве сфер национальных интересов правительство США объявило многие регионы Ближнего Востока, Латинской Америки, Южной Азии, Европы и др.

Первый базовый уровень расположения Русского Мира является его природным свойством, второй базовый уровень есть его исторический атрибут, третий функциональный уровень определяется геостратегическими требованиями.

Обозначив третий, функциональный, уровень геополитического базирования России как сферу жизненных интересов, хотел бы уточнить, что в данном случае речь идет не столько о национальных интересах в их политическом выражении, сколько о цивилизационных, геополитических интересах Русской цивилизации. Естественно, что реальным проводником в современной ситуации геополитических интересов Русского Мира могут выступать государственные институты Российской Федерации. В этом контексте, говоря о геополитической стратегии России в современном мире, мы можем говорить о государственных интересах Российской Федерации, которые распространяются на территории, прилегающие к границам бывшего Советского Союза, т.е. к окраинам российского социокультурного пространства.

Географически государственные интересы Российской Федерации, аналогичные в настоящий момент цивилизационным интересам Русского Мира, на западе распространяются на территории, занимаемые такими государствами как Финляндия, Польша, Германия (восточная ее часть или Пруссия), Словакия и Чехия, Венгрия, Румыния. На юге — Болгария, Греция, Турция, Сирия, Ливан, Израиль и Палестина, Ирак, Иран (северная часть), Афганистан (северная часть), Монголия. На востоке — Япония, штат Аляска в США, Канада. Все эти территории так или иначе связаны с историей Русского Мира и имеют, в различной степени, связи с российскими социокультурными традициями.

Нынешние территории некоторых из этих государств в определенные исторические интервалы включались в состав Российского государства (полностью или частично). Это Финляндия, Польша, Румыния, Турция, США. Ряд государств входили в международные организации, контролируемые Российской империей и Советским Союзом или были зависимы от России в иных формах — Польша, Восточная Германия, Чехия и Словакия, Венгрия, Румыния, Болгария, Иран, Афганистан, Монголия. Однако геополитическая стратегия России и позиционирование ею своих цивилизационных интересов в примыкающих географических пространствах обосновывается не только и даже не столько историческим прошлым, сколько жизненной необходимостью обеспечить условия своего социокультурного развития, сохранить и реализовать очаги будущего человеческой культуры, расположенные в пределах ее цивилизационного пространства.

Наиболее важным участком цивилизационных интересов России является юго-западное геостратегическое направление. Это обосновывается тем, что на Западе сейчас работает проект под названием «Европейский союз», имеющий высокий технологический (в смысле, цивилизационный) уровень, хотя и с весьма проблематичным культурным (т.е. содержательным) потенциалом. Прибалтика ещё не готова к возвращению в российское социокультурное пространство, Польша пока окончательно не разочаровалась в евроатлантическом доме, устройство которого контролируется США. К тому же, Польша, всегда переполненная непомерными амбициями, стремится позиционировать себя в качестве регионального лидера, представляясь порученцем Соединенных Штатов в Европе. Еще не пришло время, когда поляки наконец-то полностью почувствуют разницу между «преlestями» евроатлантической цивилизации и своими возможностями ими пользоваться.

При этом необходимо отметить, что когда мы говорим «Польша» или «Прибалтика» в контексте геополитического дискурса, мы должны иметь в виду политические элиты государств образований и их ориентации, а не общество страны или общественные уמוнастроения. Поэтому речь идет не о поляках или литовцах, латышах и эстонцах, а о современных государствах, возникших на территориях их проживания.

К тому же Европейский союз может строить с Россией нормальные взаимовыгодные добрососедские отношения. Особенно, если в нем будет возрастать политическое влияние германского и французского факторов, которые при их естественной реализации будут объективно оппозиционировать американскому кураторству, зачастую осуществляемому посредством Великобритании. При таком развитии событий, которое, по существу, является желательным не только для России, Германии и Франции, но и для Италии, Испании и даже Великобритании, государства, расположенные на западной территории цивилизационных интересов Русского Мира (Польша, Чехия, Словакия, Венгрия), обретут свой природный статус транзитного пространства, т.е. пространства контактов, сотрудничества и соперничества Русской и европейской цивилизаций. То, что сейчас там доминируют даже не европейские, а американские геополитические интересы и подавлены российские, является совершенно ненормальным. И как всякое ненормальное явление оно должно быть исправлено и излечено.

Что касается восточного и южного направлений цивилизационных интересов России, то они имеют свои четкие и на сегодняшний день естественные пределы в виде США, Канады, Японии, Китая, Индии и Ирана. В отношении США—Канады и Японии позиция России должна осуществляться достижением паритета геополитических интересов в режиме непосредственного контакта в силу отсутствия естественных транзитных территорий. Единственным спорным участком здесь может стать только территория Аляски, на которой присутствие России будет обозначаться социально-экономически. В отличие от США и Японии Китай и Индия являются стратегическими партнерами геополитики России. Социогенетические и социокультурные установки индийской и китайской цивилизаций ориентируют данные государства на *эндо-политику*, направленную не на мир внешней культуры, а на мир эндогенной культуры. Если для евроатлантической и Русской цивилизаций свойственно определять и строить свое общество в мире, то для индийской и китайской вне-

шний мир строится и определяется в своем обществе. Поэтому для России во взаимоотношениях с Индией и Китаем особых геополитических проблем, по определению, возникать не должно. Важно только учитывать специфические культурно-цивилизационные ценности и принципы того и другого государства.

С учетом таких особенностей Россия может без особых проблем вернуться в Монголию, которая не только относится к зоне цивилизационных российских интересов, но и имеет прямое отношение ко второму базовому уровню геополитического расположения России с его историческими признаками. Истоки формирования Великой монгольской империи Чингисхана лежали как на территории современной Северной Монголии, так и российской Бурятии.

Особое место в этом направлении также занимает Афганистан, т.к. это территория, социальная конфликтогенность которой может быть нейтрализована только совместными усилиями основных геополитических игроков — России, Европейского союза и США. Наиболее оптимальным способом разрешения афганской проблемы видится в разделении ответственности между Россией (Северный Афганистан) и евроатлантическим сообществом (Южный Афганистан). Понятно, что для достижения этого Россия, прежде всего, должна вернуться в полном объеме на свои исторические территории в Казахстане и Средней Азии.

Теперь вернемся к основному и главному направлению реализации цивилизационных интересов России — юго-восточному, которое включает в себя Турцию, Ирак, Сирию, Ливан, Иорданию, Палестину и Израиль. Наиболее проблемным участком этого направления, безусловно, является Турция. И не только потому, что она непосредственно граничит с Россией.

Во-первых, Турция удерживает до сегодняшнего дня культурно-исторически значимые для Русского Мира территории. Это область Константинополя (Царьграда), которая в определенной степени имеет сакральный смысл для России и для Православия. Однако, являясь формальным, если не декларативным центром православного христианства, константинопольская духовная ойкумена, лишенная административно-территориальных признаков и политико-управленческих средств, не в состоянии решать конкретные интеграционные задачи в рамках православной конфессии.

Кроме этого, Турция аннексирует значительную часть территории одного из важнейших компонентов российского культурно-цивилизационного пространства — Армении.

Достаточно сказать, что один из важнейших символов Армении — гора Арарат — находится за турецкой границей. Безусловно, Россия, заботясь о восстановлении своего территориального единства, в будущем должна поставить вопрос перед международным сообществом о цивилизованном воссоединении северной и южной Армении. В процессе достижения этой цели Россия могла бы более активно работать с курдским национальным движением и поддержать справедливые требования курдов по созданию своего государства, которое станет надежным российским союзником в этом важном геополитическом регионе. Курдскому государству вряд ли необходимо претендовать на территории в Иране и Сирии, а вот исторические очаги на севере Ирака (который по причине американского вторжения уже потерял все признаки самодостаточного государства) и на востоке полуострова Малая Азия имеют все признаки лечь в основу курдского государства. Одним из механизмов образования такого государства может стать режим протекционизма над Курдистаном со стороны Турции и России, что позволит нейтрализовать наиболее острые конфликтные ситуации. Протекторат в данной ситуации не означает кондоминиум, а призван, прежде всего, распределить геополитические интересы России и интересы Турции как региональных лидеров.

РАСКАЗЫ

ЗАРУСЬКА

За уютным столиком летнего кафе на старой могилёвской улице сидели два пенсионера и тихо беседовали.

— А помнишь, Паша, девушку такую смешную, что прибилась к нам в тумане за сутки перед тем, как мы на тутошной окраине окопались? Маманя у неё где-то в отступлении при бомбёжке потерялась, а папаша вроде как тоже воевал. Сама росточка маленького, худенькая и косички в разные стороны, а в них ленточки то ли синие, то ли зелёные, не помню уже, вплетены.

— Красные, Семён, красные.

— Может, и красные. Нос задран и весь в веснушках, да и имя такое странное, на Маруську схожее.

— Заруська.

— Во-во, Заруська, она самая, — засмеялся Семён. — Заруська-беларуська. Мы её еще всё пытали, какой она национальности. А она всё хохлилась, да так удивлённо выговаривала: «Ну что ж вы глупые-то такие! Беларуська я, кто ж еще?» А мы смеялись: «Так вроде

ПРОЗА

нет таких имён среди белорусов». А она в ответ с возмущением: «Ну как так нет, если вот она я, Заруська!» — «А может, всё же Дуська?» — спутала ты. «Сами вы Дуськи, — обижалась. — Ну как спутала, коли мамка так звала и тятка. Со всем уж вы глупые!»

— Да, было дело, — улыбнулся Павел.

— А ведь ей сколько было-то тогда, лет тринадцать, четырнадцать? Интересно, какая она теперь, Заруська эта?

— Какая? — посуровел взглядом Павел. — А такая же. Ничуть не изменилась.

— Это как так?

— А вот так. Слушай, — закурил папиросу старик. — Как немец-то на Могилёв двинул, тебя вроде в тот же день подранило, так?

— Так, — согласно кивнул Семён, — в правое плечо. Очнулся в госпитале дня через три.

— Свезло тебе. Днем-другим позже — всё, захлопнулась бы калиточка. И мышь не проскочила бы. Взял в кольцо нас немец, плотно взял.

— Знаю, — погрустнел товарищ. — Как сам выбрался-то?

— А вот об том и речь, — примял первую папиросу старый солдат и закурил вторую. — Сколько раз на прорыв пытались чуть не всей дивизией, и все без пользы, только смертей полнёхонько. И тогда приказ вышел — прорываться малыми группами. Нас ротный собрал, кто остался, человек двадцать, да с другой роты столько же, ну и двинули в ночь. А утром, когда до очередного леса десять шагов осталось, на нас немцы и выкатили. А может, мы на них сдуру нарвались, без разведки ведь шли, всё на глазок да на авось. В общем, плохо дело приключилось. Немцев-то не так уж и много чтобы, но ведь у каждого автомат, да ещё с танком впереди. А у нас что? Окромя винтовок да гранат эрпэгэшных, и нет ничего. Так с гранатой еще до танка добежать надо, а кто ж позволит-то? Вмиг на гашетку, и все, алес капут. Залегли в поле в траву, ждем. А чего? Смерти, наверное. И тут глядь, Заруська наша встал в полный рост и к немцам пошла. Не побежала, нет, а так, спокойно пошла. Идет и руку вверх подняла.

— Сдаваться, что ль? — ахнул Семён.

— Да слушай ты, — рассердился Павел. — Какой сдаваться? Одну руку подняла, вторую, полусогнув, на поясе держит. Идёт так и ладонью помахивает из стороны в сторону, ну вроде как то ли приветствует немцев, то ли останавливает. Немцы и остановились. Ждут, смотрят на неё удивлённо. Им, видать, как и нам, непонятно стало, что происходит. Заруська-то издали ребёнок ребёнком. Вот так она почти в полной тишине до

них и дошла. Мы молчим, не понимаем, они молчат, не понимают, и только мотор у танка работает. И вот когда до него пара-тройка метров осталась, Заруська руки опустила и тут же правую снова подняла, но уже с гранатой.

— Как так? — поразился Семён.

— А так! Сами обабдели, — нервно затушил папиросу Павел и тут же достал новую. — В этот-то момент наш ротный да как заорет таким голосом, вроде как удивлённым и упреждающим, мол, что ты, зачем: «Зару-у-ська-а!». И тут же взрыв, да такой — башню от танка напрочь, словно косой по траве на утренней зорьке. Немцев вокруг всех разметало, как осеннюю листву ветром. Куда уж она умудрилась попасть той гранатой, совсем уж непонятно, чтобы вот так, как былинку, башню смело.

— Да быть такого не может, чтобы от гранаты какой-то и машину такую снести! — присвистнул Семен.

— Конечно не может. А вот снесло. У нас у всех от невидали такой глаза на лоб повылазили да волосы дыбом встали, — закурил всё ж третью папиросу Павел. — И вот тут-то началось, тут-то с нами что-то и вышло. Поднялись мы с земли как один, без всякой команды да с какими-то дикими, пожалуй, звериными криками — и вперед. Кто орет: «За Руську!», кто: «За Русь!», кто: «За Белоруску!», кто: «За Беларусь!». Вмиг до немцев доскочили, а они как чумные, будто из ваты, без всякой воли оказались. Смяли мы их и ушли...

Павел замолчал.

— А как же Заруська? — осторожно прервал затянувшееся молчание однополчанина Семён.

— Погибла, конечно, — тяжело вздохнул Павел. — Взрыв-то какой был, мы ведь её так и не нашли. Но имя-то, имя — За-Русь-ка! Как оно на нас, у-ух! И сегодня мурашки по телу. Вышли мы из окружения, и пока нас особыты проверяли, все про танк да про девчонку нашу героическую говорили. Каждый день к ней разговорами возвращались. И про то, как она к нам неожиданно прибилась, и про то, как ушла от нас. Ведь ничегошеньки не нашли, даже ленточек тех самых, красных, такой плотный туман вдруг после нашей атаки всё кругом окутал. И про имя её необычное всё догадки строили: а как полностью-то? Никто же не спросил у неё, как по метрике величать. Рассуждали: а что, если б просто Маруськой девчонку звали, встали бы мы, совладали с немцем? И еще один факт, хошь верь, хошь нет. Узнавал я после войны судьбу тех, кто тогда со мной из окружения вышел. Так вот, ни один не погиб, все домой целыми вернулись, будто всем нам Заруська ангелом-хранителем оказалась, а может, и вся Русь вместе с ней.

К деду Андрею Ивановичу на юбилей собралась вся родня: сыновья с жёнами, дочери с мужьями и внуков целый детский сад. Кто к празднику пешочком до дедовой избы дотопал, а кто и поездом добирался несколько суток. Пашка, к примеру, старший сынок, аж из самой Москвы приехал, шутка ли? А ещё на поздравление родня ближняя и дальняя стеклась. Сёстры, братья Андрея Ивановича, родные да двоюродные, за ними сёстры да братья бабки Лены, жены именинника, а там дружки закадычные, да и просто соседи по улице. А коль улица на деревню Смирновку всего одна выстроилась, так можно прямо и сказать, что собрался у деда Андрея, почитай, весь народ, что в Смирновке проживал, человек за сто, а может, и под все двести, если с детишками высчитывать.

Ну и ничего удивительного, ведь дед Андрей в большом почёте среди деревенских числился. В прежние времена агрономом в колхозе работал, а помимо профессии ещё и рыбак, каких поискать, да грибник заядлый. Ко всему прочему пасеку содержал единственную на всю деревню. Так что если за медком для профилактики от всяких там хворостей, ну, это, известное дело, к Иванычу, к кому же ещё? И не драл дед Андрей за лакомство в три шкуры, как в городе — кому и задарма мёду нальёт, если человек хороший или в бедности. А уж рыбак какой, тут и разговору нет, ас да и только, корифей, хоть сейчас в академики. И о наживке всё до скрупулёзности выложит, и о снастях поделится, где какую рыбёху ловить да в какую погоду обскажет, так что мужики к нему всегда за советом, поскольку кто же в Смирновке не рыбак? Но Андрей Иванович всё же главный. А грибник каковский! Пойдут компанией в лес и лишь в опушку вступятся, его и нет уже. Все в корзинах только дно успеют прикрыть, а дед Андрей с полной навстречу идёт и в усы ухмыляется. И на спор не раз мужики руки били, кто быстрее грибов нарежет, да всяк Андрею Иванычу проигрывал.

Ну, во всём как будто Андрей Иванович мастак, но оказалось, что не во всём — охотник никакой. Тут и не его вина даже, просто в самой Смирновке вообще никто не охотился, как-то не заложилась эта пристрастность в местных жителях. Рыбаки, ягодники, грибники — это да, а вот к охоте — с полным безразличием, и разговор о сём ни разу не заводился. А если б кто и завёл, поглядели бы на него, как на умалишенного, да и весь сказ.

Но как бы то ни было, а Андрей Иванович частенько сны видел, как с двустволкой по лесу на медведя крадется, и чем

ближе к зверю подбирается, тем всё больше и больше душа обмирает, а сердце колоколом в груди бьётся. А уж когда медведь вот он, рядом, стрельни только да тащи добычу домой, сон резко обрывался, и Андрей Иванович, весь потный, непременно вскрикивал и просыпался. Не давал, видимо, деду Андрею покоя тайный зов предков. Тайну эту про охоту жена Лена знала. Ну, а где жена знает, там и дети ведают.

Вот на юбилее Пашка и достал неожиданный подарок — ружьё-двустволку, купленное по случаю у спившегося горе-охотника. Все так и ахнули, а Андрей Иванович даже слезу пустил, так расчувствовался. Целый час ружьё главным объектом внимания было, каждому мужику подержать хоть с полминуты оружие требовалось, к плечу прижать, мушку навести. Ну, и разговоры под это дело охотничьи завязались, хоть на охоту отродясь никто в самой деревне не хаживал. Однако тут вдруг открылось, что и Николай, сосед, где-то на Дальнем Востоке медведя обкладывал, и Петро, брательник двоюродный, на волков на северах ходил, и даже Минька, деревенский пропитуха, зайцев десятками стреловал, когда на Урале срочную служил.

— Всё! — вскричал распалённый разговорами и спиртным Андрей Иванович. — Завтра спозаранку иду на охоту, на лося, вот! Кто со мной, полпятого сбор у ворот.

— А чего ж на лося-то, Иваныч? Мобуть, на медведя раз? — расхрабрились мужики. — Медведок-то, слыхивали, шастат по округе. Вона, в Красных Баках у Игнатовых улии разорил, а в Карпунихе у Михеевых бычка задрал. Так, можа, и подстрелим его? Себе мясо, соседям — подмога.

— Нет, сказал! — стукнул кулаком по столу Андрей Иванович. — Говорено на лося, значит, на лося. Ён — зверь справной, на всех хватит. К тому ж не стреливал его никто, как я вас послухал. Вот, Колян медведя брал? Брал. Так что ж, я опосля его вторым буду? Ни в жисть! Петька на волка ходил? Ходил. На фиг мне с ним повторяться. Минька зайцев травил? Травил. Не хватало, чтоб я ещё с Минькой вровень ставился!

— А чем я ниже тебя? — поперхнулся самогоном Минька.

— Сиди уж, пока не прогнали, — зашикали на него дружки-выпивохи.

— Кто лису гонял, кто тетерю выслеживал, кто белку в глаз подбивал, кому кабан на пути попадался, — продолжал Андрей Иванович загибать пальцы, — а вот на лося хаживать ещё никому не приходилось. Вот я первый на деревне его и порешу.

— А почему ты? — вновь вскинулся охмелевший Минька. — А можа, он мне достанется!

— Ага, на живца. Бутылку с брагой к палке привяжешь и тут же поймаешь. Они ж, лоси, только что на твою брагу и поклевывают, особо спозаранку, когда похмелье на них, как и на тебя, западает, — засмеялись кругом.

Поутру человек двадцать вышли к лесу. У каждого за плечами мешок с припасами и нож за голенищем. А Минька, тот даже корзину прихватил и вилы в придачу.

— По грибы, что ли, Митяй? — встретили его смешком охотники.

— Ничё и не по грибы, — нахмурился Минька. — Под мясо взял, мешок вот прохудился.

— А вилы пошто? Лося в глаз бить?

— Да не-е. Он зайцев вилами натывает. Он же у нас мас-так по ушастым. Вчера сам бахвалился, как в солдатах с ними воевал, весь Урал по сию пору без зайчатины живет.

— Брешите, брешите, — беззлобно отбивался Минька от подтрунивавших мужиков. — А вот коль какой кабан вдруг на вас или волчара выскочит, вы что, его ножиком тыкать будете?

— И то правда, мужики, — вступился за Миньку дед Андрей. — Хоть по рогатине какой прихватите, все ж какая-ни-какая подмога.

Через минут десять каждый подобрал себе по дубцу, и все дружно двинулись вслед за Андреем Ивановичем.

— Куда идем-то, Иваныч?

— В Горелый лес. Я там о прошлом годе два раз лосей видал, когда по бруснику хаживал.

— Так, мобуть, куда поближе? Это ажно чуть не десять километров топать, ежели не больше, даль така, — захныкал Минька.

— А ты не ходи, кто неволит, — отмахнулись от него охотники. — Зайцы, поди, и тут-то шлындают. Наловишь на уху.

— Вот ащё, — насупился Минька и поплелся вслед за всеми.

Пройдя лесом больше половины пути, дед Андрей объявил привал, и все охотники с радостью попадали в траву. Лес в июльскую пору был хорош: светел, тёпл и приветлив, шелест листвы и щебетанье птиц — всё это очаровывало и наполняло лёгкостью и мечтательностью.

— Эх, хорошо-то как! — растянулся на траве во весь свой богатырский рост Пашка. — Благодать да и только!

— Это да-а, — согласно кивнул дядька Петро. — Лучше нашего леса в мире и нет ничего.

— Ну, ты сказанёшь, — засмеялся Пашка. — Мир — вон какой огромный, и Африка, и Америка. Мест-то сколько всяких, не счесть. Есть, небось, и покраще.

— Места-то, может, и всякие, а такого, как у нас в Смирновке, зуб даю, нету, и не говори зазря, — зажмурил от удовольствия глаза Петро. — Где ещё стокмо ягод да грибов растёт, а? А где, чтоб березнячок, а в ём берёзки как на подбор, подевичьи в струнку вытянулись, а? А чтоб сосняк корабельный до самого неба, или ёлки распушены, будто павы? То-то! Вона и речка наша, Шиманиха, каких нет нигде. Чистотелая, величавая, рыбами да раками богатющая, что там Волга!

— Ты на Волге-то бывал хотя б?

— А чего на ей бывать, интерес какой? Рыбы нет, грязна от берега до берега, река разве? Токмо время тратить.

— Насчёт времени, это ты, Петро, точнёхонько угадал, — поднялся на ноги дед Андрей. — Хорош загорать, идтить пора, а то так-то и зверя не увидим.

И только он это произнёс, как где-то вдали раздался громкий дикий рёв.

— Что это? — аж подпрыгнул от неожиданности Минька. — Слыхали?

— Не глухие.

— Мобуть, гром, — предположил кто-то, когда рёв повторился.

— Какой гром, — сдвинул брови Николай, — медведь энто. Токмо он так ревьёт, а боле некому.

— Можа, не он, — побледнел Минька, крепко схватившись за вилы. — Можа, кто другой?

— Кто другой?

— Ну, лось али кабан.

— Ты чё, Минька, сбрякнулся, чего ли? — скривился Николай. — Ты ещё скажи, что энто заяц. Говорено же, медведь, токмо он так орёт, за версту слышно.

— И чаво таперь? — заволновались вокруг.

— Чаво-чаво! Дак ничего. Вона у Андрея Иваныча ружо, будем из его косолапого стреливать. Так ведь, Андрей Иваныч?

— Так, конечно, оно так, — почесал затылок дед Андрей. — Токмо я на лося собирался, патроны на него с вечера заготовил. Подойдут ли на медведя?

— Ну, так чего паниковать-то зазря, — вытащил из пачки папиросу Николай. — Доставай давай скорей, Иваныч, из сваво мешка патроны да заряжай, покуда медведь ещё далече.

— Давай, давай, Иваныч, — воспрянули духом мужики.

— Чичас, чичас, робята, — засуетился дед Андрей, развязывая мешок.

Несколько раз переверошив содержимое котомки, дед Андрей ошарашенно уставился на мужиков.

— Нету, — испуганно прошептал он. — В другой мешок вчерась, видать, положил.

— А-а-а, — заскулил Минька и обессиленно опустился на землю.

— Чаго деять-то будем? — виновато обвёл всех взглядом Андрей Иванович.

— Бежать надоть, — предложил кто-то.

— Не-а, — хмуро покачал головой Николай. — От косолапого не убежишь — догонит и порешит поодиночке.

— На дерева надоть лезти, — захныкал Минька, — можа, он мимо пробежит.

— Каки дерева, дурак али как? Медведь по деревьям, что белка.

— Так и что?

— А вот что, — обвёл всех суровым взглядом Николай и затушил папиросу. — Встанем кругом, дубцы в руки, у кого ножи тоже. Могёт, косолапый спужается и в сторону уйдёт, а нет, так хоть спробуем его завалить чем есть. Даст бог, получится.

На том и порешили, встали в круг и стали ждать. Минут через пять со стороны густого ельника послышался хруст веток и дикий рёв. А ещё через полминуты еловый лапник раздвинулся и...

— Ах, кудрить её раз так, — выдохнул кто-то из охотников, — это ж корова!

На мужиков из-за ёлок вылупилась рогатая, с белыми пятнами голова заблудившейся бурёнки.

— Ничего себе! Я чуть в портки не наложил со страху, а тут такое! — возмутился пришедший в себя Минька.

— А чё, надо было медведю заместо коровы, чтоб, значит-ся, наложил? — рассмеялись вокруг.

— И чё теперь делать будем?

— Ничё, назад до дому вертаться надоть.

— А как жа лось? — совсем расстроился Минька. — Я ж мясца собрался подловить, даж корзину взял.

— А вона лось, — хохотнул Петро, указывая на бурёнку. — Вот сведём домой, а там и оприходуем, ежели бесхозная.

Так незадачливые охотники и вернулись в Смирновку несолоно хлебавши. Мало того, ещё и трофейная корова оказалась пропажей бабки Полины. После такого случая дед Андрей подарок свой велел сыну назад в город свезти, чтоб ничего о его конфузе не напоминало.

Но всё ж, один раз в пару-тройку недель, как только стадо коров возвращалось в деревню с выпаса, на боку у бурёнки Андрея Ивановича краской было кем-то жирно выписано: «Лось».

На центральном продовольственном рынке всегда толпа, а в колбасном павильоне тем более. Бедные продавцы и не отдыхают почти. Народ как на конвейере идет, практически безостановочно. Кто покупает, кто приценивается, кто просто запахами надышаться приходит. Люди бывают разные. Одни — спокойные и вежливые, другие — истеричные и дерганые, третьи — наглые и хамоватые, четвертые — капризные, с вечным недовольством и претензиями. Трудно продавцам целый день с таким контингентом, да и они сами — люди разные, сборная солянка, и в их рядах не все терпеливо улыбаются, и у них мата и хамства предостаточно, а частенько — даже с избытком.

Трубина Татьяна за своим прилавком почти два года уже простояла, разных людей навиделась, всякого наслушалась, за это время опыта торгового с лихвой набралась. Когда надо — улыбалась, когда надо — заискивала, когда — грубила, а порой и матерком отборным посылала. И кто еще лет двадцать назад мог предположить, что красавица Танюшка, одна из продвинутых выпускниц университета, встанет за прилавок с сосисками и салом. Но жизнь распоряжается по-своему, и Татьяну она прокрутила по полной.

Попав в одну из азиатских республик на работу в местный университет, Татьяна и думать не думала, какой удар нанесет ей судьба. В страшные девяностые Трубина потеряла все: работу, мужа, который спился из-за не востребованности и где-то сгинул на бескрайних степных просторах, квартиру, которую отобрали местные аборигены, и чуть было не лишилась двух своих дочерей, если бы вовремя не сбежала из дружественной страны. Сбежала же Татьяна не куда-нибудь в чистое поле, а на свою родную российскую землю, в свой родной любимый город, в котором прошло детство и отрочество, в котором вышла замуж за любимого человека. Вернулась она в свой город, но лучше бы и не возвращалась. Принял он ее как падчерицу — враждебно и с недоверием. Татьянины родители к тому времени уже умерли, их квартиру давно отдали другим людям, вот и пришлось Татьяне снимать комнату в коммуналке почти без удобств на окраине города. Шансов купить собственное жилье не было никаких, уйма денег уходила на оплату всеразличных справок и разрешений, требующихся в невероятных количествах коренной «негражданке» для проживания. Часть денег шла на обустройство дочек-близняшек сначала в школе, потом в институте, часть — на еду, еще часть — на одежду. Сама Таня в поисках

работы сначала мыкалась по бюджетным организациям, потом пыталась заняться бизнесом, но «негражданку» постоянно обманывали, пользуясь ее юридической незащищенностью. В конце концов, пересилив себя, Татьяна по великому благу устроилась на рынок продавцом в колбасный отдел. Эта работа давала ей возможность хоть как-то сводить концы с концами. Только жесткая экономия, только самое-самое необходимое.

— Мне вон той сырокопченной колбаски завесьте пару кружочков, — ткнула в витрину толстым мизинцем, украшенным массивным золотым кольцом, полная дама в соболиной шубе. — Нет, не этот, вон тот рядом, вот-вот. И окорочок, вон тот, весь достаньте. Ага, ага, и эту грудиночку, кусочка четыре. Нет, не эту. Эта больно несвежая. Вон ту, посвежее, вот-вот. Ах, хороша! — причмокнула дама ярко накрашенными губами, обнюхав поданный кусок.

Было такое ощущение, что она сейчас же вцепится в грудинку зубами и начнет жадно ее поедать. Но дама продолжала выбирать.

— А теперь вон той ветчинки с килограммчик-полтора. И вон тех охотничьих колбасок тоже так же. А еще рулетика килограммчик. Ага-ага. Ничего не забыла? — кокетливо поправила свою прическу покупательница. — А, вспомнила, мне сосисочек, кило так два-три. Докторских. Вон тех, ага-ага, для собачки, мосюлечки моей. Ну и грудки куриной, вон той. Ага.

— Сколько с меня? — дама полезла в сумочку за кошельком и наконец-то подняла голову на продавца. Лицо у нее удивленно вытянулось. — Ба, Танюха, ты ли это? — радостно вскрикнула толстуха. — Вот так встреча, вот так сюрприз!

Татьяна недоуменно уставилась на незнакомку.

— Простите?

— Не узнаешь, что ли? Это же я, Алка Сорокина.

— Алка? Сорокина?

— Ну да! Что, изменилась? Похорошела? — крутанулась возле прилавка бывшая Татьяна подруга.

— Это точно, и не узнать тебя, какой стала, — с любопытством разглядывала покупательницу Татьяна, поражаясь, в кого превратилась ее бывшая подруга, некогда худенькая миниатюрная девчонка.

— Да вот такой вот стала! — подбоченилась Алка, выставляя напоказ свою соболиную шубку. — Нравлюсь?

— Богато, — вздохнула Татьяна.

— Разве это богато, — тут же отмахнулась Алка, — чуть выше бедного.

«Ничего себе — беднота, вся в золоте и соболях», — подумала Татьяна.

— Слушай, Танька, а как у тебя дела? Небось, уже и домик свой у моря, и «мерс» крутой, а? Ты же у нас самая умная была, — громыхал по павильону голос Сорокиной.

Татьянины товарки с изумлением поглядывали на толстуху, понесшую какой-то бред про «мерседесы». Какие могут быть «мерседесы» у продавца колбасы!

— А муж, наверное, уже академик, а, Танюх? — продолжала тараторить Алка. — Небось, по заграницам мотааетесь, на Мальдивах отдыхаете?

— Ал, ты так шутишь? Я что, похожа на миллионершу? Они что, все колбасой за прилавком торгуют?

— Ну, извини, — чуть убавила голос бывшая подруга, — не подумала. Да и кому сейчас хорошо. Я вот тоже концы с концами еле свожу. Денег катастрофически не хватает ни на что.

— Да ладно, — саркастически покосилась на Алкины кольца Татьяна.

А та продолжала, ничуть не смутившись:

— Точно тебе говорю — денег нет. У мужа бизнес завис, он у меня недвижимостью занимается, строительством, а там сейчас какие-то терки с конкурентами, никак не договорятся по застройкам. Из-за этого уже месяц на голодном пайке, даже поесть толком нечего, — начала вполголоса жаловаться на жизнь Сорокина

— Веришь, нет, у нас трехэтажный особняк на взморье, квартира двести квадратов в центре, везде ремонт, и всё встало. Бедлам как у бомжей, жить негде, хоть в гостиницу съезжай.

Татьяна удивленно смотрела на Алку, а та продолжала:

— Купила недавно «Лексус» себе, у мужа — «шестисотый», так на горючку не хватает, вот сегодня до рынка еле доехала.

— Сочувствую, — иронично произнесла Татьяна.

— Не ты одна, — тяжело вздохнула Алка. — Сегодня домработницу рассчитывала, так она мне тоже посочувствовала, пожалела, мол, как я с таким хозяйством справлюсь. А что делать, коль с финансами проблема? Правда, мой обещал этот вопрос в течение месяца разрулить, но ведь этот месяц еще прожить надо. А на мне теперь всё — и дом, и еда, да и сыну помогать надо.

— А он у тебя где? Большой, наверное, уже?

— Большой, да дурной, — пренебрежительно отмахнулась Сорокина. — Уже девятнадцать, а ума не было и не будет. Мы его отправили в Англию, в Лондон, на юриста учиться, чтоб в

отцовской фирме работал потом, а он учится через пень-ко-
лоду, только денег требует.

— Учеба-то платная, наверно, дорогая?

— Ну конечно, — возмущенно повысила голос Алка. — Дерут как липку, в три шкуры. Пятьдесят тыщ евро за се-
местр, плюс на мелкие расходы тыщ пять за месяц. Просто грабеж какой-то. Мы что, печатаем эти еврики? В общем,
подруга, дела мои плохи, как никогда. Да и сама посуды, —
стала загибать пальцы толстуха, — дом и квартира — раз,
сын-оболтус — два, обслуга — три.

— А у вас что, кроме домработницы еще кто-то есть? — не
переставала удивляться Татьяна.

— А то! — гордо вскинула подбородок Алка. — Садовник —
раз, охранник — два, второй охранник — три, два водителя,
один мой, другой — Вовкин. Ну, там приходящий повар, еще
разнорабочий. И все дармоеды, все как один, только и слы-
шишь: денег добавьте, денег добавьте, а делать, как полага-
ется, ничего не делают. Уволила бы всех, да где новых взять,
еще хуже придут. Народ у нас ленивый, сама знаешь, так уж
лучше пусть эти работают.

— Ал, а ты сама-то где работаешь? — осторожно поинтере-
совалась Татьяна.

— Ой, Тань, не поверишь, целыми днями как белка в коле-
се. Не помню, когда последний раз на концерты выходила.
Нет, вру, в конце прошлого месяца удалось на Борю Моисе-
ева попасть. Ну, это, я тебе скажу, суперкласс. Сходи, если
будет возможность, непременно! — В глазах у Алки загоре-
лись восторженные огоньки. — И билеты совсем копеечные,
в пределах двух тысяч. А еще была до Бори на «бабках», обо-
ржалась чуть не до обморока. Слушай, надо бы нам вместе
куда-нибудь сходить. На следующей неделе Димочка Билан
приезжает, билеты тыщи в три обойдутся. Как ты?

— Не могу, Ал, работы много, — отрицательно покачала
головой Татьяна.

— Да ладно тебе, работа не волк... Закрой свою лавочку
пораньше или поставь кого вместо себя, да сбегаем на кон-
цертник, потом в ресторанчик забуримся, вспомним моло-
дость. Я, Тань, если мне куда надо — в салон или на мас-
саж, — быстренько кабинет на ключ. Томку, компаньонку
мою, — за главную, и вперед с музыкой.

— Так ты все же работаешь? — иронично усмехнулась Та-
тьяна.

— Так я ж говорю тебе, как белка в колесе, фирма у меня
своя по продаже уличных и комнатных растений, муж по-
дарил, как бывшему биологу. Ох, мне этот подарочек —

одни убытки, кручусь, кручусь, а толку-то! Работники все — бездельники да воры, никакие штрафы не спасают, текучка ужасная. Менеджмент — тупой и ленивый. Клиент вялый и жадный, подавай ему подешевле да получше. В общем, одни убытки, скажу тебе, денег совсем нет. Хочу поменять бизнес. Этот продаж и открою туристическую контору, хоть по заграницам помотаюсь. А то выезжаешь раза два-три в год на пару деньков. Да и что это за поездки, одна нервотрепка. Была недавно в Милане на распродаже, всю неделю пробегала по бутикам как ненормальная. Двадцать тыщ евро потратила, а что купила? Хотя там, конечно, намного дешевле, чем у нас, у нас вообще дерут бессовестно. Слушай, Танюха, надо бы и тебя в Милан свозить, приодеть, а то выглядишь ты как-то не очень. Так как, съездим?

— Алла, мне некогда, мне работать надо, — намекнула Татьяна бывшей подруге на окончание разговора.

— Опять ты про работу, ну скучно же, ей-богу. Будто и поговорить нам больше не о чем, — не поняла ее Сорокина. — Я вот тут дома ремонтом занимаюсь, затеяла стены лепные, денег уйма ушла, будем как во дворце, закончим — покажу. Понравится — и тебе мастера присоветую.

— Ал, мне не до мастера, — Татьяна принялась демонстративно переключать колбасу на прилавке с места на место, — мне деньги зарабатывать надо.

— Ох уж эти деньги, — сразу погрустнела Алка, — вечно их не хватает. Не знаю, что и делать, еле концы с концами свожу, боюсь, и до дому не доберусь, на бензин не хватает.

Татьяна тяжело посмотрела на Сорокину, потом выдвинула ящик кассового аппарата, достала из него пятьсот рублей и положила перед Алкой.

— На.

— Это что? — недоуменно заморгала ресницами толстуха.

— Деньги на бензин.

— Да ты что, Танюха, ты серьезно? — слегка побледнела Алка.

— Серьезней не бывает, — повернулась к ней боком Татьяна. — Сирым и убогим надо подавать.

Бледность Алки тут же превратилась в пунцовость, и она, подхватив свои пакеты с покупками, молча поспешила от прилавка.

— Ну ты, Танюха, молодец! Классно отбрила эту!.. — одобрили Татьяну торговки.

Татьяна села на стул и, опустив лицо в ладони, заплакала...

Известный на всю страну модный художник-портретист Миколас Самсонавас отправился в творческую поездку по Нечерноземью. Богемная столичная жизнь последних десяти лет почти полностью опустошила Миколаса, заставляя его всё чаще и чаще менять свои волшебные кисти на бокал вина или рюмку водки. Да и от картин, которые Миколас всё же время от времени писал, удовольствия не получалось.

«Вся жизнь — дерьмо, — жаловался он по пьяни своим очередным собутыльникам. — Не то всё, не так. Одни рожи лишь рисую. А в них только жадность да подлость, гнусность да пошлость, тупость да жлобство. Ни капли человеческого, сплошь рога, копыта и мерзкие ухмылки. Один бесконечный мелодраматический триллер. Уехать бы куда, на лица нормальные посмотреть, на завалинке поутру посидеть, петухов послушать, молока парного испить вместо этой водки проклятой, будь она неладна».

И вот ехал Миколас в купейном вагоне, потягивал потихонечку коньячок и любовался в окно сменяющимися пейзажами. Сердце художника радостно стучало в такт железнодорожному перестуку, наполняя Миколаса чудесными предчувствиями.

«Боже, какой я дурак, какой дурак, что двадцать лет проковырялся в этом столичном дерьме! Столько времени зря убил, — думал Самсонавас. — Нет, нет, больше и за сто миллионов меня назад не затянешь. Только туда, вперёд, к народу, к истинной Руси, к корням, в глубинку! Там черпать самое лучшее, самое благородное, самое одухотворенное! И свою душу лечить, лечить и лечить. И Бога молить о прощении. В церквушке какой-нибудь самой захудалой. И чтоб без помпы и красотостей, а по-настоящему, лбом оземь и с батюшкой. С беседами с ним философскими за чашечкой чая да с баранками. Ах, красота!»

С такими благостными думами и прибыл Миколас Самсонавас в областной центр. Встречали художника с цветами и хлебом-солью девушки в сарафанах. Местная элита счастливо улыбалась приезду знаменитого гостя, нахваливая его незаурядный дар и великие успехи.

— Миколас, ваши портреты, они такие, такие! Они как Джоконда да Винчи и квадрат Малевича в одном лице и даже лучше! — придыхала перед Самсонавасом моложавая жена губернатора. — Я как их увидела, так в них и влюбилась без памяти с первого взгляда и до конца. Я так надеюсь в мечтах, что и моё скромное лицо ляжет красками на холст в портрете

от вашей гениальной руки с кистями. И мои дети тоже в мечтах, даже в школу не ходят, всё ждут вашего приезда и позирования. А уж Матвей Гаврилович, муж мой, так он просто бредит вашими картинами. Он и в Эрмитаж в Кремле ходит, когда в Москве в гостях у президента бывает. Придёт в Эрмитаж, встанет перед картиной и любитесь на неё с наслаждением. Вы ведь, Миколас, президента в натуре рисовали? Как он вам показался? Великий человек?

«Бред, — тряхнул головой Самсонавас, пытаюсь избавиться от наваждения, — дурдом, похлеще московского. Видать, от приёма не избавишься. Поем — и сразу же в глубинку, подальше от этого невежества».

На вечернем приёме Миколас Самсонавас пил, ел и выслушивал всякие глупости.

— Вы, Миколас, Литвинову рисовали? Как она вам в обнажении? — пытала Самсонаваса толстая жена начальника областной милиции. — Говорят, тоща, как скелетина, и еле ходит от диеты.

— А правда, что у Пугачёвой груди из силикона? — интересовалась плоскогрудая владелица местных супермаркетов.

— У нас тут спор меж своими возник, что Церетели Петра Первого с Лужкова слепил, — чокнулся с Миколасом бокалом с шампанским губернатор. — А некоторые прямо указывают на Грызлова. Ты к кому склоняешься?

— А вы к кому?

— Хитер, брат, на мякине не проведёшь, — погрозил пальцем Самсонавасу губернатор. — Вот что значит столичная закваска.

— Нам тут сказывали, что вы голову Ленина для Зюганова в мавзолее спозировали, — нервно дернул художника за рукав лидер областных коммунистов.

— Для чего? — От неожиданности Миколас расплескал полфужера коньяка.

— Для истории. Ну и как она?

— Кто?

— Голова.

— Мертвая, — разозлился Миколас глупейшему вопросу, — мертвее не бывает.

— Ну да, ну да, мы, вобщем-то, так это и предполагали, — спрятался за многочисленные спины коммунист.

— А что, были сомнения? — прокричал вслед ему Самсонавас.

— Не обращай на него внимания, они уже в прошлом, — приобнял за плечи Миколаса местный банкир, увлекая его за собой на балкон. — А нам бы с тобой о будущем перетереть.

— В каком смысле?

— В смысле вложений. У нас тут как бы кризис небольшой наметился, так вот хочу узнать напрямую, из первых, так сказать, уст. Твои картинки, что, действительно бабок стоят? Или это всё туфта?

— Ну, стоят, наверное, раз покупают.

— Ты мне не винти, ты мне как на духу, как перед папой скажи, стоят или нет? — пыхнул сигарным дымом в лицо художнику банкир.

— Стоят, стоят, — поморщился от бандитской выходки Миколас.

— Ну, смотри, не обмани, — фамильярно похлопал по плечу Самсонаваса банкир. — Мы тут с пацанами решили в тебя вложиться. В Москве уже кое-что прикупили, и здесь, надеюсь, прикупим. Ты же сюда рисовать приехал?

— Ну да, — кивнул Миколас.

— Так и давай рисуй. Вон сколько мурла вокруг крутится. Мы с пацанами всё скупим, что нарисуешь. Если там краски, кисти, бумага нужна, ты говори сразу, не тусуйся — всё привезем, хоть весь склад лакокрасочных изделий.

— Спасибо, конечно, но я здесь задерживаться не хотел бы, у меня другие планы.

— Это какие? — нахмурился банкир.

— Хочу в глубинку проехать, поближе к народу, там найти новые сюжеты.

— Ты чё, охренел? — ругнулся банкир. — Кто ж тебе за обыкновенных колхозников платить будет? Они ж не стоят ничего. А тут вон золотое дно, от губернатора до прокурора.

— Шедевры не от званий зависят.

— А от чего?

— От мастерства, — тяжело вздохнул Миколас. — Шишка знаешь?

— Ну, — согласно кивнул банкир. — Про медведей у него и про рожь.

— Во-во. А людей ты там видел на его картинах?

— Нет, не видел.

— Вот видишь, у него на полотнах один лес, и стоит он побольше, чем любой из моих портретов.

— А-а-а, — задумчиво согласился банкир.

— Вот тебе и «а-а-а». Потому и в глубинку хочу. Понял?

— Теперь понял.

— Ну а если понял, избавь меня от этих рож и отвези куда-нибудь подальше от цивилизации.

— Договорились, завтра с утра будь готов.

На следующее утро крутой внедорожник увозил художника на север всё дальше и дальше от областного центра.

— Куда теперь, начальник? — поинтересовался водитель, промчавшись мимо очередного городка. — Дальше скоро другая область, а мне туда без пахана въезд заказан.

— Через пару километров поворот на Шишку, не пропусти, — ещё раз взглянул на карту Самсонавас.

— Что за Шишка такая? Не слышал ни разу, — пожал плечами водитель.

— Судя по карте, километров сорок к северу от трассы будет.

— А дорога какая?

— А чего тебе дорога? — похлопал по панели Миколас. — У тебя такой танк, он и без дороги запросто пройдёт.

— Не скажи. Пахан, знаешь, за каждую царапину спросит.

— Не бойсь, за всё заплачено, — усмехнулся художник.

Свернув с магистрали, внедорожник ещё километров десять катил по асфальту, потом столько же по просёлку и оставшиеся километры — по совершеннейшему бездорожью.

— Может, заблудились? — занервничал водитель, потеряв терпение. — Чёрт знает, как тут ориентироваться, — всё бурьяном заросло, едем почти на ощупь. Да и наши поговаривали, что места в этой стороне гиблые.

— Да нет, всё нормально, вон и изба на взгорке виднеется, — указал вперёд Миколас.

У покосившегося, потемневшего от времени деревянного дома, обнесённого полуистлевшим штакетником, сидел сморщенный сгорбленный дед, одетый, несмотря на августовский тёплый день, в зимнюю шапку-ушанку, старую издерганную фуфайку, ватные штаны и валенки.

— Не жарко, папаша? — обратился к нему Миколас. — Не рано ль зиму встречаешь?

— Она у нас и не кончалась, сынок, — беззубо улыбнулся старик.

— А это что? — повёл рукой вокруг Миколас, указывая на разнотравье.

— А это видимость, обманка, — хихикнул дедок.

— Да чё ты с ним базаришь, — встрял в разговор водитель. — Не видишь, нажратый с утра и бредит. Ты, дед, лучше спой, как до Шишков нам добратся.

— И петь тута нечаго, вы ить ужо в Шишках.

Водитель оглянулся кругом, но, кроме дедовой избы, никаких построек не обнаружил.

— Чё ты дуру гонишь, чё гонишь, — набычился он на старика. — Где Шишки, показывай!

— Так ить где? — не испугался сурового взгляда старик и махнул ладонью в сторону. — Вязде. Тут Шишки, и за энтим оврагом Шишки. В них Гнат Шишков жавёт. И за тем перелеском Шишки. Тамоть Агафа Шишкова с Авдотой Шишковой жавуть. А за тем вона полем, вона на холме крыша видається, тамоть Кириян, мой брательник, жавёт с жаною Марусей, и тожа в Шишках. Ну, а тамоть, откудаты вы приехали, тамоть Петка и Федка жавуть, тоже брательники из трахтуристов безжённы. И у них Шишки. Так какие вам надоть?

— Офигеть! — вылупил глаза на деда водитель.

— Папаша, — чуть подумав, обратился Миколас к старику. — Я в отпуск приехал из Москвы, хотел месяца три-четыре у вас тут пожить, отдохнуть, сил набраться, ну и поработать. Не подскажите, у кого на постое остановиться? Я заплачу.

— Из Москвы, скаживаешь? — прищурился старик, оценивая Самсонаваса. — Так ить подумкаты надоть. Ежели в Шишки к Петке и Федке, так ить пьют и мордобитствуют. Не пойдешь?

— Не пойду, — улыбнулся Миколас.

— Ну и правда. А ежели к брательнику мому Кирьяну, так ить пьёт и мордобитствует. А ишо Маруску равнуить. Не пойдешь?

— Не-а, — еле сдерживая смех, закрутил головой Миколас.

— Ну и правда. Тогдаты, получатся, к Гнату Шишкову. Он самогонщик справной, тожа пьёт и мордобитствует. Не пойдёшь?

— Нет, не пойду, — расхохотался Самсонавас. — А Авдота с Агафой тоже пьют, наверное, и мордобитствуют?

— Ну не так, как Петка с Федкой, всё жа они бабы, — хитро прищурился дедок. — Но оцарапаты можуть хужа кошки.

— А еще кто в округе живет, или всех назвал? — вмешался в разговор водитель.

— Чё ж не жить, жавуть. И кум жавёт, Гавря Шишков, и кума жавёт, Нинеля Шишкова, и в других Шишках Минька жавёт.

— Тоже Шишков? — давился от смеха Миколас.

— Ясно дело.

— И тоже пьет и мордобитствует?

— Ясно дело.

— Получается, ты один не пьёшь, наверное, и по характеру паинька?

— Ясно дело.

— Так, может, мне у тебя и расположиться на постой? — подмигнул Миколас водителю.

— Ясно дело.

— Ну, так и быть, остаюсь, — протянул старику руку художник. — Я Миколас Самсонавас.

— Лях, што ли? — Глаза старика хищно блеснули.

— Нет, литовец по отцу, а так русский.

— Ну-ну. А ентот хто будет? — обратился дед в сторону водителя. — Не шведец ли?

— Сам ты шведец, — обиделся водитель. — Я, вообще, русский с Казахстана. И имя мое Мирон. Усёк?

— Ну да, ну да, — согласно закивал головой старик. — А меня Козимой прозвали.

— А по отчеству? — спросил Миколас.

— А по батюшке Силыч.

— Кузьма Силыч, значит?

— Ага, ага. Козима Силыч.

— Ну, ладно, Кузьма Силыч, показывай свои хоромы.

Пройдя через сени, Миколас с водителем попали в просторную кухню с огромной русской печью. Кузьма Силыч пересек её и отдернул занавеску, скрывавшую небольшую комнатку, в одном углу которой стояла железная панцирная кровать, заправленная лоскутным одеялом, а в другом старая этажерка и шкаф. Рядом с кроватью притулилась кривоногая табуретка.

— Вот здесь и жави. Устроить? — обратился к Миколасу Кузьма Силыч.

— Устроит, — вошёл в комнату Самсонавас и повернулся к водителю. — Звони своему шефу, что всё в порядке, место нашли, и завтра я приступаю к работе.

Водитель поднёс мобильник к уху, дождался ответа и стал докладывать хозяину обстановку.

— Чагой-то он, молится? — зашептал старик, показывая пальцем на Мирона.

— Звонит, — усмехнулся Миколас.

— Гдей-тогь звонюгь? Не слахать, — приложил к уху ладонь дед.

— Да нет, это он звонит начальству своему.

— Кудыгь?

— Начальству.

— Так ить чем?

— Что чем?

— Звонить чем?

— А-а-а, — заулыбался Миколас. — Мобильником, дед. Штука вон у него в руке такая, на коробок спичечный смахивает, телефон современный.

— Идишь, — отмахнулся от Миколаса Кузьма Сильч. — А то я талафону не знаю.

— Нет, правда-правда, хочешь послушать?

— Идишь, буду ашо. Што я, малой — голову дурить? Талафон со шнуром и трубою, — обидчиво надулся старик и, развернувшись, вышел из комнаты.

Водитель тоже закончил разговор по мобильнику.

— Ну что, всё доложил? — поинтересовался Миколас.

— Да-а-а, — удручённо почесал затылок Мирон.

— Случилось что?

— Пахан приказал при тебе оставаться.

— Что значит «приказал»? — разозлился Самсонавас. — Вот ещё новость! Не нужен ты мне. Поезжай домой — и точка.

— Не, не могу, — покачал головой Мирон. — Пахан приказал.

— Дай мне трубку, я сам с ним поговорю, — протянул руку Миколас.

— Не, не могу, батарейка села, подзарядить надо бы.

— Ну так заряжай, чего ждешь?

— А вот смотрю кругом и ни одной розетки не вижу. И ламп нигде нет.

Миколас тоже внимательно обвёл взглядом комнатку, но ничего электрического не обнаружил. Выйдя в кухню, он поднял голову к потолку. Люстры там не было.

— Кузьма Сильч, — растерянно посмотрел на деда художник, — а розетки-то где?

— А нетути.

— Как — нету?

— А так, нетути и нетути. А пошто их держать, коли и света нетути.

— Как так и света нетути? — перешёл на дедовский лексикон Миколас.

— А вот так. Как Петка с Федкой все проводы со столбцов посняли годов эдак десять назад, так и жавём без лактричества.

— Ни фига себе! — присвистнул Мирон. — И чё, вы, получается, и телик не смотрите?

— Талавизор, што ль? — переспросил Кузьма Сильч.

— Ну да.

— Дык, у мини яго отродясь не было.

— Счастливый человек, — с завистью вздохнул Миколас.

— Какой счастливый? — возмутился Мирон. — Это же дурдом какой-то. Как же можно без телика жить. Я б повесился через неделю. Ни «Кривое зеркало», ни «Поле чудес»

не посмотреть. Дикость какая-то. Этим Петьке с Федькой головы надо пооткручивать.

— Не. Нельзя, — не согласился Кузьма Силыч. — Кто тог-
дать по муку, по соль, да по шпешки ездить нам будить? Ок-
ромя Петки и Федки некому. Трахтур токмо у их имеется. А то
и кафеток кады привезуть.

— Слышь, художник, поехали отсюда, пока не стемнело, —
повернулся Мирон к Миколасу. — Там на трассе деревень
куча. В них и свет есть, и телевизор.

— Не-а, — улыбнулся в ответ Миколас. — Мне это в са-
мый раз подходит, самое то для творчества. Никакой цивили-
зации.

— Не понял? — изумлённо уставился на художника Ми-
рон. — Ты чё, тут хочешь остаться? В этой дыре?

— Ну да.

— Подожди-подожди, а мне-то что делать?

— Домой езжай, я ж тебе говорил.

— Нельзя мне домой, за тобой приказано присматри-
вать, — сник как-то сразу Мирон и умоляюще обратился к
Миколасу: — А может, передумаешь, а?

— Нет, — твёрдо ответил художник. — Ты, Мирон, ехал
бы. Не можешь домой, остановись у кого-нибудь в райцентре,
будешь оттуда ко мне наезжать.

— Правда? — ожил Мирон.

— Правда.

— Точно, блин, — хлопнул себя по бритой башке Мирон,
вспомнив о чём-то. — Так я поеду, а то там Петросян скоро.

— Езжай, я тут и без тебя справлюсь.

После отъезда Мирона Миколас перетащил свои вещи в
комнатку, достал из привезённого с собой ящика бутылку
коньяка, вышел на крыльцо и подсел на ступеньки к курив-
шему самосад деду.

— Ну что, Кузьма Силыч, а не распить ли нам за знаком-
ство бутылочку коньячка?

— А давай, — согласился дед. — Токма бражничать тута на
дворе будем, а то в дому скоро стемнееть, мимоть рота, как
быть, не пронести.

— Ну, на улице, так на улице, — довольно потер руки Ми-
колас и мечтательно произнёс: — Хоть на закат полюбуюсь,
сто лет его не видел, да может, наконец-то картину настоя-
щую напишу.

— Дык, полюбуйся, полюбуйся, мабуть, и напишешь, —
пыхнул козьей ножкой старик.

И вот, когда уже почти затух закат, и была уговорена буты-
лочка коньяка, вдали раздалось прерывистое тарыхтение.

— Это что? — прислушался к странному звуку Самсона-вас.

— А-а. Енто Петка с Федкой на трахтуре едут. Видать, гдей-тойть каросину добыли.

Через минут пять во двор Силыча вкатился допотопный драндулет, отдалённо напоминающий трактор «Беларусь», выпустил облако вонючего дыма и обречённо заглох. Из покорёженной кабины, когда-то синего цвета, а сейчас сплошь покрытой ржавыми проплешинами, кряхтя, спустились два одинаковых кряжистых низкорослых бородача в замызганных телогрейках, в штанах галифе военного покроя и кирзачах. Пошатываясь, они подошли к костерку, у которого беседовали Миколас со стариком.

— Здоров будешь, Козима Силыч, — снял кепку перед хозяином один из близнецов.

— И табе здорову быть, Петка.

— Здоров будешь, Козима Силыч, — снял кепку и второй близнец.

— И табе тож здорову быть, Федка.

— Подсести могём до огоньку? — сел к костру первый брат.

— Дык, сел ужо.

— И то верно, — согласился, усаживаясь, Федька.

Минуты две у костра стояла тишина, которую нарушил вздох Петьки:

— У тебя, Козима Силыч, сказывают гость объявился?

— А хто сказывает?

— Дык, ходют слухи, — ответил Петька

— А-а-а, — кивнул старик.

Над костром снова повисла тишина. Миколас с любопытством и удивлением рассматривал двух братьев, которые буд-то и не замечали его присутствия.

— Говорят, ажно с самой Москвы, — нарушил затянувшееся молчание второй брат. — И будто лях?

— А хто говорить? — повернул к нему голову старик.

— Дык, ходют слухи, — ответил Федька.

— А-а-а.

И опять над костром повисло молчание.

— Познакомил бы, — через несколько минут оторвал от костра взгляд Петька.

— Дык, я не супротив, токмо вот знакомка у вас исть али как? — растянул губы в хитрой улыбке Кузьма Силыч.

— А как жа! Чё, мы не русские люди без знакомки по дворам шастат? — оживился Петька и повернулся к заулыбавшемуся брату. — А ну-ка, Федка, слётай мигом к трахтуру, достань там знакомку.

Федька тут же вскочил на ноги, будто только этого и ждал. Вскоре на траву опустилась трёхлитровая банка, наполненная мутноватой жидкостью.

— Кряпка? — облизнулся старик.

— Забижаешь, — нахмурился Петька. — Крепчее столишной будет.

— А ты её пивал, столишную-то? — хихикнул старик.

— Забижаешь, — ещё больше сдвинул брови Петька. — Што, мы с Федкой совсем ужо дякие, што ли?

— А может, мне это... — попытался встать на ноги Миколас.

— Сяди ужо, — придержал рукой художника старик, поняв его намерения. — Успеешь ищё до ветру. Сначала поручкайтесь. Это Петка с Федкой, братья близняковые. Петка старшой.

— На двадцать минут, — гордо расправился Петька.

— Во-во, — подтвердил Кузьма Силыч. — А енто, Федка, младшой, с отставанием, значитя.

— С каким таким отставанием? — вскочил на ноги Федька.

— Сядь, пяхух! — цыкнул на него Петька. — А то забыл, как в школе учился?

— А чё в школе? — обиженно забубнил в бороду Федька, опускаясь на траву. — Когдять енто было? Дык, што, из-за енто до старости в дурнях ходить, што ли?

— А енто Миколас, — не замечая возмущения Федьки, продолжал знакомить своих гостей старик. — По-нашему Микола, значитя, будеть.

— Лях? — вновь нахмурился Петька и потянулся к банке. — Для ляха знакомки не станется.

— Не-е, — успокоил его Кузьма Силыч. — Наш ён, русской. Енто родители у яго ляхи или шведцы. Тьфу, забыл. Подсоби, Микола.

— Литовец по отцу, а по матери русский.

— Ну, ежели по батьке, тады ладно, — убрал руки от банки Петька. — В жисти всяко бывает. У нас вона с Федкой папаня, дык, вовсе староверской народности, по морде тожа бородатый был, весь в нас. А по карахтеру самый што ни на есть яврей, бросил маманьку, когдять нам и осимнадцати ащё не было. И сгинул гдей-тоть без слуху и духу. А ты сам-то хто по жисти будешь?

— Художник. Портреты пишу.

— А-а, — многозначительно закивали Петька с Федькой. — А к нам в Шишки пошто?

— Да хочу лица местных жителей написать.

— А-а, — вновь закивали братья. — А каво?
— Так кого назовете, того и напишу. Передовиков ваших. Доярок, пастухов, механизаторов.
— А-а, — разочарованно переглянулись Петька с Федькой. — Енто мимо.
— Чего мимо? — не понял Миколас.
— Нетуть у нас таковских.
— Каких таковских?
— Ну, доярков, ахрономов, мехнизаторов.
— А вы разве не механизаторы?
— Не-а, мы с Федкой трахтуристы, — отрицательно покачал головой Петька. — Мы по трахтурной части. Кому чаво привеств, ежели нужда стала.
— Давайте ужo сугреваться, — недовольно вмешался Кузьма Силыч. — А то совсем ужo простынем, чай не солнце.
Знакомился Миколас со странными обитателями глухой стороны почти до утра, пока не кончилась трёхлитровая банка. И когда Федька, выделывая замысловатые кренделя, направился к трактору за второй банкой, столичный гость завалился на траву и тут же уснул. Проснувшись, Миколас повернул голову направо. Рядом на спине, раскинув руки и открыв рот, лежал то ли Петька, то ли Федька и раскатисто храпел.
— Ты хто? — грозно прозвучало сверху.
— Я-то? — вздрогнул от неожиданности Миколас, увидев склонившегося над ним одного из трактористов. В руке близнеца был зажат топор.
— Ты-то, ты-то. Лях?
— Не-е, Петка. Ён с Москвы, ён Микола, — подал голос с крыльца своего дома Кузьма Силыч. — Ён мулеватель, мулевать приихал.
— А-а, — отступил от Миколаса Петька. — Мулеватель енто хорошо. Нам с Федкой трахтур замулюет. Смогёшь?
— Смогу, — вытер выступивший на лбу пот Миколас.
— Ну, тады надоть выпить знакомки. Меня Петкой кличут, а енто Федка спит, вчерась, верно, напился.
— Не-не-не! — в ужасе запротестовал Миколас, увидев как Петька зашагал к трактору.
— Молчи, Микола, — зашептал подошедший к нему Кузьма Силыч. — Знакомку надоть выпить, а то хуже будеть.
Петька принес очередную трёхлитровую банку самогона, и пиршество продолжилось. С этого момента Миколас Самсонавас практически полностью перестал ориентироваться в происходящем. Он пил, чем-то закусывал, пел песни, спорил, ругался, отключался, потом опять пил, закусывал, пел,

танцевал, вырубался, приходил в себя, куда-то ехал, с кем-то знакомился, пил, закусывал, пел песни, ругался, дрался, танцевал, вырубался.

— Ты кто? — услышал Самсонавас в очередной раз, отрывая голову от стола.

— Я?

— Ну не я же!

— Микола. А ты кто?

— Я? — тупо посмотрел на него бородатый мужик.

— Ну не я ж.

— Петка.

— А знакомка хде?

— У Мирошки надоть поспрашать, — повернулся бородач в сторону русской печи. — Мирошка, хде знакомка?

Шторка над полатами раздвинулась, и оттуда вылезла здоровая заросшая физиономия еще одного мужика. На мгновение Миколасу показалось, что-то знакомое в этом лице. Будто он уже когда-то встречался с этим человеком. Но это хрупкое воспоминание тут же исчезло.

— Это ищё кто?

— Этоьт Мирошка, брательник наш с Федкой. Недавноть нашелся.

— Хде?

— Да ить здесья, около дому. Ишо до холодов приблудился, — принял из рук Мирошки трехлитровую банку Петька. — Дикой вот токмо, малость. Усё молчит больше, а как выпьет, дык, заговаривает, и усё про талавизер чагой-то.

Услышав знакомое слово, Мирошка расплылся глупой улыбкой, закивал головой и выдал скороговоркой, жестикулируя руками:

— Талавизер, дырк, пр-р-р, хр-р-р, опа-па! Талавизер, дырк, пырк, вжик, опа-па! Талавизер, хр-р-р, опа-па! Мне!

— Видать, ён мастак у вас по талавизерам, — предположил Миколас и задумчиво посмотрел в окно. — Ужеть снег. Давно?

— Дён семь как, — поднял кружку самогонки Петька.

Выпив и закусив варёной картошкой, Миколас с силой потёр лоб, пытаясь удержать какие-то воспоминания, вновь промелькнувшие в его воспалённом мозгу.

— А я кто? — обратился он к Петьке после тщетной попытки восстановить память.

— Микола.

— А-а, — попытался встать из-за стола Миколас, но ноги не держали. — А хде я?

— У нас, в Шишках.

— А-а. А живу хде?

— Чичас узнаю, — наклонился под стол Петька и пнул кого-то ногой. — Федка, Микола чейный?

— Козимы Силыча сын, — раздалось из-под стола. — Мулеватель.

Миколас тоже нагнулся вниз. Под столом, свернувшись калачиком, лежал бородатый мужик — точная копия Петьки.

— А чаво я у вас делаю?

— Дык, трахтур приехал мулевать.

— Давно?

— Дык, можо месяц, а можо два. Хто его знат. С лета ты при нас, — кряхтя, вылез из-под стола и налил себе самогонки бородач. — Покась по всем Шишкам проехали да у всех сродственников наших Шишковых прогостевали, дык всё с нами был. Завтрась-послезавтрась к Козиме Силычу, батьку твому, назад тябя отдадим. Жалкость, родимый совсем стал, как Мирошка.

— А давай за жалкость споем, — предложил Петька, обнося всех самогоном, и первый затянул:

*Эх, мороз, мороз,
Не морозь маня,
Не морозь маня,
Свовово коня...*

К дому Кузьмы Силыча уже почти по темноте подъехал вездеход. Из него выскочили четверо здоровенных мордоротов и, суетливо озираясь, взбежали на крыльцо. Двое из них тут же скрылись в сенях. Через несколько минут один вернулся назад и проговорил в микрофон, скрытый в воротнике куртки: «Всё чисто, можно выходить». После этого разрешения дверца вездехода медленно открылась, и из него вылез наружу владелец банка, заключивший ещё летом с Миколасом Самсонавасом договор на будущие картины художника.

За банкиром осторожно ступил в снег высокий худощавый мужчина, одетый в форменное пальто с прокурорскими петлицами.

— Чё, есть кто в хате? — обратился банкир к своему телохранителю.

— Только один старик.

— И всё?

— Больше никого.

— Ну, пойдём, Веня, поспрошаем аборигена по поводу художника, — зашагал к дому банкир, приглашая за собой прокурора.

— Гамлет Саркисович, вы точно уверены, что Самсонавас сюда направился?

— Точно, точно, Веня. Я ж тебе уже говорил, что водила — мой человек, отсюда откуда-то звонил летом в последний раз. А потом всё, как обрезало. Я особо не дёргался, мало ли, может, мобилу потерял. Но вот уже Новый год на носу, а о них ни слуху ни духу. Странно всё это.

Не отряхнув снег с обуви, оба прошли в кухню. За столом сидел Кузьма Силыч и спокойно рассматривал визитеров.

— Ну, старик, рассказывай, — присел на табуретку напротив деда банкир.

— Об чём? — достал из кармана кисет Кузьма Силыч.

— О художнике, что летом сюда картины рисовать приезжал.

— Дык, не було никого.

— Не свисти, старый, отсюда звонили, докладывали.

— Дык, у мени и талафону нетуть.

— Дурака не валяй, звонили с мобилы.

— С какой могилы? — испуганно отшатнулся в сторону Кузьма Силыч и перекрестился.

— Не дуркуй, батя, не прикидывайся, будто не знаешь, с какой такой мобилы, — встрял в разговор прокурор.

— Вот ты крест, — истово перекрестился Кузьма Силыч. — И знать не знаю ни про каку могилу. У нас в Шишках год как никто не мёр, слава тя господи. Усе Шишковы пока што жавые да здоровые, жавуть да вам жалають.

— Чего ты несёшь, старый? — перебил Кузьму Силыча банкир. — Какие Шишки, какие Шишковы? Что-то мы кроме твоей развалюхи никаких домов больше не встретили.

— Ну, дык, ня тою дорогою ехали.

— Мы вообще без всякой дороги сюда добирались.

— Ну, дык, занесло яё усю.

— Ладно, дед, короче, где художник Миколас Самсонавас? — угрожающе надвинулся на Кузьму Силыча банкир.

— Дык, нема у нас таковских, и отродясь не було. Микола исть, а Миколаса нема.

— Послушайте, Гамлет Саркисович, а может, ну его, может, действительно не было тут никого, — вновь вмешался прокурор.

— Как не было, если последний звонок отсюда прошёл, — поднялся с табуретки и зло ударил сапогом ножку стола банкир. — Объяснить можешь?

— Ну, трудно, конечно, но попробую, — закурил «Парламент» прокурор. — Тут вот какое дело, места эти с недоброй славой ещё с давних времён. Много здесь народу сгнуло. А

началось всё ещё с Ивана Сусанина, когда он где-то в этих лесах поляков сгубил. Вот с тех пор пришлые людишки в этом углу и пропадают. Помните, лет десять тому, замминистра сельского хозяйства Игнат Васильевич со свитой приезжал? Он ещё грозился эти уголья в бессрочную аренду китайцам отдать.

— Ну? — насупился банкир.

— Сгинул и сам, и свита, и всё сельское хозяйство. Так и не нашли. А ещё замминистра образования Аграфена Николаевна года три назад сунулась со своей модернизацией сельские школы закрывать. Помните?

— Ну.

— Школы успела зарыть, а сама сгинула.

— Не нашли?

— Нет, ни её саму, ни сопровождающих. Как в воду канули. Места после этого совсем глухие стали. Даже свои ездить сюда побаиваются.

— Подожди, подожди, — вытащил из своей куртки фляжку с коньяком банкир. — Так это значит и министр здравоохранения Гавриил Алексеевич с министром культуры Ниной Андреевной тоже где-то здесь?

— Ну да, когда клубы да ФАПы закрывали, — взял из рук банкира фляжку прокурор. — Мы сюда и войска посылали прочесывать. Бесплезно. Гиблые места, одно слово — сусанинские. Тут еще кандидат в депутаты, Дмитрий Пустовой, тоже где-то сгинул.

— Точно, пропал он. Мы его финансово прикармливали. Уж больно сказки хорошо рассказывал про светлое будущее — заслушаешься. Вообще, чертовщина какая-то, — поежился банкир и повернулся к Кузьме Силычу. — А про Миколу своего ты всё ж скажи, дед, где он у вас проживает.

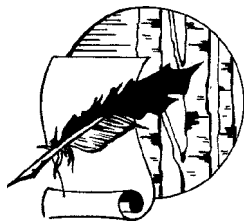
— А тама, — махнул рукой старик в направлении леса. — Близко.

— Поехали, — уверенно шагнул за порог банкир.

Кузьма Силыч, кряхтя, поднялся с лавки, подошел к шкафику, достал оттуда литровую бутылку самогона, наполнил стакан и залпом его выпил.

— Эка хороша! — крякнул он от удовольствия и, глядя в окно на удаляющийся вездеход, задумчиво произнёс: — К Петке с Федкой супостаты поехали, к Сусаниным по матери.

г. Калининград

Сергей АГАЛЬЦОВ

ТИХАЯ ДЕРЕВНЯ

* * *

Падают с деревьев
Листья за окном.
Тихая деревня
Спит глубоким сном.

И опять ей снится
Лето, сенокос.
Речка, что струится,
И речной откос —

В кружеве ромашек —
Белом, снеговом.
А за речкой машет
Ива рукавом.

Тихая деревня
Спит глубоким сном.
И летят с деревьев
Листья за окном.

* * *

Над домом вновь промчались журавли,
Печальные с небес роняя клики,
И скрылись, мимолетные, вдали...
Простор их принял вольный и великий.

А мне высокий клин в небесной мгле
Осенними ночами долго снился,
Как будто прямо в сердце мне вонзился,
Чтоб не забыл его я на земле.

* * *

Тоски осенней не унять.
Ничто не тешит взгляд.
И тучи темные опять
Над головой скользят.

У поля серого стою.
И смутно на душе.
И даже здесь, в родном краю,
Отрады нет уже.

Урюм родной природы лик.
И где-то вдалеке
Протяжный журавлиный клик
Велик в своей тоске.

Волнуясь, слушаю его.
И думаю опять —
Зимы настанет торжество,
Чтоб всю тоску прогнать.

* * *

У дома изгородь кривая
Вот-вот на землю упадет.
Как ветер свищет, завывая!
И дождик целый день идет.

Душе печально, смутно, трудно
В забытой пасмурной глуши.
С утра на улице безлюдно,
Куда ни глянь — нет ни души.

Лишь вдоль дороги мчатся листья.
И мокнет поле, мокнет луг.
И даль пуста, ненастна, мглиста.
И что сказать тебе, мой друг?

Я разливаю по стаканам
Зеленое вино, звеня.
Хочу, мой друг, быть в доску пьяным —
И ты один поймешь меня.

* * *

Дом потемнел. Сарай скривился.
И опустел широкий двор.
Зачем же я сюда явился,
Здесь не бывавший с давних пор?

Как под ногой дрожат ступени!
Как холодеет в жилах кровь!
Родные, горестные тени
Меня обступят в доме вновь.

И вновь за тихими стенами
Под скрип скосившихся ворот
Один беседовать с тенями
Всю ночь я буду напролет.

* * *

Был и юным, и крылатым,
Полным самых светлых дум.
И мечтания когда-то
Волновали душу, ум.

Уносились к звездной выси
Те мечтания мои.
И о девочке Ларисе
Пели ночью соловьи.

Чистый облик ее вижу
Через годы я во мгле.
Мне еще дороже, ближе
Стал на этой он земле.

Сколько лет промчалось! Сколько
Бурь житейских перенёс!
Помню я его — и горько
Плачу вновь, не пряча слёз.

* * *

Падают снежные хлопья
С пасмурных, серых небес.
Смотрит на них исподлобья
Древний нахмуренный лес.

Словно великую думу,
Сумрачный, думает он.
И на закате угрюмо
Весь он в неё погружен.

Сколько ни мучься, ни сетуй
И проживи хоть века,
Но не постичь тебе этой
Думы — она глубока.

* * *

Поле белое. Чёрный
В поле тракторный след
Протянулся, упорный,
На холодный рассвет.

Путь себе пролагая,
В поле трактор идет.
Даль седая, нагая
Впереди его ждет.

Снег взрывая глубокий,
В эту даль устремлен,
Темный и одинокий,
В поле движется он.

И, чертя неуклонно
Путь вихрящийся свой,
Крутит до небосклона
Снежный прах за собой.

* * *

Над речкой мостик ветхий,
Скосившийся настил.
Дремотной ивы ветки
Касаются перил.

Ступая осторожно,
В сад по нему пройду.
Как соловьи тревожно,
Светло поют в саду.

И, пеньем их согрета,
Светла душа моя —
Как будто снова Фета
Стихи читаю я.

* * *

Охотник по снежному полю
На лыжах широких идет.
Ах, сколько простора и воли
В декабрьской дали его ждет!

В своем маскхалате он слиться
Сумеет со снегом — и вот
Заметит у рощи лисицу,
Что, как огневица, мелькнет.

Ружье свое верное вскинет,
И метко оно прогремит.
И взглядом добычу окинет,
Приняв победительный вид.

И злую собаку покличет,
Отправясь в селенье, домой,
Как воин, — довольный добычей,
Собакой своей и собой.

* * *

Брожу я у речки с Еленой
На склоне июльского дня.
И нет никого во вселенной
Сегодня счастливей меня.

И всё ж мои думы унылы.
Я знаю давно наперед:
Елена, меня до могилы
Твоя красота доведет...

* * *

Рукой — моей руки касалась.
И взглядом — мой ловила взгляд.
Но почему ты оказалась
Горчайшей из моих утрат?

Томили душу грусть и робость...
И с неизбежностью в свой час
Как бы зияющая пропасть
Навеки разделила нас.

* * *

Чуть, слегка поморосило,
А немного погода,
Всю округу огласила
Очистительная сила
Звонкоструйного дождя.

Чистым полем шел он косо.
Что такого было в нём,
Чтоб, светла, златоволоса,
Тихо стоя, ты с откоса
Любовалась тем дождем?!

* * *

Снова липы веют медом...
За собой маня,
Ты проходишь, мимоходом
Глядя на меня.

Я хочу как мальчик следом
За тобой бежать.
Что за чудо это лето!
Что за благодать!

Боже! Что со мною станет,
Не представить мне,
В миг, как это лето канет
Навсегда во мгле?..

* * *

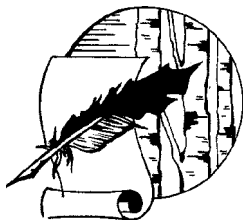
Цветущий куст сирени.
Зеленый луг. Река.
Я вспомнил о Елене
И загрустил слегка.

Свист соловья окрестность,
Ликуя, заливал.
В какую неизвестность
Меня манил он, звал?

Он, душу мне волнуя,
О будущем вещал.
Жизнь лучшую, иную
Мне звонко обещал.

Цветущий куст сирени.
Песнь соловья. Река...
Я вспомнил о Елене,
О ней грустя слегка...

г. Москва

Сергей ПАНФЁРОВ

СВОЙ ЧАС ДЛЯ ПОКАЯНИЯ

* * *

Мне слово — лекарь от земных невзгод,
От суеты и праздности беспечной.
Нам кажется — наш мир летит вперёд,
А он по кругу мчится бесконечно.

О чём поэт сто лет назад мечтал?
Что ум его тревожило до дрожи?
Прочти, и ты узнаешь, коль не знал,
Как ваши треволнения похожи.

И я сегодня, глядя на восход,
Освобождаюсь от тоски извечной.
Мне слово — лекарь от земных невзгод,
От суеты и праздности беспечной.

БОЖЬИ ВОДЫ

Мест заветных у природы,
Что слезинок у реки.
Божьи воды, Божьи воды —
Вековые родники.

Деревенька — неказиста,
Да округа хоть куда.
Вот смотри: чиста, искриста
Из земли спешит вода.

Средь лесов, на дне оврага,
В стороне от злых очей

Богом посланная влага
Собирается в ручей.

Он бежит, лучист и звонок,
Меж деревьев и камней,
Словно в поле жеребёнок,
К резвой матушке своей.

Не ленись, склони колено,
Вышний дар губами тронь
И узнаешь непременно:
Есть у холода огонь.

Есть в душе у русских тайна,
Неподвластная векам:
Как бы исподволь, случайно
Поклоняться родникам.

Вот и я на склоне лета
Здесь устроил свой привал.
Нет, вкусней воды, чем эта,
Я на свете не пивал.

Пью и словно счастья всходы
Прорастают — с той водой.
Благодатью Божьей воды
Щедро делятся со мной.

* * *

Не найти мне покоя привычного.
Пред тобой исповедуюсь, Русь!
Помолись за меня горемычного,
Ну а я за тебя помолюсь.

У порога небесного терема,
На излуках берёзовых рек
Вера предков ещё не потеряна,
И незыблем её оберег.

Брошу всё, выйду в чистое поле я,
С васильковой песней сольюсь.
Будь хранима Господнею волею,
О, моя заповедная Русь!

* * *

Заметает метель города,
Заметает бескрайние дали...
Никогда нас, мой друг, никогда
Не оставят земные печали.

Поднебесный велик окоём,
Ветер-баловень голову студит.
Даже если навечно уйдём,
Жизнь земную душа не забудет.

В ней останутся памяти вязь
И тоска по родному порогу..
Заметает метель коновязь,
Из сугроба не вытащить ногу.

ПОПУТЧИКИ

— А есть ли выбор на Руси?
Века иные — беды те же, —
Меня попутчик мой спросил,
Смоля окурок свой всё реже.

И посмотрел куда-то вдаль,
Совсем не требуя ответа.
В глазах раздумье и печаль
Застыли капельками света.

Туманилась земная ширь,
И звёзды в небе заискрились.
Ночной бордель и монастырь
Под небом мирно уместились.

К ним — две дороги.
Эта весть
Отозвалась в нас зябкой дрожью.
Так, значит, всё же выбор есть...
И мы пошли
По бездорожью.

* * *

Былое стёрто в прах,
Бег времени неистов.

Смотри, кресты в руках
У бывших атеистов.
А бизнесмен большой
Нож скрыл за голенищем...
А тот, кто чист душой,
Так и остался нищим.

ДРУГУ ПАТОЛОГОАНАТОМУ

Рвёмся вперёд: кто степенно, кто бешено,
Спорим, толкаемся, ловим успех...
Кажется — в каждом такого намешано!
Только при вскрытии — всё, как у всех.

Время течёт за столом, за молитвами...
Отдых, работа, то слёзы, то смех.
Тот побеждён, тот возвышен над битвами...
Только при вскрытии — всё, как у всех.

Где же у «избранных» спрятан знак качества,
Орган, какой нам гордыню даёт?
Где зарождаются наши чудачества?..
Доктор вздохнёт и плечами пожмёт.

НОВЫЙ ЕККЛЕСИАСТ

Есть время для греха,
Есть время для молитвы,
Для звонкого стиха,
Для беспощадной битвы.

Есть время для семьи
И время для работы.
Есть время для земли
И время для полёта.

Для встречи на пути,
Есть миг для расставанья...
И главное — найти
Свой час для покаянья.

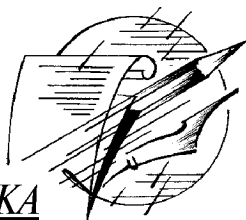
г. Рязань

«ИЛЬИЧ» И ТРОЦКИЙ

Как провожают пароходы

В Одесском порту проводы парохода, носившего имя «Ильич», производили впечатление тягостное и породили самые дурные предчувствия, оправдавшиеся в полной мере. А происходили эти зловещие проводы в ночь на 11 февраля 1929 года.

Для этого почтово-пассажирского парохода название «Ильич» было не первым. Строили судно в Англии по заказу Русского общества Пароходства и Торговли. По случаю восшествия на престол Николая II предложено было дать новому кораблю имя — «Император Николай II». Одобрение было получено. А что: добротный, представительный пароход водоизмещением 7785 т — стальной, винтовой. Вертикальная паровая машина тройного расширения мощностью 3400 л.с. обеспечивала скорость хода в 12,5 узла. Пароход брал груза до 240 тысяч пудов и 345 пассажиров. Его поставили на самую престижную линию тех лет: Одесса — Констанца — Александрия. Вместе с другими судами «Император Николай II» участвовал и в перевозке переселенцев из Одессы на российский Дальний Восток. В «первую германскую» он был

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

задействован как вспомогательный корабль в составе Черноморского флота.

После февраля 1917-го пароход тотчас переименовали в «Вече». Вече — слово желанное: народное собрание, совет, форма народовластия и самоуправления в Древней Руси, некая утопия. Пароход, словно оправдывая своё новое название, отдался во власть стихии: в декабре 1917-го экипаж судна встал на сторону Советской власти, в мае 18-го транспорт захватили войска кайзера, в ноябре того же года корабль достался белогвардейцам, в декабре был перехвачен англо-французскими интервентами.

С апреля 1919 года пароход вновь включили в состав белогвардейского флота. А за 10 дней до вступления в Одессу Красной Армии группа рабочих-подпольщиков проникла в трюм и открыла кингстон. «Вече» легло на борт в акватории судоремонтного завода. Это не позволило увести судно за рубеж. Отремонтировали пароход к лету 1922 года, и, присвоив ему имя «Ильич», включили в состав Черноморской конторы Совторгфлота, где он и начал работать. Но история готовила «Императору Николаю II»-«Вечу»-«Ильичу» новые сюрпризы.

Неравноценный обмен

С окончанием Гражданской войны в верхних эшелонах власти развернулись жестокие споры о пути дальнейшего развития России. Одним из вершителей судеб рядом с признанным лидером нового государства Владимиром Ильичем Лениным оказался Лев Давидович Троцкий.

В Петроград профессиональный революционер Троцкий приехал 4 мая 1917 года с американским паспортом (подлинным). Попал он в Америку после мытарств в Европе. В сентябре 1916 года Троцкого в благодарность за его «зажигательные» статьи, изданные в Париже, французская полиция через испанскую границу выдворила из своей страны. Мадридская полиция вскоре арестовала навязанного им гостя. В префектуре заявили, что он должен как можно скорее покинуть Испанию, и прямым отправив в тюрьму, после чего выпустили под надзор, пригрозив депортацией в Россию. Тем временем приехала семья Троцкого. В Барселоне их посадили на пароход «Монсеррат», следовавший в Нью-Йорк.

Новый, 1917 год семья встретила в океане, не предполагая, что этот год принесет всему миру. Левая пресса писала о Троцком как о ветеране борьбы за свободу, изгнанном из Австрии, не допущенном в Германию, преследуемом во Франции и Испании.

Собственно, в США Троцкий пробыл недолго, всего три месяца, и обстоятельства его пребывания в Америке известны лишь в самом общем виде. Сам он в автобиографии описал свою американскую эмиграцию, не вдаваясь в детали.

Весть о падении монархии в России оказалась для него полной неожиданностью, как, впрочем, и для других политических эмигрантов. 18 марта 1917 года Временное правительство объявило всеобщую амнистию, и открылась возможность вернуться в Россию. Отъезжавших на родину революционеров провожали речами и букетами цветов.

27 марта 1917 г. Троцкий с семьей и несколькими близкими единомышленниками взошёл на борт трансатлантического лайнера «Кристианиафиорд», взявшего курс на норвежский порт Берген. Нет, не взошёл: как свидетельствует эмигрантская мемуаристика, его внесли на своих плечах почитатели, а он, «лучезарно улыбаясь, послал своим товарищам прощальный привет».

Ноша была, очевидно, не слишком тяжелой. Роста Лев Давидович, согласно полицейским картотекам, был среднего — 170 см. Как утверждали современники, в отличие от изображений на плакатах, он не производил впечатления великана, однако, стоило ему снять фуражку, вздымалась копна чёрных курчавых волос, и Троцкий сразу казался гораздо выше ростом. Недруги отмечали необычайно развитые лобные кости над висками, которые в сочетании с небольшой козлиной бородкой придавали ему сходство с чёртом из ярмарочного театра.

В Галифаксе (провинция Новая Шотландия) 3 апреля 1917 года Троцкий был задержан канадскими и британскими военными моряками с подозрением, что он германский шпион. Тем более что у бедного революционера и журналиста обнаружили приличную сумму наличных денег — 10 000 долларов. В переводе на современные деньги это примерно четверть миллиона долларов. Задержанный протестовал в чрезвычайно бурной и оскорбительной форме. Явившийся на борт корабля британский адмирал со свитой офицеров потребовал, чтобы Троцкий с семьей и еще пятеро «русских» покинули борт для выяснения их намерений. С точки зрения военного положения решение не было экстраординарным. Но Троцкий заявил, что с места не сдвинется. Произошла театральная сцена: матросы на руках отнесли его на катер.

Из лагеря для интернированных его выпустили по письменному запросу Временного правительства. Одновременно с Л. Троцким из эмиграции в Россию прибыло огромное количество революционеров: Г. Мельничанский, Г. Чудновский,

В. Володарский, М Урицкий и многие другие (несколько сотен человек).

Поразительна скорость, с которой произошло их внедрение в политическую жизнь демократической России. В июле 1917 года американская команда вступила в РСДРП. Ленин, как известно, терпеть не мог «Иудушку Троцкого», тем не менее приветствовал этот массовый наплыв. По оценке Вячеслава Молотова, «Ленин... умел всех использовать — и большевика, и полу-большевика, и четверть-большевика, но только грамотного». Ильич увидел в Троцком полезный инструмент агитации и организации в духе «Апрельских тезисов». Едва став большевиками, люди Троцкого получали ответственные руководящие посты в партии. В 1918 году степень доверия доходила до того, что председатель Совнаркома даже выдавал Троцкому чистые бланки приказов, заранее Лениным подписанные.

Люди из эмигрантских команд с ходу овладели инициативой: Антонов-Овсенко арестовал Временное правительство, Урицкий возглавил питерское ЧК и т.д. В годы революции и Гражданской войны Троцкий занимал многие ключевые посты и фактически стал вторым лицом в государстве. Мощная пропагандистская машина, одним из создателей которой он сам и являлся, лепила из Троцкого героический образ «вождя победоносной Красной Армии». В его честь были переименованы эскадренный миноносец, бронепоезд, город Гатчина. И фактически до 1929 года на его компанию не было никакой управы.

Из Америки постоянно поступало пополнение. Генеральный прокурор США Александр Палмер и его помощник Эдгар Гувер собрали досье почти на 150 тысяч инакомыслящих. Были проведены внезапные (и позднее признанные незаконными) налёты на офисы профсоюзов, коммунистических и социалистических организаций. В ходе этих акций особое внимание уделялось лицам с иностранным происхождением, по которым была информация об их сочувствии революционным настроениям.

В декабре 1919 года агенты Палмера арестовали 249 радикальных активистов, посадили их на торговый пароход «Buford» и 23 декабря отправили в Советскую Россию. Пассажиры корабля фактически находились на положении заключённых; для их охраны был размещён отряд из 58 морских пехотинцев с 4 офицерами, а экипажу были выданы пистолеты.

Сохранилась почтовая открытка — фото с текстом: «Советский ковчег. Транспорт армии Соединённых Штатов «Буфорд» везёт в подарок Ленину и Троцкому на Рождество 249 красных». 16 января 1920 года пароход прибыл в финский

порт Ханко, а 19 января арестованных доставили под конвоем на российскую границу и там передали большевикам.

Под звуки «Интернационала» депортированную публику пригласили в специальный подогнанный поезд и доставили в Петроград. В основном это были иммигранты, признанные неблагонамеренными, подозреваемые в причастности к подпольным боевым отрядам. Среди депортированных оказались и «философы» — идеологи американского анархизма Эмма Голдман и Алекс Беркман. В России их встретили с распростертыми объятиями; сам Ильич принял их в Кремле и предложил поработать на Советскую Республику. Однако подавление Кронштадтского мятежа в начале 1921 года вызвало у гостей разочарование. Анархисты пришли к выводу, что «триумф государства означает поражение революции». Многие из них покинули Советскую Россию, «опустошенные и лишенные мечты».

Историки почему-то не любят вспоминать об этом «советском ковчеге». Гораздо больше разговоров вокруг «философских пароходов» — ответной акции, менее масштабной и не такой грубой. Первый «философский пароход» — его название не сохранилось — отвез из Одессы в Константинополь троих высланных: историка А.В. Флоровского, физиолога Б.П. Бабкина и ассистента Г.А. Секачева. Осенью 1922 года из Петрограда пароходами «Obergermeister Naken», затем «Prussia» отправлены 160 гуманитариев — представителей отечественной философии, науки и литературы. Четвертый — итальянский пароход «Jeanne» — увез из Севастополя в Константинополь высланного религиозного мыслителя С.Н. Булгакова с семьей. Был еще и пятый пароход, на борту которого прибыли из Одессы в Варну три профессора Новороссийского университета, высланные по так называемому украинскому списку. Обмен персонами, как видим, был далеко не равноценным, и о том, для чего происходило выдавливание из России элиты, существуют разные интересные догадки.

В ноябре 1920 года Троцкий инициировал широкую общепартийную дискуссию, настаивая на милитаризации по образцу Цектрана (Центрального комитета рабочих железнодорожного и водного транспорта, созданного по постановлению пленума ВЦСПС от 3 сентября 1920 г.) вообще всей промышленности, избрав основным рычагом профсоюзы. Дискуссия привела к расколу партии на ряд различных «платформ», состав и идейные взгляды которых постоянно менялись. «Левацкая» платформа Троцкого настаивала на дальнейшей милитаризации труда, тогда как «рабочая оппозиция» выступала в духе бакунинского анархо-синдикализма.

Требования дальнейшего «закручивания гаек» прозвучали на фоне окончательного краха экономики «военного коммунизма». Как отметил профессор по русской истории Гарвардского университета Ричард Пайпс, именно в этот период слово «троцкизм» начало «становиться ругательным».

Борьба между Лениным и Троцким стала приобретать еще более острый характер на почве нэпа ... Новая экономическая политика, имея целью введение частного предпринимательства и возрождение промыслов, пыталась снять социальную напряжённость, укрепить социальную базу советской власти. Нэп во многом был импровизацией и считался делом временным. Однако за семь лет своего существования нэп стал самым удачным экономическим проектом.

Пока Ленин находился у руля, можно было говорить о «коллективной диктатуре». Лидером он был исключительно за счёт авторитета, хотя с 1917 года эту роль ему приходилось делить с Троцким. Оба портрета украшали не только государственные учреждения, но порою и крестьянские избы.

Однако искусства «демона революции» в Гражданскую войну: уничтожение людей, поставленное на поток, дисциплина, поддерживаемая массовыми расстрелами, превышали все мыслимые границы. У него появились сподвижники, такие же палачи. К числу его адептов относили и Тухачевского, который применил против крестьян боевые отравляющие вещества. Участие Троцкого в организации трудармий, предложение «перетряхнуть профсоюзы» подорвали его авторитет. Слишком многие понимали, чем обернется воплощение в жизнь главной идеи Льва Давидовича — нацеленности на перманентную революцию. На память приходили трагические истории стихийных восстаний, потопленных в крови, крестовых походов, в том числе подобный неудержимой лавине так называемый Крестовый поход детей на завоевание Гроба Господня — кошмар, организованный фанатиками и авантюристами в 1212 году.

Большинство партийных вождей опасались связываться со своевольным «красным Бонапартом» и отдавали предпочтение «тройке» Зиновьева—Каменева—Сталина.

Если во время Гражданской войны кипучая энергетика и театральные эффекты Троцкого были вполне уместны, то с наступлением мира они уже начали отдавать истерикой. Если в 1917 году Троцкий собирал в петроградском цирке «Модерн» толпы рабочих и солдат, слушавших его яркие речи как откровение, то в 1923 году он смог зажечь своими проповедями только молодых фанатиков. Однако в январе 1924 года Сталин сдерживал Зиновьева, требовавшего арестовать Троц-

кого за предполагаемую подготовку «бонапартистского» военного переворота. В декабре 1925 года Сталин защитил от атак Зиновьева уже Бухарина. В 1926—1927 годах Бухарин, Рыков и Томский вполне определённо «забегали вперёд» Сталина, требуя репрессий для оппозиции.

Поводом для раскола стала разработанная Сталиным доктрина «построения социализма в отдельно взятой стране». 17 декабря 1924 года он выступил против продвигаемой Троцким гипотезы перманентной революции, идеи распространения революции на Запад и его «теории хвороста»: Россия рассматривалась им как исходный пункт для разжигания социалистического переворота в Европе.

Сталинское идеологическое направление в корне противоречило Энгельсу, утверждавшему, что коммунистическая революция произойдёт одновременно во всех цивилизованных странах. Но надежды на победоносные революции в передовых странах капитала не оправдались, а уроки советско-польской войны открыли глаза на реальное соотношение сил. Эту жестокую правду осознавали многие партийные лидеры, но больше всего их раздражали претензии Сталина на роль нового ведущего теоретика. На XIV съезде РКП(б) в декабре 1925 года Григорий Зиновьев не удержался, заявив, что сталинская доктрина «отдаёт душком национальной ограниченности».

Агитаторы оппозиции стали выступать перед беспартийной рабочей массой на предприятиях. Колонны заводов выкрикивали лозунги: «Да здравствуют истинные вожди мировой революции!» В Москве было организовано массовое собрание, где Троцкий и Каменев излагали свои взгляды. Демонстрация в Ленинграде была последней каплей, которая переполнила чашу терпения.

К выносу невыносимого

На заседании Президиума Исполкома Коммунистического Интернационала Троцкому были предъявлены обвинения в усиленной фракционной деятельности. Объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП (б) осудил линию оппозиции и исключил Троцкого и Зиновьева из состава ЦК. Организация оппозиционерами нелегальной типографии, проведение тайных собраний стали поводом для исключения Зиновьева и Троцкого из партии. Характерно, что будущие лидеры «правой оппозиции» Бухарин, Рыков и Томский требовали применения против Троцкого более жестких репрессий, нежели те, что предлагал Сталин.

Когда Троцкий был выселен из служебной квартиры в

Кремле, он остановился у своего сторонника А.Г. Белобородова (Вайсбарта), наркома НКВД. Того самого Белобородова, который 12 июля 1918 г., будучи председателем исполкома Уралоблсовета, подписал решение о расстреле царской семьи. В 1927 г. Белобородов как троцкист был исключен из партии, в 1930 г. восстановлен, в 1936 году вновь арестован и по обвинению в соучастии в заговоре расстрелян 9 февраля 1938 г. на полигоне «Коммунарка». При Н.Хрущеве царевича был посмертно полностью реабилитирован и восстановлен в партии.

Квартира Белобородова с появлением в ней Троцкого стала своего рода военным лагерем. В ней собирались руководители оппозиции, сюда приходили за указаниями активисты, дежурили сторонники Троцкого из числа военных, которые сопровождали его при передвижениях по городу в качестве вооруженной охраны.

Проходивший в декабре 1927 г. XV съезд ВКП (б) утвердил Директивы первого пятилетнего плана и решал вопрос — что делать с Троцким, ставшим и вовсе невыносимым. Съезд признал, что оппозиционный блок нарушил не только устав партии, но и советские законы. Это грозило в лучшем случае ссылкой. Рыков и Томский настаивали на аресте оппозиционеров. Однако съезд разрешил исключенных принимать в партию в индивидуальном порядке, если они откажутся от своих «ошибочных и вредных взглядов». Зиновьев предпочёл публично покаяться в «ошибках». Троцкий каяться в чём-либо отказался наотрез.

Его отъезд из Москвы был назначен на 16 января 1928 года. Но в этот план пришлось внести поправку. На Казанском вокзале собралась толпа возбужденной молодежи. «Молодежь — барометр революции!» — подстрекал на митингах Троцкий. Народ собрался горластый. На крыше вагона, где предполагался быть главный пассажир, установили портрет Троцкого. Намеревались даже, взявшись за руки перед паровозом, остановить состав. Однако герой истории так и не появлялся. Прошел слух, будто Троцкого провели в вагон незаметно. Группа людей ворвалась в вагон, произошла стычка с агентами ОГПУ.

Отдельный вагон («Сев. дор. № 5493») с паровозом приготовили на Ярославском вокзале Москвы. Вагон должны были перегнать на промежуточную станцию Фаустово, чтобы там прицепить к поезду «Москва—Ташкент», следовавшему от Казанского вокзала.

Троцкий ехать отказался категорически и пытался объявить об этом как можно громче. По воспоминаниям старше-

го сына Льва Седова, Лев Давидович с семьёй забаррикадировались в одной из комнат, и ГПУ пришлось выламывать двери. Обнаружив, что Троцкий одет по-домашнему, агенты разыскали ботинки и стали надевать ему на ноги. Точно так же были надеты шуба и шапка. Троцкий не сопротивлялся, но и не помогал гэпэушникам, которые затем понесли его к выходу на руках. За ними последовали жена и сыновья. Старший сын Лев звонил во все квартиры и кричал: «Смотрите, несут товарища Троцкого!» В элитном доме жили видные деятели, находившиеся в это время на службе. В дверях появлялись их жены, дети или домашние работницы, которые испуганно отшатывались и запирали двери квартир. Никакого сопротивления никто не собирался оказывать.

К вагону Троцкого также пришлось нести на руках. По воспоминаниям самого Льва Давидовича, его выносили три человека, «им было тяжело, они все время невероятно пыхтели и часто останавливались отдыхать». Во время доставки присутствовали оба его сына; старший, Лёва, кричал железнодорожникам, занимавшимся своими делами: «Товарищи рабочие, смотрите, как несут товарища Троцкого!»

Как только поезд тронулся, Троцкий явился к конвою и заявил, что «не имеет ничего против них как простых исполнителей», а «демонстрация имела чисто политический характер». И Лев Давидович даже поделился опытом: «Мне пришлось участвовать и организовывать операции посложнее этой; как бы я здесь поступил, будучи на вашем месте...»

С железнодорожной станции Пишпек (г. Фрунзе, ныне Бишкек) Троцкий, его жена и старший сын Лев ехали на грузовике до Курдайского перевала. Дело в том, что строительство Турксиба (Туркестано-Сибирской магистрали) к тому времени еще не закончилось. Укладку трассы вели с двух сторон — с севера (от ст. Семипалатинск) и с юга (от ст. Луговая). Первый поезд на Алма-Ату пришел с южной ветки только 19 июля 1929 года. Смычка, ярко описанная в романе гудковцев И.Ильфа и Е.Петрова «Золотой теленок», произошла позднее.

Перевал преодолели на телегах. Дальше опять на автомобиле, высланном навстречу из города. В Алма-Ату, находившаяся в 250 км от Пишпека, прибыли 25 января 1928 г. ночью.

Еще со станции Троцкий начал непрерывно «бомбить» председателя ОГПУ Менжинского, председателя ВЦИК Калинина, ЦИК и ЦКК жалобами на плохое жильё, на утерю чемоданов по дороге (которые, впрочем, нашлись, поскольку из-за суеты отправлены были со следующим поездом), позже — на то, что московские газеты доставляются

ему с опозданием на десять дней, а письма задерживаются до трёх месяцев, что «ГПУ препятствует выехать на охоту».

Условия ссылки были мягкими. Троцкому был отведен дом, разрешено сохранить при себе несколько личных телохранителей; к ним приезжали погостить младший сын Сергей и невестка (жена старшего сына). Переписку не ограничивали. Это позволило ссылкеному развить бурную деятельность, непрерывно общаясь со своими сторонниками.

Но ему нужна была еще связь неподконтрольная. Для этой нелегальной связи из столицы в Алма-Ату был направлен М. Бодров, который тайно, под чужим именем возил почту до ближайшей железнодорожной станции. Из своей ссылки Троцкому даже удалось организовать печатание и распространение оппозиционных листовок от имени «большевиков-ленинцев». В августе 1928 года его единомышленники организовали выпуск листовки, требовавшей его возвращения в Москву из «маярийной Алма-Аты». Наиболее активную помощь Троцкому в этой деятельности оказывал Лев Седов, которого он назвал «нашим министром иностранных дел, министром полиции и министром связи».

Только за апрель—октябрь 1928 года Л. Д. Троцкий послал 800 политических писем, отправил около 550 телеграмм, получил же свыше 1000 политических писем и около 700 телеграмм. «Идеологическая жизнь оппозиции в то время кипела как в котле», — писал впоследствии Троцкий.

Дом Троцкого в Алма-Ате стал центром политических интриг. Работники ОГПУ потребовали от ссылкиного прекратить политическую деятельность, но получили категорический отказ. В конце концов 26 ноября 1928 г. Политбюро, обсудив вопрос «О контрреволюционной деятельности Троцкого», поручило ОГПУ передать ультиматум о прекращении им всякой политической деятельности. В Алма-Ату был направлен специальный уполномоченный Вольнский, зачитавший Троцкому меморандум, в котором сообщалось, что у коллегии ОГПУ имеются данные о том, что его деятельность «принимает всё более характер прямой контрреволюции». Поэтому в случае отказа Троцкого ОГПУ «будет поставлено в необходимость» изменить условия его содержания с тем, чтобы максимально изолировать его от политической жизни.

Троцкий ответил на ультиматум длинным письмом в ЦК ВКП (б) и Президиум Исполкома Коминтерна, в котором наотрез отказался прекращать «борьбу за интересы международного пролетариата». Реакцией на это письмо стало постановление Политбюро ВКП (б) от 7 января 1929 года о высылке Троцкого за пределы СССР. Это решение было приня-

то большинством голосов. Рыков и Ворошилов голосовали за более жёсткую меру — заключение Троцкого в тюрьму.

Троцкий пишет Волынскому расписку в получении копии документа: «Преступное по существу и незаконное по форме постановление ОС при коллегии ГПУ от 18 января 1929 г. мне было объявлено 20 января 1929 г. Л. Троцкий».

В служебном отчёте о выполнении своего поручения Волынский сообщал, что Троцкий сказал ему: «Для Сталина «эмигрант» — бранное слово, и попасть в эмиграцию для него означает политическую смерть... Он своим ограниченным мозгом не в состоянии понять, что для ленинца одинаково, в какой части рабочего класса работать».

Волынский объявил, что отныне Троцкий и его семья находятся под домашним арестом, и предоставил им 48 часов для сборов в дорогу.

На рассвете 22 января 1929 г. Троцкий, его жена и сын Лев были под конвоем посажены в автобус, который отправился из Алма-Аты к Курдайскому перевалу, затем на санях и снова на автомобиле на станцию Фрунзе (Пишпек). Там Троцкого и его сопровождающих посадили в поезд, который двинулся в направлении Москвы.

На протяжении пути Троцкому запрещалось выходить из поезда, который останавливался только, чтобы набрать воды и топлива. В районе Самары сообщили, что речь идет о Константинополе. Троцкий заявил, что, протестуя против высылки за границу вообще, он будет всеми доступными ему средствами сопротивляться высылке в Турцию, и потребовал отправить его в Германию. Об этом по прямому проводу было сообщено в Москву. Москва начала новые переговоры с границей. Тем временем особый поезд с Троцким был переведен на глухой полустанок в Курской области и стоял там неподвижно 12 суток. Паровоз с вагоном отправлялся ежедневно за продуктами и обедом на ближайшую крупную станцию.

В эти дни советское правительство обращалось ко многим правительствам с просьбой принять Троцкого, но только Турция дала положительный ответ. Первый президент Турции Мустафа Кемаль Ататюрк считал, что Троцкий сыграл большую роль в национально-освободительной борьбе Турции, будучи наркомом по военным делам РСФСР. В знак благодарности Турецкая Республика избрала Троцкого и Ленина почетными гражданами своего медреса. И ответить «черной неблагодарностью» Ататюрк не мог.

Новый уполномоченный ОГПУ Буланов сообщил, что немецкое правительство категорически отказалось впустить Троцкого в свою страну, и что получен окончательный приказ доставить его в Константинополь.

10 февраля 1929 г. особый поезд, сопровождаемый сотрудниками ГПУ, доставил Троцкого в Одессу. Вагон подали прямо к причалу. Здесь предполагалась посадка на пароход «Калинин», но он так вмерз во льды, что портовые ледоколы не смогли его высвободить. Спешно поставили под пары другой пароход, «Ильич», в каютах которого в первые часы еще было холодно, о чем руководителю операции — уполномоченному ГПУ Фокину был заявлен Троцким сперва протест устный, затем вручен ещё и письменный.

Ранним утром, 12 февраля 1929 года пароход «Ильич» прибыл в Константинополь. Вскоре к «Ильичу» подошел бот с двумя турецкими офицерами полиции. Троцкий вручил заранее подготовленное им послание на имя президента Турецкой Республики Кемаль-Паше (Ататюрку): «Милостивый государь. У ворот Константинополя я имею честь известить Вас, что на турецкую границу я прибыл отнюдь не по своему выбору и что перейти эту границу я могу, лишь подчиняясь насилию...»

Но турецкие офицеры продемонстрировали полное равнодушие к демаршу Троцкого и, оформив формальности, связанные с возможностью пребывания Троцкого и членов его семьи на территории республики, покинули советский пароход.

Неделю спустя газета «Правда» поместила краткую заметку: «Л.Д. Троцкий за антисоветскую деятельность выслан из пределов СССР постановлением Особого Совещания при ОГПУ. С ним, согласно его желанию, выехала его семья».

В Стамбуле Троцкий с семьей целый месяц прожил в советском консульстве. У него был советский паспорт и деньги — полторы тысячи американских долларов, переданных на обустройство сотрудниками ОГПУ. В эти дни произошел у него первый турецкий «политический инцидент». Лев Давидович решил пригласить в консульство стамбульских и европейских журналистов и сделать им заявление в связи со своей высылкой из СССР. Но европейская пресса отказалась печатать заявление Троцкого, а стамбульские газеты, по его мнению, исказили смысл его речи, и он настоял на публикации опровержения.

После этого турецкие власти решили подыскать Троцкому особняк для жительства подальше от стамбульского политического центра на одном из так называемых Принцевых островов в Мраморном море. Такое название эти острова получили еще во времена Византийской империи, когда они стали местом ссылки опальной знати, в том числе принцев и принцесс.

«Красный Наполеон» с семьей и многочисленной челядью — секретарями, референтами, единомышленниками и сотрудниками охраны — поселился в огромном двухэтажном доме и немедленно развернул там новую политическую штаб-квартиру, стремясь наладить связь со своими сторонниками в СССР. Здесь он был в полной безопасности. Его охраняли одновременно и турецкая контрразведка, которая поставила условие, что на территории Турции против Троцкого и членов его семьи не будут предприняты теракты, и сотрудники ОГПУ, которые отслеживали контакты Троцкого и перлюстрировали его огромную переписку. Работы всем хватало, поскольку Троцкий решил начать широкомасштабную политическую борьбу против Сталина.

Он постоянно что-то пишет и постоянно что-то издает. На какие средства? Никогда семья Троцкого и он сам не знали финансовых лишений — средства сами собой появлялись как бы из ниоткуда. Он сразу же стал издавать «Бюллетень оппозиции», завершил начатую в Алма-Ате автобиографию «Моя жизнь», пишет «Историю русской революции» и другие работы, где отчаянно ругает СССР, который вышел из-под его контроля.

Главное, при содействии Н.Бухарина Троцкий смог вывезти на пароходе «Ильич» свой огромный личный архив (28 ящиков). Возможно, именно за эту дружескую услугу Бухарин впоследствии и поплатился головой. Этот архив включал в себя копии и выписки из постановлений Политбюро, Реввоенсовета, ЦК, Коминтерна, ряд записок Ленина за 1917—1923 годы, ранее никому не известных, также другие ценные для историков сведения о революционном движении до 1917 года, тысячи писем, полученных Троцким, и копии писем, им отправленных, телефонные и адресные книги и т.д. Опираясь на свой архив, Троцкий в мемуарах с лёгкостью цитирует ряд подписанных им документов, включая иногда и секретные. Лев Давидович получал уникальную возможность поведать миру о всех тайнах большевистской революции 1917 года и об Иосифе Сталине.

Троцкому действительно удалось нанести удар по международному политическому престижу не только Сталина, но и Советского Союза, выставить самого себя в качестве «революционера мирового уровня».

Интерес лично к Троцкому и троцкизму стали искусственно поддерживать определенные силы на Западе. Активизировались троцкистские группы в ряде зарубежных ком-

партий (США, Германии, Греции и Испании). Известно, например, что «Моя жизнь», представляющая собой вымышленную автобиографию «вождя», была быстро переведена на многие европейские языки. Она получила высокую оценку Гитлера, который якобы заявил: «Блестяще! Эта книга научила меня многому...» Возможно, полученные им знания обнадежили и подзадорили фюрера на принятие «окончательных» решений, которые и привели к известному финалу в 1945 году. Но подлинно известно, что в период прихода Гитлера к власти в Германии Троцкий с «чистой совестью» предавал известных ему коминтерновцев.

Гонорары, полученные от издания книги, заметно улучшили материальное положение семьи Троцкого. Например, только одно американское издательство «Скрибнер и сыновья» выплатило ему 45 тыс. долларов — огромную сумму по курсу того времени — за еще готовившуюся «Историю русской революции». Часть этих средств стала использоваться Троцким для публикации периодических изданий своей ориентации и на создании IV (троцкистского) Интернационала.

В 30-е годы агенты ГПУ неоднократно пытались (иногда успешно) выкрасть отдельные фрагменты архива, а в марте 1931 года часть документов сгорела во время подозрительного пожара. Опасаясь, что архив всё-таки попадёт в руки Сталина, Троцкий продаёт большую часть своих бумаг (20 тысяч единиц хранения) парижскому филиалу Амстердамского института социальной истории, а также Гарвардскому университету (США). Ряд других документов, связанных с деятельностью Троцкого, хранятся в других местах.

Принцезы острова стали настоящим местом паломничества для политиков различных мастей. Неслучайно в предисловии к французскому изданию своей книги «великий революционер» называет время, проведенное на Принцевых островах, «периодом огромной теоретической и литературной работы, главным образом над историей русской революции». При этом он многозначительно отмечает, что «связь с друзьями по родине оказалась, разумеется, нарушенной, хотя далеко не в такой степени, как хотели и надеялись вожди правящей фракции».

В интервью немецкому писателю Эмилю Людвигу Троцкий заявил: «Россия зашла в тупик, пятилетний план потерпел неудачу, вскоре появится безработица, наступит экономический и промышленный крах, программа коллективизации сельского хозяйства обречена на провал».

«Сколько у вас последователей в России?» — неожиданно спросил Людвиг. «Трудно определить. Мои сторонники ра-

зобщены, работают нелегально, в подполье», — последовал ответ. На вопрос: «Когда вы рассчитываете снова выступить открыто?» — Троцкий ответил: «Когда представится благоприятный случай извне. Может быть, война или новая европейская интервенция, тогда слабость советского правительства явится стимулирующим средством».

В значительной степени это был чистейший блеф. Но писания выглядели вполне убедительно, и Сталин решил, что Троцкий готовит переворот. В донесениях сотрудников ОГПУ из Турции указывалось тогда, что Троцкий не успевал принимать многочисленных журналистов, вел переговоры с различными политическими деятелями, заключал негласные союзы даже с представителями находившейся в эмиграции Белой гвардии.

По отношению к Троцкому, среди его соратников и союзников не было единого мнения. Многие находились под гипнозом ореола «второго человека после Ленина». В их глазах «кавказец Сталин» воспринимался как политическая аномалия в руководстве страной, что создавало иллюзию «легкой» политической борьбы с ним. Поэтому деятельность Троцкого в эмиграции воспринималась не в ракурсе антигосударственной деятельности, а как привычный в рядах старой партийной гвардии образ действий революционера.

В Европе многие ждали переворота в Москве и устранения от власти Сталина. А в западной печати появились сообщения о том, что главная роль в выполнении этого плана отводилась Ю.Л. Пятакову, который якобы был уполномочен Троцким руководить всеми силами «сопротивления Сталину» в Советском Союзе.

Первой расправой с внутренней оппозицией стал расстрел в 1929 году Якова Блюмкина (известного террориста, убийцы германского посла Мирбаха и др.), бывшего сотрудника Троцкого. Во время своей работы в Турции Блюмкин тайно от своих чекистских начальников встретился с Троцким. Тот дал Блюмкину послание в Москву для своего бывшего сторонника Карла Радека. От любовницы Блюмкина ГПУ узнало о его встрече с Троцким и о секретном поручении. Российское правительство так и не реабилитировало Блюмкина.

Только 20 февраля 1932 г. Троцкий и его сын Лев Седов были лишены советского гражданства. Правительства стран Западной Европы отнюдь не жаждали видеть у себя человека с репутацией «знаменитого революционера», имеющего своих последователей во многих государствах. В середине 1933 г. Троцкий перебрался во Францию, но летом 1935 г. ему пришлось, по временной визе, переехать в Норвегию. Там тоже

постарались избавиться от опасного гостя, поместив под домашний арест, — его торопили с отъездом, угрожая выдать советскому правительству.

А в Москве начались политические процессы. Троцкий и его деятельность становятся для ОГПУ—НКВД необходимым компонентом для предъявляемых обвинений. Всех арестованных обвиняли, как правило, в «троцкизме», в пропаганде его идей, связях с Троцким, выполнении его указаний, замыслах контрреволюционного переворота. Его публицистическая деятельность принесла много горя людям — практически всем, кто прямо или косвенно соприкасался с этим «дьяволом революции».

9 января 1937 г. на танкере, предоставленном норвежским правительством, по приглашению одного из великих художников XX века Диего Риверы Троцкий прибыл в Мексику. Какое-то время он жил на вилле художника, но затем их отношения осложнились. 20 августа 1940 года в местечке Койоакан агент НКВД испанский революционер Рауль Меркадер нанес Троцкому смертельный удар ледорубом...

Советской властью Троцкий не был официально реабилитирован. Даже в период перестройки и гласности Горбачев от лица КПСС осуждал историческую роль Троцкого. Только по запросу НИЦ «Мемориал» Л.Д. Троцкий (Бронштейн) был реабилитирован прокуратурой РФ (Архив НИЦ «Мемориал»).

А что же пароход «Ильич» (бывш. «Император Николай II», бывш. «Вече»)? В декабре 1931 года, приняв на борт в турецком порту Измир 2000 тонн чая, в ночь на 13 число он направился в Одессу. Судно, прошло всего 40 миль, как внезапно поднявшийся сильнейший — в 10 баллов по шкале Бофорта — шторм на полном ходу выбросил его на прибрежные скалы в Эгейском море. Пассажиры и команда судна по канату перебрались на берег.

Только в январе 1932 года совместными, поистине героическими усилиями пароход сняли со скалы. Чтобы облегчить судно, некоторую часть ценного груза передали подошедшим к месту катастрофы судам. Испорченным чаем слегка замутили Эгейское море. В память о событии выпустили даже особый нагрудный знак «За спасение п/х «Ильич».

В Севастополе пароход возродили и перевели котлы на жидкое топливо. В 1934 году судно отдали Дальневосточному пароходству. «Ильич» там эксплуатировался на грузопассажирских линиях Владивосток—Советская Гавань—Петропавловск (Камчатский). В 1937 году «Ильич» прославился тем, что доставил в Петропавловск-на-Камчатке первую

партию девушек из Москвы и Ленинграда, откликнувшихся на призыв Валентины Хетагуровой ехать на Дальний Восток.

В начале сороковых годов XX века даже в городе Комсомольске-на-Амуре на одну девушку приходилось около трехсот парней. Амурный вопрос на Дальнем Востоке обрел крайнюю остроту. 8 апреля 1937 года на том же Ярославском вокзале, где за руки и за ноги выносили к вагону «демона революции», москвичи провожали в Дальневосточный край девушек, откликнувшихся на призыв Вали Хетагуровой.

К осени 1937 года на Дальний Восток прибыли 11 500 комсомолок, в том числе 50 инженеров, 550 техников, 20 врачей, 400 медработников со средним специальным образованием, 140 агрономов, 300 зоотехников, 380 учителей, 800 культработников, 300 шоферов, 1100 токарей, слесарей и электромонтеров, 1100 счетных работников.

Времена были строгие. В 1936 году аборт в СССР были запрещены законом. Комсомол поклялся, что энтузиасток в обиду не даст. Почти все *«хетагуровки»* через месяц-два после приезда повыходили замуж.

Во время военного конфликта у озера Хасан «Ильич» вывозил раненых. В годы Великой Отечественной войны совершал рейсы между Владивостоком и портами США. Из американского города Портленда по ленд-лизу во Владивосток, затем железной дорогой через Сибирь в Европу перетаскивали почти две трети подвижного состава (паровозы и вагоны).

Весной 1944 года изрядно износившийся «Ильич» прибыл в Портленд для замены котлов. Через два месяца судно неожиданно потеряло устойчивость и 23 июня 1944 года затонуло у стенки судоремонтного завода. История мутная; погиб один из членов экипажа. А время военное — ежедневно на море, на суше и в небе люди гибли тысячами и десятками тысяч. Администрация завода свою вину признала, однако поднимать и восстанавливать «Ильича» прагматичные американцы отказались — водолазы разрезали его старый корпус прямо на грунте. В качестве компенсации Советскому Союзу безвозмездно передали два товаропассажирских парохода «OTSEGO» и «GENERAL W.C. GORGAS», переименованные соответственно в «Урал» и «Михаил Ломоносов».

СЕМЬ ЛЕТ ЛЮБВИ

Я лечу к деду. Я соскучилась. Я живу в Москве, а он — дома. В Сибири.

Аэропорт чем-то напоминает больницу. Тот же белый кафель, стерильные полы, напряженное ожидание и едва уловимый страх. Даже здесь, за столиком уютного ресторанчика в зале ожидания тот же наэлектризованный воздух. Официант ставит передо мной тарелку с дымящимся куском мяса. Через волокна, пульсируя, проступает сукровица. Оттого кажется, что мясо всё еще живое.

— Ваш клуб-стейк с кровью на подушке из свежего огурца.

Меня будто внутренне подбрасывает, переворачивает и усаживает на место. Я поднимаю на официанта глаза, и он тут же, по моему лицу догадавшись, что ошибся столиком, бормочет извинения и торопливо отходит. Господи, ну зачем? Не сейчас, пожалуйста.

Мама не знала, как сказать мне. Но по ее напряженному лицу всё, в общем-то, было ясно. Зато бабушка, еле успев расцеловать меня с дороги, пожаловалась:

ПРОЗА

— Он меня не узнал! Говорит мне — ты кто такая, бабушка? Зачем ты тут сидишь? Жену мою позови. Всю жизнь вместе прожили, а теперь я ему, видите ли, бабушка!

Мама принялась объяснять, что второй инсульт, и в его возрасте, и часть мозга, и Рината он вчера назвал каким-то никому не ведомым Егором, и если он будет двигаться, то постепенно... Но я уже не слушала. Я вошла.

Он улыбнулся, тяжело приподнявшись на кровати, обнял меня:
— Чудовище приходило.

И я тут же, как по волшебству, оказываюсь маленькой девочкой на крыше дедовского гаража. И если рассказать маме, она непременно объяснит, что стресс меняет течение времени. Воспоминания смешиваются с реальностью, трансформируются, а некоторые от горя даже с ума сходят. Она сама видела. Лучше бы забывать. Я должна терпеть и не сойти с ума. Такой вот совет от мамы. Но это потом, когда я вырасту. А сейчас стою на крыше и кричу в печную трубу очень страшным голосом:

— Дед, я чудовище! Я тебя съем!

Мне четыре. Я ненавижу детский сад и потому торчу у деда. Бабушка сидеть со мной отказывается. Она пытается научить меня вязать пуховые рукавицы на продажу, но я, кряхтя, спускаю петли, болтаю ногами и постоянно цепляю ее прялку. Нитка рвется, и при вязании узелок придется прятать с изнаночной стороны.

Во дворе мне делать нечего, хотя бабушка и вывалила на крыльцо целый мешок моих игрушек. Я хочу к деду, но в гараже у него воняет бензином. От бензина меня тошнит, и войти я не могу.

Поэтому я взобралась на гараж и разговариваю с дедом через печную трубу. Дед, конечно же, не догадывается, что это я, он абсолютно уверен, что говорит с самым настоящим чудовищем.

— Дед, я страшное чудовище! Сильно прям страшное! Ты меня боишься?

— Ой, боюсь-боюсь!

— Молодец!.. Ты смеешься там, что ли? Дед!

— Нет, я плачу. От страха. Не ешь меня, пожалуйста!

И тут же тяжелая волна жалости накрывает меня. Я представляю себе, как он, мой любимый дед, сидит там, в ужасе забившись в угол на дне ремонтной ямы. Вокруг темно, воняет бензином, а сверху, от самой двери надвигается на него чудовище, которое вот-вот его сожрет... И я бегу по крыше, спускаюсь, обдирая коленки о кирпичи и старый забор, врываюсь в гараж и бросаюсь на шею деду. И уже совершенно

забыв о том, что чудовище — это я и есть, реву от страха и неумолимости надвигающегося конца.

— Если оно тебя съест, как же я? Как же я буду тут одна?

И дед, растроганный и умиленный, смеется своим невероятно заразительным смехом.

Всю дорогу домой мы с мамой молчим. Уже у калитки она поднимает голову:

— Он тебя узнал?

Я не хочу рассказывать, что мне сейчас четыре. Мама беретя. Возвратившись домой, снова и снова штудирует многочисленные справочники по медицине, чтобы завтра снова попытаться. Должно быть средство. Если даже рак лечат, если младенцев спасают от воспаления легких и, говорят, даже от СПИДа лекарство нашлось. Должен быть способ. Я тоже хочу, чтобы он был. Поэтому просто киваю.

На следующее утро бабушка рассказывает, что он порывался встать. Говорил, что опаздывает на работу и его непременно уволят, если он сейчас же не пойдет. От попыток подняться подскочило давление. Пришлось сказать ему, что он на больничном, его в очередной раз завалило на шахте. Только тогда успокоился.

Если мне четыре, то бабушки я побаиваюсь. Она олицетворяет собой злой рок, ворчит и заставляет меня делать вещи совершенно бессмысленные. Например, спать днем. Никто не спит днем: ни сама бабушка, ни дед, даже страшный цепной пес Тобик не спит. Вон, лает. А Женя должна. Причем не на своем месте, а на бабушкином диване, застеленном старым плюшевым покрывалом болотного цвета. Покрывало колетя даже через простыню, бабушка полет грядки и постоянно заглядывает в окно, чтобы проверить, сплю ли я. Конечно, я не сплю. Я сражаюсь с покрывалом, стараясь сбить простыню так, чтобы кололось поменьше. Но это можно пережить.

Самое страшное, что бабушка застигает простыней и подушку тоже. А мне, для того чтобы заснуть, непременно нужно засунуть под подушку руку. До сих пор. Под подушкой руке прохладно и уютно, и если нападёт чудовище, то хотя бы рука спряталась. Естественно, когда время подходит ко сну, я сбегая на сеновал. Больше прятаться негде. Бабушка раз за разом находит меня, ругает и укладывает. Я реву. Бабушку, выросившую трех дочерей, этим точно не пронять, но я пока этого не поняла.

Выход нашел дед. Он просто укладывает меня в своей комнате. И это счастье. Во-первых, я теперь почти что дед. Я сплю в его постели и воображаю себя им. Кряхчу и долго ворочаюсь.

Во-вторых, окно его комнаты выходит не в огород, а на улицу. Не побежит же бабушка со своими сорняками вокруг дома, чтобы проверить, сплю ли я. Она пойдет через дверь. А дверей на ее пути будет три. Первая тихо брякнет стеклом, вторая, обитая утеплителем, низко ухнет, а третья мелодично звякнет крючком о щеколду. За это время я успею прикинуться спящей.

В-третьих, у деда кровать с сеткой. А значит, можно прыгать до самого потолка. А если надоест, можно залезть под кровать. Там тоже интересно.

В-четвертых, дед специально для меня спрятал в комнате журналы. Под носками в комод. Большею частью это старые и скучные «Пионер» и «Родина», но в условиях гражданско-полевой войны выбирать особенно не приходится.

В-пятых, если совсем заскучаю, можно прокрасться в соседнюю комнату и посмотреть на фигурки оленей. Моя конькобежка-мама привезла их со сборов из Чехословакии. Стекланные олени, кажущиеся янтарными в отблесках солнечного света. Один большой, сильный и горделивый, а второй поменьше, преданно заглядывающий ему в глаза. Уже тогда было ясно, что это мальчик и девочка и у них любовь. Но я до сих пор думаю, что это я и дед. Я трогаю всё, до чего могу дотянуться, но к оленям не прикасаюсь. Хочется невероятно. Хотя бы одним пальчиком провести по прохладной сияющей спинке. Но я терплю. Если один из них упадет, я себе не прощу. А я хочу, чтобы и мои внуки потом, когда я уже буду стареньким дедушкой (не могу же я превратиться в строгую бабушку, в самом-то деле!), так же благоговели и боялись к ним прикоснуться.

Теперь они стоят на самом видном месте в моей новенькой подмосковной квартире. И лучше бы их там не было.

И самое главное, с чего и стоило начать, у деда в комнате стоит пятидесятилитровый бидон меда. Можно быстренько прошмыгнуть на кухню, взять ложку и выковырять насмерть застывший комочек. Тем более я уже знаю как. Чтобы получить этот бесценный опыт, мне пришлось сломать четыре алюминиевые ложки и маленький нож. Зато большой дедовский тесак для убоя скота справляется с блеском.

Как-то бабушка решает испечь пирог, раскрывает бидон, а там... Злополучные обломки ложек и дедушкин тесак. Она обращивается ко мне, онемев от поднимающейся ярости, а я, пятясь, только в тот момент понимаю, что вообще-то сделала нехорошее. Но тут дед, заглянув в бидон, разражается своим обычным всепрощающим смехом. И всё. Гроза миновала. Не будешь ведь ворчать на ребенка под переливы дедовского хохота.

Что бы ты ни сделала, как бы ты ни ошиблась, дед смеется. И ты, сконфуженная, но при этом все равно горячо любимая, мгновенно осознав былые ошибки, прощена. Из этого понимающего смеха сразу ясно, что ты не специально, просто сглупила. С кем не бывает.

Казалось, за этим смехом к деду приходят все. Толстая Валя, живущая напротив, приходит плакать и жаловаться на мужа-«алика», вычудившего очередное. Я думаю, что «алик» — это имя. И когда он приходит занять у деда денег, так с ним и здороваюсь:

— Здравсьте, дядя Алик!

Он неприятно удивлен, но дед так громко хохочет, что и «алик» начинает улыбаться. Он объясняет мне, что жена зря его на всю улицу позорит. Денег у деда, впрочем, больше не просит.

Дед отпаивает Валю чаем из своей большой кружки с гравировкой «Лучшему шахтеру» и смеется до слез. И Валя уходит просветленной. Улыбается. И не она одна.

Лучший друг деда, Мечтанин, тоже. Порывистый, как подросток, седой, испуганный и ссутуленный, почти как знак вопроса. Мама говорит, что у него искривление позвоночника — Мечтанин инженер и много чертит. Но я-то знаю правду. Он постоянно шепчет секреты на ухо моему кругленькому невысокому деду. От этого и искривился. Они и сейчас идут рядом, двое, подходящие друг другу, как частички пазла. Мечтанин, широко раскрыв глаза и прикрывая дедовское ухо ладонью, чтобы никто не слышал, рассказывает, как коровник Собачкин продал на рынке сепарированное молоко. Покупатель, придя домой, молоко попробовал, вернулся на рынок и вылил всю трехлитровую банку Собачкину на голову. Смеется дед, смеется, воровато оглядываясь, Мечтанин, смеется Собачкин, случайно оказавшийся у него за спиной. Смеюсь я. Нет, я пока еще не знаю, что такое сепарированное молоко, и ошибочно полагаю, что именно в этом и есть соль шуток. Просто светит солнце, смеется дед, а Мечтанин дал мне круглую конфету. Он всегда дает мне круглые конфеты. Я уверена, что он вообще обожает все круглое — своего пса Шарика, корову Орбиту, моего деда и немножко меня. Я тоже довольно круглая. А дед, наоборот, любит длинное. Пшеничную соломку, колбасу, самодельные трости, дрова, лопату, бабушку, Мечтанина и меня. Меня, конечно, больше всех.

И если он хочет, чтобы мне сейчас было четыре, пусть, мне не трудно. Ведь если мне четыре, то дед еще здоров и весел. Он даже еще не вышел на пенсию ветераном труда и вскапывает огород, улыбаясь весеннему солнцу. Мне скучно, и я

снова привязываюсь к нему с извечным вопросом, во что мне поиграть. Дед предлагает сыграть в прятки. Я рада. Я люблю играть с дедом. Правда, я подозреваю, что искать меня он не станет, потому что копать ему еще много, а помогать ему я отказываюсь — говорю, что от лопаты у меня, как и у него, болит «прясница», и не понимаю, почему он смеется.

Я прячусь в курятнике, сижу и боюсь, что войдет петух и наквохчет на меня. Но здесь дед точно меня искать не станет. Как раз из-за петуха. Устав бояться, я выхожу из укрытия. Дед продолжает копать. Я злюсь и, уперев руки в боки, смотрю на него с укоризной. Дед смеется. Этого, в общем-то, достаточно, чтобы уладить конфликт, но он все же оправдывается:

— Ты где была? Я везде искал! Никак найти не мог! Как сквозь землю провалилась! Я и копать-то начал, думаю, вдруг тебя из-под земли выкопаю!

Я довольна. Я чувствую себя мастером конспирации и собираюсь рассказать деду, что всегда пряталась в курятнике, но мне внезапно уже тринадцать.

Больше всего на свете я боюсь коров. Бабушка считает, что это блажь, и посылает меня в коровник по любому поводу. Мне уже тринадцать, а я еще ни разу не вошла. Мама уверена, что это какой-то вытесненный детский стресс, неспроста ведь появилось в моих играх страшное чудовище.

Дед рассказывает мне веселые истории про коровий ум и доброту, я смеюсь, но каждый раз, останавливаясь у сарая и замечая силуэт в окне, все равно пугаюсь. Мне кажется, что это огромное черное существо взбесится там, в сарае, и, легко взмахнув рогами, раскатает дом по бревнышку, растерзает маму, бабушку и даже деда.

Как-то утром я просыпаюсь от возмущенного коровьего мычания, иду посмотреть и никого дома не обнаруживаю. Испуганная, бегаю по огороду, кричу, зову. Никого. Корова надрыгается в стойле.

Я уже знаю, что, если корову вовремя не подоить, у нее будет мастит. Потом только резать. Я представляю, как из опухшего вымени комками вываливается на пыльную дорожку простокваша и корова, которая не может сама ничем себе помочь, пытается дотянуться до вымени копытом, но ей не удастся. И по страшной морде ее текут слезы.

Меня пронзает такой острый приступ жалости к страдающему животному, что я хватаю ведро и решительно иду к сараю.

Но как только я приоткрываю дверь, корова мычит мне прямо в лицо.

— Кнопка, вот ты меня пугаешь, — говорю я ей возмущенно, — а я тебя даже и не боюсь. И вот даже вообще не боюсь, — неумело вру я.

Косясь на рога, я насыпаю ей целое ведро очистков, तोропливо, чтобы корова, пока ест, не заметила, что ее доят.

Внизу темно и страшно. Сверху нависает огромный коровий живот, а за спиной, между мной и стеной тесного сарая, почти не остается места — если корова неаккуратно повернется, она непременно расплющит меня о стену. Стараясь не дышать, чтобы ничем не выдать своего присутствия, будто она и впрямь может про меня забыть, я осторожно сжимаю толстый сосок, и тоненькая струйка звонко бьет о дно ведра. Надоив где-то с литр, я, гордая собой, вдруг осознаю, что она давно уже не жует. Стоит и смотрит.

— Ешь давай, — кричу я на нее, и голос мой каким-то чудом не срывается. Корова отворачивается.

Доить приходится невыносимо долго. Кнопка вздыхает, переступает с ноги на ногу, но терпит. И я терплю. Твержу себе, что всё правильно, что она всё понимает и ей это нужно куда больше, чем мне. Но каждый раз, когда она переминается с ноги на ногу и на меня надвигается огромная тень, я испуганно замираю и немножко готовлюсь к смерти. Слабые руки сводит судорогой, вены на них вздулись и пульсируют. Я всхлипываю от боли, но не останавливаюсь.

Когда я выхожу из сарая с полным ведром молока, передо мной стоит изумленный дед. Он разводит руками и восхищенно выдыхает:

— Ну ты герой!

Я бросаюсь в эти руки и, прижавшись к нему всем телом, рыдаю. Судорожно, захлебываясь, не в силах вдохнуть. Он гладит меня по голове, и я чувствую, что весь мой ужас, годами раздувавшийся и набухавший, оказался таким мыльным пузырем, что и говорить об этом незачем. И я улыбаюсь.

Он думает, что мне тринадцать. Приподнимается на постели, обнимает меня и внезапно признается, что все это время был дома. Сначала прятался в гараже, а потом наблюдал за мной в окно сарая. Я улыбаюсь. Я уже догадалась. Не сразу, конечно, через год или два.

Мне четырнадцать. Я дою Кнопку и рассказываю им с дедом, что страстно влюблена в Юру Боярского, а один наш одноклассник (он, кстати, через пару лет умрет от передоза, но пока только курит травку на погребке за баней) взял и рассказал об этом Юре. И я не знаю, как мне идти завтра в школу. Я же покраснею! Это заметят, и от этого я еще сильнее покраснею, и еще, и еще, и умру со стыда. Дед, смеясь, выхо-

дит из сарая, и я понимаю, что ужасающая тень, накрывавшая меня с головой в тот страшный день, была совсем не от коровы, а от фигуры человека за окном. Я не обижаюсь и ничего не говорю. Мне смешно.

Мне четырнадцать. Я бегаю по утрам и учусь кататься на коньках. Хотя я заканчиваю университет и пишу диплом по современной литературе. Я молюсь на свою научную руководительницу и учу детей, которые молятся на меня. Я знаколюсь с будущим мужем. Но весь этот год мне четырнадцать.

Мы режем корову. Мою любимую Кнопку. Она поранилась на пастбище, началось заражение, и выхода нет.

Всю ночь накануне я реву. Кнопка тоже не спит. С вечера ее не кормили, и она мычит от голода. Утром я иду прощаться. Я апатична, как мать арестанта накануне казни, обнимаю ее и целую, и она, переживая за меня, а может, и догадавшись, стихает. А потом долго лижет мне лицо колючим языком.

Ее уводят. Дед просит меня уйти. Мама, не выдержав, уходит тоже. Мы молча сидим перед работающим телевизором и старательно делаем вид, что смотрим. Мы обе знаем, что там сейчас происходит. Чтобы отвлечься, я представляю, что это танец. Пятеро крепких мужчин и их ужасающий танец смерти. Наверное, они уже спутали ей ноги. Две петли. Одну на передние, вторую — на задние. Потом они ловко поменяются местами — те, что держат петлю с передних ног, отойдут назад, а двое других выступят вперед. Петли сойдутся, и корова, с ногами, связанными в единый пучок, не сможет устоять. Она какое-то время попытается, но они, все четверо одновременно, прыгнут на нее и завалят на бок. И тогда к ее шее с огромным тесаком наперевес подойдет пятый. Дед. Он знает, как я ее люблю, а потому должен сделать это сам — он стар, он делал это много раз. Нужно, чтобы быстро и не больно. Очень нужно.

По телевизору новости. Я до сих пор помню пиджак и усы диктора. Иногда я встречаю его на работе и каждый раз пугаюсь. Он как-то даже спросил, в чем дело, и я промямлила, что он очень похож на одного... Не важно.

Какая-то политическая ерунда, культура, спорт, прогноз погоды. И сквозь это всё мы с мамой пытаемся уловить посторонние звуки с улицы. Но их нет. Всё должно давно закончиться, но нас не зовут. Я выглядываю в окно и вижу, что Кнопка все еще стоит, она молча отбивается рогами, гарцует на спутанных ногах, не давая им зайти сбоку. Они наконец заваливают ее, она падает, глухо треснувшись о землю, но видит в окне меня и вскакивает. Вопреки всем законам фи-

зики и биологии, она стряхивает их с себя и вскакивает. Она бросается к моему окну и кричит настолько страшно, что я, не выдержав, трусливо задергиваю занавеску.

В следующую минуту в комнату врывается разъяренный дед. До этого я никогда не видела его в ярости, а оттого мне кажется, что это все неправда. Фантазия или ночной кошмар.

Он кричит мне:

— Отпусти ее! Отпусти! Ей все равно не жить!

Нет, я не отпускаю. Просто на одно раздавливающее меня чувство вины, вины за предательство моей Кнопки, за то, что я позволяю ее убить, накладывается еще одно. Чувство вины за мой эгоизм — я даже отпустить ее не могу, а она из-за этого борется, надеется на меня, верит, что я спасу и не позволю. И еще чувство вины перед дедом и этими мужчинами — им тоже больно убивать, а из-за меня они пытаются снова и снова, мучают Кнопку... И когда вся эта лавина окончательно погребает меня под собой, они успевают. Всё кончено.

Я не смотрю ей в глаза, проходя мимо ее отрубленной головы. Я не могу. Мне стыдно. Она корова, и ей не объяснить, что выбора нет — быстрая смерть сейчас или мучительная смерть от заражения. Но мне всё равно кажется, что, посвятив я всю жизнь спасению утопающих, накорми всех детей Африки, застрой храмами всё свободное пространство от Калининграда до Владивостока, мне уже не отмыться. Может, и не кажется.

Но жизнь продолжается, и вот я с дедовским тесаком наперевес помогаю свежевать мою Кнопку. Довольно ловко снимаю с нее шкуру. Так ловко, что в какой-то момент вместо ее кожи снимаю кожу уже со своего запястья. До сих пор шрам. Мама злится. Она уверена, что я специально. Эдакий подростковый бунт. Нет, я не то чтобы сделала это нечаянно. Я хорошо помню. Это было какое-то третье, параллельное состояние. Полная отрешенность. Чужой колючий воздух, неестественно алая кровь на белоснежном снегу, инопланетное солнце, нож, мясо, кожа. Если подрезать здесь, то кожа отойдет. А если вот тут, на руке? Тоже.

Меня отправляют на кухню по традиции готовить свежинину — первый кусок парного мяса для убийц.

И вот на столе передо мной кусок моей Кнопки. Из грудины. Он теплый. И жилы все еще сокращаются, а оттого мясо подрагивает, будто дышит.

Я смогу есть мясо только через два года, уже в общежитии.

Дед пролежал всю зиму с воспалением легких. Мама выхаживала его сама по руководству для лечения грудничков. Мы играем в пирамидки и резиновые уточки, потому что мама

вычитала, что мелкая моторика развивает мозг. Дед много смеется. Мы учимся ходить. Шаг за шагом. Левая. Да. Поднимаю. Молодец. Теперь правая. Да. Поднимаю. Хорошо. Видишь, как здорово получается? Еще немного, и сможем выйти на улицу. А там такое солнышко! И вдруг резко замирает. Тихо и стыдливо:

— Я забыл. Забыл, как ходить.

И не смеется.

И я объясняю, показываю, держу, но он уже не старается. И мы играем в пирамидки.

Человек, окончательно заблудившийся в коридорах времени. И в какой-то момент я срываюсь.

Я рассказываю ему про него. О том, что у него было десять сестер и братьев, как его мать отправили на завод в тыл, без детей, а отец ушел на фронт. И он остался с ними один в военный голод. Двенадцатилетний мальчишка. Старший. Как он попытался украсть мешок огурцов с колхозного поля. Как он бежал с этим мешком от конного сторожа и понимал, что если бросить — непременно уйдет, кустами, заборами, огородами, но как бросить, когда дома десять ревуших от голода детей? Как его посадили, и он считает, что поделом, и как он с тех пор никогда не брал чужого и не ел огурцов. О том, что выжила только самая младшая его сестра, трехлетняя Амина, которую единственную из-за возраста взяли в переполненный детский дом. Как потом после войны, мелкий и жилистый, он стал Батыром Татарии, победив в национальной борьбе самых сильных бойцов республики. Их подводил рост, а главное условие победы — перекинуть противника через себя. Чтобы ухватить деда, они наклонялись к нему, и он тут же подсекал их. Как именно там он заметил девушку удивительной красоты, на которой вскоре и женился. Как он два месяца с беременной женой на товарняках добирался до Байкала. Его старшая дочь родилась в поезде. Может, поэтому у нее такой ужасный характер. В Татарии была засуха, голод, а на Байкале, по слухам, всегда можно было прокормиться рыбой. На деле оказалось, что рыбу нужно уметь ловить для начала. Не говоря уже о необходимом снаряжении и снастях. И дед подался в Прокопьевск. Там открылось несколько шахт разом и народу не хватало. С шестью классами образования он стал сначала бригадиром, потом начальником участка. Он единственный из администрации, сам, перед каждой сменой спускался в забой проверять технику безопасности. Именно поэтому его трижды заваливало. Как-то его не могли откопать двое суток, и он целый год лежал пластом и ждал, пока все его кости срастутся. Как он любил работать, как наслаждался солнцем, как пел

и шутил!.. Я говорю и говорю, много часов подряд, с подробностями, с такими деталями, о которых никто, кроме нас двоих, знать не может. И когда останавливаюсь, чтобы перевести дух, он заинтересованно спрашивает:

— Это ты про кого? Из книжки? Хороший человек был, да?

Зато в следующий мой приезд мы неожиданно совпали. Он вдруг оказался здесь и сейчас. И удивился, как долго меня не было. Я рассказала, что живу в Москве, учусь во ВГИКе и работаю на телевидении, пишу кино. Он обрадовался и сказал, что всегда знал, как далеко я пойду. А потом он сам встал и медленно подошел ко мне. Наклонился и прошептал тихо:

— Отпусти меня, я больше не могу.

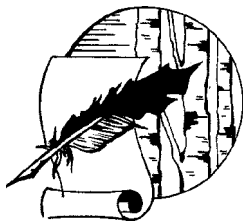
Я с таким ужасом на него посмотрела, что он отступил и смиренно кивнул — нет так нет, но попытаться стоило. И, не устояв, вдруг упал назад, плашмя, сильно ударившись об пол.

И снова все эти гроздья вины и боли навалились на меня. И глущий стыд. Я не могу без деда, я не хочу, я не готова. Да, врачи сказали, что шансов нет, еще семь лет назад, но я так не могу. Не сейчас, пожалуйста. Если чудовище тебя заберет, как я буду тут одна?

Он умер позже. Мама позвонила мне и сказала: «Дед умер». И положила трубку. Я не поверила и тут же вспомнила его смех. Его дивный всепобеждающий смех. Это насмерть закольцевалось в моей голове, как поцарапанная пластинка: «Дед умер» — маминым голосом — и его смех, наполнявший меня радостью. И снова, снова, снова. Я не могла говорить. Рот открывала, но мысли так и не выкристаллизовывались в слова. Голоса не было.

После похорон я бегала. Бегала до заходившегося сердца, до ободранной холодным воздухом глотки, до тошноты, бегала так, чтобы упасть навзничь на траву и думать только о том, жива я или нет. Но потом начиналось снова. «Дед умер» — и его смех.

Полегчало только в Москве. Через сорок дней, ночью, я вспомнила вдруг то, что никогда не вспоминала. Когда дед выпивал, он приходил поздно, и я всегда ждала его за холодильником, чтобы напугать. Ждала долго, иногда до самого утра, сидеть было неудобно, болели ноги и затекала «прясница», но дед всегда приходил. И я пошла и села за холодильник. Прямо в Москве, в общежитии, ночью. Мне казалось, что он непременно придет. Надо только подождать. Я прождала до самого утра. Но на этот раз он так и не пришел.

Светлана СУПРУНОВА

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАРОДИИ

Дай бог

Дай бог не вляпаться во власть
И не геройствовать подложно,
И быть богатым, но не красть,
Конечно, если так возможно.

Евгений Евтушенко

Дай бог не обижать жену,
Прощенья всем, кого обидел,
И если что-то умыкну,
Дай бог, чтоб кто-то не увидел.

Дай бог судьбе на лапу дать
И верить: всё в суде уладят,
И дальше книги издавать,
Конечно, если не посадят.

Дай бог, чтоб срок был небольшой
И впрок тюремная котлета,
Чтоб быть поэтом, — но с душой,
Достойной звания поэта.

Гастрономическая география

Я бы в Томске томился,
В Туруханске струхнул,
На окно бы косился,
Опустившись на стул.

Александр Кушнер

Города изучаю
И жую беляши.
Я в Сахаре бы чаю
Насластил от души.

Съем я в Тете тетерю,
Выпью в Були бульон,
Я по атласу сверю
Свой дневной рацион.

В Гусь-Хрустальном румяный
Будет ждать меня гусь,
Я на стул, словно пьяный,
Тяжело опущусь.

Съев в Салайне салаку,
По стихам загрущу,
А пока Титикаку
Я на карте ищу.

И снова о любви

В любви вовеки не умру,
И что мне бесов рать!
Я с женщин денег не беру,
А мог бы, мог бы брать.

Лев Котюков

Она проснулась поутру,
Открыла кошелёк.
«Я с женщин денег не беру», —
Её предостерёг.

В окне звезда. Привычный вид —
Расправлена кровать.
Стараюсь, а внутри свербит:
«А мог бы, мог бы брать!»

О как трудился я, горел,
Ручьями пот стекал,
Но вот однажды посмотрел —
Не выдержал и взял.

Червонец мятый, божий дар,
Считай, из чепухи.
Подумал: чем не гонорар
За эти вот стихи?

Неожиданность

Благодаря гашишу
Я всё прекрасно вижу:
И Дельвига во фраке, и Гоголя в плаще,
И Царскую деревню,
И Анну-свет-Андревну,
И маленьких каких-то, бесцветных вообще.
Виктор Брюховецкий

Как накурюсь гашишу,
Такое, братцы, вижу!
Вон Кушнер в панталонах и в чепчике Эсхил,
Мережка без корсета,
На поприще поэта
Державин, в камилавке, меня благословил.

А книг моих-то — тыщи,
И не тома — томищи!
Ни критики, ни бури мне не страшны теперь.
Иду уже смелее,
Передо мной, в ливрее,
Сам Александр Сергеич распахивает дверь.

Наутро я в тревоге:
Стою в трусах, без тоги,
Со шприцем и в халате какой-то изувер.
Где фраки и манишки?
Всё странные людишки,
И вывеска огромная: «Наркодиспансер».

Предвидя последствия

Я с гениями водку не пила
И близко их к себе не подпускала.
Юнна Мориц

Буря мглою небо крыла,
И менялась я в лице.

Как-то было мне уныло,
Вижу: Пушкин на крыльце.
«Вот закуска, вот чекушка, —
Достаёт пакет поэт, —
Выпьем, Юнна, где же кружка?»
Отвечаю: «Кружки нет.
Кстати, пью я из стакана,
А по правде, дорогой,
Не могу я пить так рано,
А тем более — с тобой.
Это, Саша, очень важно,
Выпью, ты опять нальёшь,
С вами, гениями, страшно:
Приставать ещё начнёшь.
Увлечусь, с собой не ладя,
Вы-то встали — и ушли,
На живот большой мой глядя,
Что да скажет Натали?»

Умереть послезавтра

И всё-таки в борьбе за Слово
Не важно, как я назовусь,
Но важно, что воскресну снова
И воскрешу с собою Русь.

Не умру ни сегодня, ни завтра —
Ещё долго я буду любить.

Иван Переверзин

Не умру ни сегодня, ни завтра,
Календарной страничкой шуршу.
Я, пожалуй, умру послезавтра,
Только эти стихи допишу.

Умереть мне нисколько не страшно,
Ну, подумаешь, жил среди людей!
Слёзы, сопли — всё это не важно,
Что воскресну — вот это важней.

Как положено, шапки снимите,
Помяните меня среди берёз.
Называйте уже как хотите.
Можно ласково: Ваня Христос.

Потоп

И этот плавный лёгкий взлёт
вовек продлится над
тем, что бежит, летит, течёт
с восхода на закат.

Марина Струкова

Ну до чего унылый вид,
и что-то — просто страх —
уж не летит и не парит
в суровых небесах.

Вода лилась, стекала вниз
и становилась злей,
а также появлялась из-
под вековых корней.

Она бежит который день,
бурлит и бьётся об.
Затоплен сад, снесло плетень,
считай, второй потоп.

Вон жук пускает пузыри,
накрыло лопухи.
Не тонут ну никак Мари-
ны Струковой стихи.

Польщена весьма

Январь со мной любезен, как весна.
Краса мурашек серебрит мне спину.
И, в сущности, я польщена весьма
Влюблённостью зимы в мою ангину.

Белла Ахмадулина

Со мной любезны очень сентябри,
Скажу ещё — любое время года
И даже суток; что ни говори,
Но самородков чувствует природа.

Подагра, диатез — болезней тьма,
И я терплю беспамятство горячки.
Мне нравится, что матушка зима
Так влюблена во все мои болячки.

Да что зима — мне даже пища льстит!
И я опять терплю, хоть очень больно.
Влюблённостью горчицы в мой гастрит,
Признаться, я до чёртиков довольна.

Спросите о поэзии меня,
Воистину бессмертны эти темы:
Краса запоров, сладость ячменя,
Уже рукой подать и до поэмы.

Я польщена собою и сама,
Меня и флюс и грыжа вдохновляют,
И только тем не польщена весьма,
Что лишь врачи стихи мои читают.

Злая мобила

Зима. Что делать мне в вагоне? Я встречаю
Проводника, несущего мне чаю,
Словами: мы опаздываем? нет?
И не найдётся ль свеженьких газет,
Чтоб, в новостях пошарив хорошенько,
Узнать, что стало с Юлей Тимошенко,
Не взорван ли иракцами Багдад
И что в Москве — дожди иль снегопад?

Николай Переяслов

Зима. Что делать нам в деревне? Я встречаю
Слугу, несущего мне утром чашку чаю,
Вопросами: тепло ль? утихла ли метель?
Пороша есть иль нет? и можно ли постель
Покинуть для седла, иль лучше до обеда
Возиться с старыми журналами соседа?

А.С. Пушкин

Зима. Что делать мне на даче? Я скучаю,
Друзьям мобильными звонками докучаю:
Цела ль Москва? проснулся ли Мадрид?
Что Абрамович нынче? ходит иль сидит?
Всё сыплет снег, всё значимей вопросы:
Как Тимошенко Юля? не остригла ль косы?
А Вова Путин? В будущем году
Займётся ли он танцами на льду?

И почему моя фальшивит лира?
Где вы, певцы любви, свободы, мира?..
И тут мобила начала басить:
«Кончай, дружок, под классиков косить!».

Лермонтовское

Стоит одиноко на севере диком
Писатель с обросшею шеей и тиком
Щеки, собирается выть.
Один-одинёшенек он на дорогу
Выходит, внимают окраины Богу,
Беседуют звёзды (кавычки закрыть).
Сергей Гандлевский

И как это я оказался далёко?
На севере диком стою одиноко
(Из классики, скобку закрыть),
И шмыгаю носом, и плачу натужно,
Заросший щетиной (здесь скобок не нужно),
Уже приготовился выть.

Запрыгали скулы, задёргалось веко,
Меня затрясло — не узнать человека,
Моя задрожала спина,
А в горле-то спазмы, уже я заика,
И для объясненья подобного тика,
Конечно же, сноска нужна.

Пустыня внимала доверчиво Богу,
Пока выходил я один на дорогу,
Пока собирался я выть.
Звезда прошептала: «Кто сей созерцатель?»,
Другая хихикнула: «Это писатель.
Немедля кавычки открыть!».

Об ударении и рифмовании

Возвратившись в избу с мезонином,
С пристанью и замёрзшей рекой,
Стану спирт рифмовать с магазином,
А гранёный стакан — с польньёй!
Игорь Тюленев

Отдышался я в кои-то веки,
Вот вернулся домой и пою
О замёрзшей за рощицей реке,
С опустевшей зимой пристанью.

Я к мышленью пространному склонен
И с ударными звуками лих,
Я с избою рифмую мезонин,
Со славой — ненаписанный стих,

Чей-то трепетный взгляд — с пуповиной,
И с колхозницей — тяжкий молот,
Дядьку в Киеве — с этой бузиной,
Что в моём огороде растёт.

Пью ночами от нервов микстуру,
Поглобальнее надобно брать:
Нашу родную литературу
Да с собою бы зарифмовать!

Не пей из копытца!

Я тебя не видел слишком долго,
Слишком много водки утекло.

Жена-любимая, смотри, проходит лето.
Сердца болят, готовятся к зиме...
Парит орлица. С птичьего полета
Я с каждым годом меньше, меньше, ме...

Сергей Соколкин

Эх, кабы знать такую вот развязку,
Тогда бы я к застолью ни ногой!
Не помню — как, но мы попали в сказку,
Идём вдвоём, с любимую женой.

Видать, лило — и сыро так, и влажно,
А на пути глубокие следы:
Кабаньи, волчьи — как-то даже страшно,
И каждый след полнѐхонек воды.

И говорит родная, чуть не плача:
«Ты из копытца этого не пей,
Ведь у тебя одна теперь задача —
Хоть внешне-то не выглядеть свиной».

Взгрустнулось мне: далече лето, лёто,
Проходят годы в разной ерунде.
Горит нутро, кому терпеть охота?
Я отлучился как бы по нужде.

Напился я из козьего копытца.
Летели листья (дело шло к зиме).
«Любимая, кончай, не надо злиться», —
Хотел сказать, но получилось: «Ме-е-е!..»

Муки творчества

Всё мир я спасаю, всё духом скорблю.
Как сбросить мне эту обузу?
Я каждую ночь своим сердцем кормлю
Свою сумасшедшую музу.

Николай Зиновьев

Тревожные мысли по кругу неслись,
На глобусе выцвели краски.
Спасительных строчек, поди, заждались
В Гвинее, Мали, на Аляске.

Я грыз карандаш, я зачёркивал вздор,
Но муза явилась — о чудо!
И, видя голодный, блуждающий взор,
Я выложил сердце на блюдо,

Печёнку, кишечника пару мотков,
Отрезана правая почка.
И вот не осталось уже потрохов,
А только одна оболочка.

И гладила муза свой круглый живот,
Мне с хищницей не было сладу,
И чтобы её подзадорить на взлёт,
Я музу пошлёпал по заду.

Она натянула короткий подол,
Взмахнула крылами, зарделась —
И рухнула тут же на письменный стол:
«Прости меня, Коля, объелась!».

Вдохновленный весной

Расцеловал бы первого встречного!
В рожу бы плюнул! а всё зачем?
Чтобы припомнить лицо, а нечего,
Что-то такое на букву «м».

Олег Чухонцев

Вот и весна, соловьи за стенкою,
Не усидеть за столом уже.
Этого встречного — да коленкою
Пнуть бы под что-то на букву «ж»!

Я ароматом сражён и красками,
Эта брюнетка, как дама трэф.
Врезать бы ей, засветить под глазками
Что-то такое на букву «ф»!

Долы родные, речушка узкая,
Радостно мне по земле идти.
Сила ты, силушка, удаль русская!
Кто попадётся мне на пути?

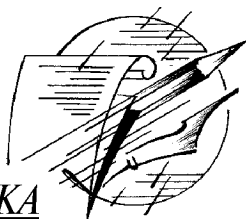
Плюнуть бы нынче в любого встречного!
Дальше, в словесной кружа пурге,
Зарифмовать бы чего, а нечего,
Что-то такое на букву «г».

«ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ СВОБОДА»

26 лет назад демократы освободили нас от советской власти и ликвидировали Советский Союз. Нам дали «свободу», «независимость», возможность выезжать из страны и заниматься бизнесом. Однако вскоре обнаружилось, что свобода есть, а денег-то нет. А свобода без денег в мире, где за всё надо платить, — это все равно, что свобода в лесу или в пустыне: никто ни в чем не ограничивает, только кому такая свобода нужна?

Если бы свобода в лесу или пустыне была очень востребована, то народ толпами отправлялся бы туда. Однако на практике наблюдается ровно обратное — люди не только не идут толпами в лес или пустыню, но даже бросают дома в селах и маленьких городках, чтобы перебраться в мегаполис, где жизнь намного дороже и за все нужно платить.

Так происходит потому, что свобода сама по себе не очень-то и нужна. Человеку нужны условия для жизни, возможность пользоваться благами цивилизации, нужен доступ к медицинскому обслуживанию, нужен магазин в шаговой доступности. И, конечно же, нужна работа, потому что без работы нет зарпла-

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

ты, а без зарплаты нечего делать в магазине. Да и благами цивилизации воспользоваться без денег проблематично.

А с работой после освобождения от советской власти тоже возникли проблемы, потому что предприятия начали закрываться, ведь новым владельцам стало выгоднее превращать их в торговые центры или перепродавать более состоятельным конкурентам, которые их закрывают ради оптимизации бизнеса.

И заманчивая возможность открыть собственный бизнес тоже на практике оказалась не такой радужной, как в теории. Потому что для создания бизнеса нужны инвестиции или хотя бы кредиты, а кто будет раздавать деньги направо и налево без гарантий возврата?

Да и можно ли в стране, где закрываются существующие предприятия, создать множество новых? Если бы экономика позволяла развивать производство, то существующие предприятия не закрывались бы, а обновлялись и продолжали работать. Массовое банкротство заводов означает, что экономическая модель в принципе не располагает к развитию производства — ни нового, ни старого.

В результате, часть освобожденного от советской власти народа нашла работу в сфере услуг, а часть — не вписалась в рынок, как сказали нам демократы. А если называть вещи своими именами — пошла по миру.

И с каждым новым кризисом, а они в рыночной экономике случаются регулярно, по миру будут идти новые миллионы освобожденных от советской власти людей. Потому что в ходе каждого кризиса богатые становятся богаче, а бедные беднее. В ходе каждого кризиса более крупные предприятия поглощают более мелкие и оптимизируют свой бизнес, сокращая персонал.

И одновременно с этим постоянно растет автоматизация, которая оставляет без работы людей, заменяя их машинами. Вот только продукция, производимая машинами, уже не достается тем, кто остался без работы, потому что в рыночной экономике решается не задача занятости населения и распределения результатов труда в обществе, а задача получения максимальной прибыли, которая требует повышать производительность, а значит сокращать персонал, заменяя его автоматикой, после чего сокращенные уже не могут купить продукты, потому что не участвуют в ее производстве, — они становятся лишними в обществе, не вписавшимися в рынок, свободными людьми, которые могут отправляться в пустыню или в лес, потому что в городе для них больше нет места — для них нет работы, нет зарплаты, а значит, нет ни магазина, ни дома, ни благ цивилизации.

И если учесть, что в момент освобождения народа от советской власти автоматизация производства в Европе, США и даже Китае шагнула далеко вперед, то советская промышленность в момент ликвидации СССР рыночной экономике уже не была нужна.

Именно поэтому после 1991 года началась быстрая ликвидация советской промышленности — в рыночной экономике она оказалась лишней, потому что всё или почти всё, что выпускалось в СССР, имело аналоги за рубежом. Поэтому сохранилось в основном производство оружия, атомная энергетика и вертолетостроение, а остальные производства оказались либо закрыты, либо сильно сокращены. Вот так нас освободили от советской власти.

Вместе с освобождением от советской власти нас освободили от значительной части советской промышленности, а значит от работы, от источников дохода. Нас освободили от гарантированных рабочих мест. В СССР заводы принадлежали государству, и государство как крупный собственник имело необходимый ресурс для их развития, но главное — государство решало задачу всеобщей занятости и соответственно обеспечивало всем гарантированную работу, зарплату и пенсию.

Освободив нас от советской власти, демократы передали промышленность в частные руки, то есть раздали ее более мелким, чем государство, собственникам, которые теперь никому ничего не должны. Новые собственники заводов не обязаны обеспечивать никого работой, они могут поступить со своим предприятием как им заблагорассудится — могут продать, могут снести и построить торговый центр, могут сдать в аренду, могут сократить. Могут повысить уровень автоматизации и сократить персонал, чего и требует рынок.

И даже тот собственник, который желает развивать производство и, повышая автоматизацию, сохраняет рабочие места, чтобы увеличить объем выпуска продукции или просто из заботы о коллективе, оказывается уязвим, потому что он не обладает такими возможностями, которыми обладало государство, а значит его легко могут загнать в угол конкуренты. И чем меньше собственник — тем более он уязвим в условиях рынка. У мелкого собственника нет достаточных средств пережить кризис, нет возможности брать кредиты под низкий процент и привлекать инвестиции, ему труднее участвовать в тендерах на госзакупки.

Вот так выглядит свобода, которую дали нам демократы.

Нас освободили от государства, которое гарантировало нам работу, зарплату, пенсию, медицинское обеспечение, бесплат-

ное образование, жилье и многое другое. А государство освободили от нас — от обязанности по нашему трудоустройству, обеспечению зарплатами и пенсиями, медицинским обслуживанием, образованием и жильем. Нас освободили от государства, а государство освободили от нас. Освободили, чтобы не отвечать больше за наше будущее. Освободили, чтобы оставить себе только самые лакомые куски — добычу нефти, газа, производство оружия и некоторые другие отрасли с доходностью более 100%.

А когда мы спохватились и стали возмущаться — нам подобрали другого президента с «легкой походкой», который устроил 8 лет потребительского счастья, поделившись с нами доходами от продажи нефти и газа, благо доходы нулевых это позволяли. И еще провел нам Олимпиаду. И присоединил Крым, чтобы порадовать публику.

Нас освободили, чтобы присвоить себе все, что раньше принадлежало нашему государству, то есть всем нам. Что-то они присвоили и распродали сразу. Что-то присвоили и распродавать не стали, потому что оно приносит стабильный доход, как нефтегаз, производство оружия, энергетика и недвижимость. Что-то еще не успели приватизировать (то есть присвоить), но планируют сделать это в ближайшем будущем.

Собственность государства распределили по рукам и вместо одного крупного собственника возникли тысячи относительно небольших и миллионы совсем мелких, с которыми теперь можно делать все, что угодно.

И даже то, что прошло сквозь пальцы у жуликов и оказалось в руках порядочных хозяев, либо было создано трудом людей за последние годы, — можно тем или иным способом отнять, вытеснить с рынка, довести до банкротства, купить. Потому что любой, даже относительно крупный собственник не обладает теми возможностями, которыми обладает государство, а значит, не может защитить свое предприятие. Тем более не может защитить его от разрушительных законов, которые власть способна принимать по своему усмотрению, потому что обладает конституционным большинством в Госдуме.

Вот для этого нас и освободили — чтобы грабить. Чтобы сперва отнять самое большое и самое вкусное, а потом и всё остальное, на что ляжет глаз. Чтобы оставить от 280-миллионного советского народа несколько миллионов чиновников, охранников, военных и сотрудников сырьевых корпораций, которые будут обеспечивать сверхдоход и охранять его, а остальное будут предоставлены самим себе, то есть — свободны, свободны от всего.

Нас освободили, чтобы мы в конечном итоге сами себя чем-то занимали, причем без ресурсов для этого, создавая всё голыми руками. Нас освободили, чтобы мы могли идти в лес, в поле, в пустыню — куда угодно. Или на войну. Даже войну для этого организовали, чтобы было, куда идти *свободным* людям, освобожденным от всего.

Нас освободили, чтобы обнищавший народ одичал и исчез — на войне или спившись в умирающих деревнях — не важно, главное чтобы сократить многомиллионный народ который будет обслуживать вышки, скважины и трубы, а также их владельцев.

Первым этапом сокращения был раздел СССР на независимые республики, многие из которых на данный момент уже разорены и сокращены, что особенно заметно по Украине. В УССР проживало около 50 миллионов человек. Сколько живет на Украине сейчас? Меньше сорока. Из них около четверти одичало и превратилось из людей в свидомых сектантов, нелюдей. Людей осталось едва ли 30 миллионов.

В Российской Федерации проживает чуть более 140 миллионов, но 20 уже считаются нищими, они живут за чертой бедности и фактически выключены из цивилизации. А сколько наркоманов, бездомных, больных СПИДОМ? Если учесть тех, кто фактически выпал из общества из-за нищеты, наркотиков или моральной деградации, нас уже сократили вдвое, а может быть, даже больше. От 280-миллионного государства уже сейчас осталось меньше 100 миллионов, сохранивших человеческий облик и цивилизованный образ жизни.

А промышленность сокращена еще сильнее — в несколько раз. Это значит, что в соответствии с законами рынка число нищих и тех, кто ведет асоциальный образ жизни (алкоголиков, наркоманов, бандитов) будет только расти.

И последние 17 лет стабильности, которые кто-то ставит в заслугу Путину, — это просто период медленного ограбления, который пришел на смену быстрому, потому что грабители поняли, что в 90-е слишком разогнались и «клиент может соскочить». На смену быстрому ограблению 90-х пришел период медленного, но стабильного ограбления, когда народ радуется стабильности, показухе вроде Сколково и Восточного, Олимпиаде, купленной в кредит иномарке, Крыму, «калибрам» и прочему «вставанию с колен». И мы радуемся этому и как бы не замечаем, как нас продолжают грабить. То бишь освобождать.

Вот такая она — *демократическая свобода*.

От прав на получение жилья и от доступных услуг ЖКХ нас освободили. На очереди освобождение от земли.

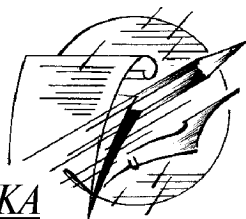
КОТЛЕТА ПО-КИЕВСКИ

Больше двух лет назад (5 сентября 2014 года) был подписан Минский протокол.

С этого момента ведёт свой отсчёт так называемый минский формат — действуют минские соглашения по урегулированию конфликта в Донбассе. Когда их подписывали, стороны могли иметь самые разные планы и испытывать самые разные иллюзии.

В частности, в Москве не исключали, что выполнение соглашений обеспечит настоящую конституционную реформу, предполагающую, среди прочего, федерализацию Украины. Запуск конституционного процесса и перемещение центра тяжести власти в регионы в идеале должны были привести к денацификации Украины за счёт внутреннего ресурса, к сохранению остатков украинской экономики. В результате процесс восстановления не только нормальной власти, но и нормальной жизни занял бы меньше времени и также проводился бы (по крайней мере частично) с опорой на собственную украинскую базу.

Франция и Германия надеялись стабилизировать киевский режим. На пер-

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

вый план должны были выйти системные партии и политики с «человеческим лицом». Боевики нацгвардии должны были частично вписаться в новый истеблишмент, а большей частью вернуться в тюрьмы или в политический андеграунд. Украина должна была превратиться в типичное восточноевропейское государство периода после «бархатной революции», люстрации и декоммунизации. Только не члена ЕС и НАТО и значительно беднее даже Румынии.

В Киеве не скрывали своих надежд, что под давлением санкций Запада Москва либо капитулирует, отказав в поддержке Донбассу и уйдя из Крыма, либо рухнет под тяжестью экономических проблем. Верили, что в России произойдёт цветная революция, что она развалится на части, что украинские «специалисты» поедут в Москву работать министрами, а Киев займётся подсчётом «трофеев», которые и обеспечат процветание ближайших нескольких поколений «героев майдана».

Прочтите материалы киевских «аналитиков» и горепублицистов за 2014 — начало 2015 года, посмотрите записи украинских (там они откровеннее) телепрограмм с участием местных политиков и экспертов. Они не просто надеялись на это. Они не скрывали своей уверенности, что именно так всё и произойдёт, и спорили только о сроках российской капитуляции и объёме причитающихся Украине «трофеев».

В завышенных ожиданиях сторон нет ничего удивительного. Всегда начинающий хоть войну, хоть шахматную партию полон радужных надежд, которые никогда не сбываются полностью. Поэтому важно следить за изменениями обстановки и вовремя корректировать свои амбиции и аппетиты. Неадекватным политик становится не тогда, когда перед началом конфликта рассчитывает на его благополучный исход, а когда советские танки находятся в ста метрах от рейхсканцелярии, верхушка рейха ждёт применения фюрером обещанного «чудо-оружия», а сам фюрер надеется, что «большевистские орды» рассеются как дым под напором «храбрых солдат Венка», которых на самом деле не существует.

Россия адекватно оценила возможности Минска уже после эпического «наступления» украинской армии в январе 2015 года, закончившегося февральской битвой за Дебальцево и подписанным в ночь с 11 на 12 февраля Комплексом мер по выполнению Минских соглашений (который известен как Минск-2). С этого момента минский процесс для Москвы — не столько возможность реформировать Украину руками украинцев и за счёт внутренних украинских ресурсов, сколько способ тянуть время, избегая худшего варианта (срыва украинского кризиса в состоянии кровавой неуправляемой

анархии) и надеясь выиграть на других фронтах и поменять геополитическую ситуацию раньше, чем придётся увязнуть в украинском урегулировании.

К концу 2015 — началу 2016 года бесперспективность надежд на конструктивизацию украинской позиции осознали Париж с Берлином. Стало ясно, что ни к французским выборам (весны 2017 года), ни к германским выборам (осени 2017 года) урегулирование украинского кризиса на основе минских соглашений не удастся продать избирателю в качестве победы Олланда или Меркель. С этого времени Европа также начала играть на затяжку времени, пытаясь параллельно, мелочно торгуясь, менять в пользу Киева трактовку смысла соглашений, с тем чтобы если и не достигать продвижения в реальности, то хотя бы имитировать его и заодно на будущее (на всякий случай) улучшать свои тактические позиции.

На этом фоне позиция Украины страдала внутренним противоречием. С одной стороны, Порошенко и его дипломаты настойчиво пытались дезавуировать Минск-2. Использовался большой арсенал средств.

Во-первых, Киев настаивал на изменении очерёдности выполнения пунктов соглашения, требуя первым делом передать ему контроль над границей, после чего провести местные выборы под контролем ЦИК Украины.

Во-вторых, Украина периодически настаивала на введении в процесс переговоров новых участников — то США, то Польши, то обоих вместе. Понятно, что эти участники играли бы на стороне Киева. К тому же сам факт расширения формата мог служить аргументом для начала переговоров о новом соглашении, так как новые переговорщики не могли бы гарантировать выполнение договорённостей, заключавшихся без их участия.

В-третьих, Порошенко открыто требовал заменить второй Минск третьим, а когда эта идея была блокирована Москвой, попытался организовать пересмотр обязательств под видом принятия «дорожной карты» (почему последняя до сих пор и не разработана).

В-четвёртых, организация провокаций в Донбассе и российском Крыму имела очевидной целью вызвать эмоциональную реакцию если уж не Москвы, то ДНР/ЛНР, после чего срыв минских соглашений можно было бы списать на неконструктивность России и «пророссийских террористов-сепаратистов».

С другой стороны, Киев никогда не переходил грань, за которой продолжение переговоров в Минске оказалось бы окончательно невозможным. Даже возникшая после дивер-

сии в Крыму, повлекшей гибель российских военнослужащих, опасность дезавуирования Россией нормандского формата вызвала истеричную реакцию Киева. Порошенко начал требовать от своих европейских и американских друзей любой ценой вернуть Путина за стол переговоров.

Отметим, что Киев явно мог не опасаться, что официальный отказ от минских пунктов приведёт к немедленному началу военных действий. Армии ДНР/ЛНР имели достаточно сил для устойчивой обороны, но не для наступления. Кроме того, раз уж Украина так хотела нового соглашения, можно было, официально отказавшись от выполнения Минска-2, немедленно предложить детально проработанный проект Минска-3. В этом случае Киев получил бы значительно лучшую переговорную позицию, практически ничем не рискуя.

Во-первых, отказ от Минска-2 Украина могла бы мотивировать тем, что первый Минск также не был выполнен, что не помешало детализировать процесс в рамках второго Минска.

Во-вторых, несогласие России и даже ЕС разговаривать об изменённой форме не отменило бы самих переговоров, просто изменило бы их характер. В этом случае вместо того чтобы обсуждать различия в трактовках минских пунктов четвером (Россия, Франция, Германия и Украина), Париж и Берлин пытались бы вернуть Киев к пунктам второго Минска, одновременно выступая в роли посредников в отношениях с Москвой, добиваясь от последней хоть каких-то уступок (для достижения компромисса). Одновременно в процесс, под предлогом несостоятельности минского и нормандского форматов, могли бы попытаться ворваться Варшава и Вашингтон (или кто-то из них).

В-третьих, факт денонсации Минска Киев мог бы использовать для внутренней пропаганды. Поскольку соглашения были крайне непопулярны среди ориентированного на «идеалы майдана» электората, выход из него воспринимался бы как победа.

Почему же Порошенко занял позицию: «Из минских соглашений не выходить, минские соглашения не выполнять, переговоры затягивать»? Ведь не полагал же он, что Россия (или республики) двинут войска на Киев. В конце концов, Украина организовала достаточно провокаций, чтобы, при желании, это давно уже можно было сделать, причём в строгом соответствии с международными нормами.

Напомню, что оппозиция Минску в майданной политической среде изначально была очень сильной. Практически не было политика, политической силы или значимой общественной группы (кроме самого Порошенко и работающих

на него экспертов), которые не называли бы минские соглашения похабными, унижительными для Украины и не требовали бы «войны до победного конца».

Позиция киевских ястребов была достаточно обоснована. Они резонно считали, что без открытого участия России в военном конфликте у ДНР/ЛНР просто не хватит сил для установления контроля над всей территорией Украины. Следовательно, любые поражения украинской армии на фронте вели бы только к незначительным территориальным потерям. Даже первая задача ДНР/ЛНР — выход к границам областей — не обязательно могла быть выполнена в один этап (скорее в два). При этом ястребы были уверены, что на прямое военное вторжение на Украину Россия не пойдёт, поскольку слишком занята в других местах (например, в Сирии), да и долговременные политические издержки от такого решения были бы слишком велики, а дивиденды проблематичны. То есть ястребы были уверены, что они смогли бы контролировать интенсивность военного конфликта, продолжая удерживать линию фронта вдали от Киева, на восточной Украине.

Поражение подрывало бы авторитет Порошенко как главы государства и верховного главнокомандующего. Заодно фактический выход из минских соглашений снизил бы ценность Петра Алексеевича для партнёров по минскому и нормандскому форматам. Он представляет интерес лишь до тех пор, пока способен удерживать ситуацию на Украине относительно стабильной, что не позволяет гражданской войне выйти за пределы контролируемого кризиса в Донбассе и тормозит сползание украинского государства в состояние анархии и распада. Если же Порошенко оказывается не в состоянии сохранить переговорный формат и кризис вновь переходит в горячую фазу, то зачем с ним разговаривать?

Каждое поражение разлагает армию. В то же время нацистские боевики (как интегрированные в официальные силовые структуры, так и оставшиеся «дикими») лишь сильнее стремятся к реваншу. Растёт их уверенность в том, что все беды от «предательства» в верхах, и если заменить верховного главнокомандующего, начальника генштаба и десятков генералов на «правильных» людей, то ситуация на фронте сразу же изменится в лучшую сторону.

Поскольку же Порошенко как президент опирается на официальные силовые структуры, а боевики (в том числе и входящие формально в состав армии и МВД) — вооружённая опора его оппонентов, каждое военное поражение ослабляет силовые возможности президента, усиливая внутривнутриполитические позиции ястребов.

Наконец, долгое время во внутривластном противостоянии ястребам Порошенко опирался на неформальный союз с оппозиционным блоком. Большая часть доступной финансово-экономической базы представителей этой политической силы сосредоточена как раз в восточных областях (преимущественно на оставшихся под контролем Киева территориях Донецкой и Луганской областей). Сдача этих территорий в результате очередного военного поражения ослабляла бы финансовые возможности внутривластных партнёров Порошенко. Более того, необходимость вернуть утраченные активы толкала бы восточнукраинских олигархов и подконтрольные им политические силы на антипорошковский (это же он не смог удержать территории) союз с ястребами.

Таким образом, ястребы исходили из того, что активизация боевых действий в Донбассе, приведя к потере части территорий (но не к полномасштабной военной катастрофе), резко подорвёт международные и внутривластные позиции Порошенко, его финансовые и силовые возможности, а также уничтожит его авторитет среди умеренных украинских политических сил. Фактически они рассчитывали заплатить разрушенными войной территориями с нелояльным Киеву населением за возможность сместить Порошенко.

Активизация конфликта и внутривластный кризис должны были бы вновь привлечь к Украине внимание потерявшего к ней интерес Запада и обеспечить новому режиму хотя бы на первых порах политическое признание, финансовую помощь и дипломатическую поддержку ЕС, напуганного перспективой срыва ситуации на Украине в бесконтрольную фазу войны всех против всех.

Поэтому пойти на начало активных боевых действий Порошенко не мог. Это быстро вело его к утрате власти. Но он не мог и начать выполнение минских соглашений. Как уже было сказано, в майданной политической среде (а именно она определяет политическую ситуацию на Украине) к этим соглашениям относились как к сдаче национальных интересов и готовы были их терпеть лишь до тех пор, пока они не выполняются. Начало реального выполнения Минска-2 с высокой долей вероятности вело к немедленному смещению Порошенко как «агента Путина».

Поэтому позиция «ни мира, ни войны» была и остаётся единственно возможным для него вариантом. Постепенное же усиление провокаций объясняется необходимостью давать выход энергии нацистских боевиков. Задача Порошенко заключается лишь в том, чтобы они не переходили ту

грань, за которой Россия не сможет не ответить. Поэтому он и испугался реакции Путина на вооружённую провокацию в Крыму. Поэтому он моментально отыграл назад, когда Минобороны РФ пригрозило нанести удары по украинским пусковым установкам, если ракеты во время недавних учений украинской ПВО залетят туда, куда им залетать не положено.

Порошенко понимает, что любой удар России по территории Украины будет использован ястребами для того, чтобы запустить необратимый процесс начала военных действий с предсказуемым быстрым финалом порошковского президентства. Поэтому все украинские провокации проходят по схеме, в которой Порошенко подходит к краю и не делает последний шаг, а ястребы всеми силами толкают его вперёд, чтобы он всё же не удержался и последний шаг сделал.

Порошенко слабеет, постепенно теряя контроль над страной. Остатки административной и силовой вертикали уже не могут обеспечивать адекватное прохождение управленческих импульсов и сигналов обратной связи. С каждым разом ему становится всё труднее удержаться на краю, а ястребы всё серьёзнее перехватывают контроль над организацией, ходом и исходом провокаций. Судя по недавнему заявлению начальника генштаба, пообещавшего, что украинская армия сможет отбиться от России за полторы недели, потеряв 10-12 тысяч человек, Пётр Алексеевич уже не может положиться даже на недавно абсолютно верных, им же назначенных генералов. Фактически данное заявление описывает формат войны, которую собираются организовать ястребы ради свержения Порошенко. Как уже было сказано, они рассчитывают на несколько дней боевых действий, терпимые, хоть и значительные (размером с Крым или два Крыма) территориальные потери и до полутора десятков тысяч погибших военнослужащих.

Перехват инициативы и успешная зачистка оппонентов под соусом введения военного положения как решение порошковских проблем (реальная ещё весной — в начале лета 2016 года) становится всё менее вероятной. Силовые структуры ему просто не подчинятся, а отдельные генералы и офицеры, которые попробуют выполнить приказ, столкнутся с организованным сопротивлением, на подавление которого просто не будет сил. Это снижает опасность сценария, по которому Порошенко попытался бы перехватить у своих оппонентов инициативу начала открытых боевых действий в Донбассе, чтобы использовать тезис о «внешней агрессии» в своих интересах. Фактически следование избранному пути са-

ботирования выполнения минских соглашений, без их официальной денонсации — единственная доступная ему «разумная» модель поведения. Впрочем, на что он может решиться в панике под угрозой вооружённого переворота, предугадать сложно.

«Умеренные» оппоненты Порошенко (Тимошенко, представители Оппозиционного блока и прочих осколков бывшей Партии регионов), в случае, если им каким-то чудом удастся прорваться к власти в ходе свержения Порошенко, должны были бы попытаться выполнить Минск-2.

Они опираются на антивоенный электорат, первые месяцы после прихода к власти любой политик пользуется иммунитетом от критики. Им необходимо не повторить ошибку Порошенко, а для этого надо ликвидировать нацистские банды. Разоружить и рассадить по тюрьмам нацистов можно, только опираясь на армию. Но чтобы использовать фронтовые части во внутривнутриполитической борьбе, фронт должен быть ликвидирован. Более того, даже начало выполнения Минска-2, если оно повлечёт за собой волнения боевиков, позволяет «умеренным» сменщикам Порошенко обратиться за военной помощью к Донбассу. В конце концов, все они (кроме Тимошенко) позиционируют себя как антифашисты, все выступали против карательной операции в Донбассе, их конфликт с боевиками из-за выполнения минских соглашений позволил бы им поставить перед Донбассом вопрос: «Либо вы поможете нам войсками и мы вместе уничтожим боевиков, либо они перебьют нас и опять займутся вами».

Впрочем, вероятность прихода к власти «умеренных» исчезающе мала. У них просто нет необходимой для этого вооружённой поддержки. Вопрос о власти на Украине сегодня решают не результаты выборов, не политические лозунги и не уличные манифестации. Этот вопрос решается «человеком с ружьём». У кого больше ружей, у того и власть.

Так что на центральную власть в Киеве есть всего два реальных претендента: ястреб Аваков и ястреб Турчинов. И тот, и другой, в качестве «человеческого лица режима» могут взять в президенты Яценюка, сами формально оставаясь на своих сегодняшних должностях, позволяющих им контролировать силовой ресурс. Яценюк вновь заручился поддержкой своих лоббистов в американском истеблишменте. Это не значит, что его поддерживает уходящий Обама или приходящий Трамп. Лоббисты Яценюка находятся в рядах либеральных глобалистов, не смирившихся с поражением Клинтон и пытающихся навязать следующей администрации ту же внешнеполитическую повестку, что была в своё время навязана Обаме. Однако

у других украинских политиков нет и такой поддержки за рубежом, нигде нет — ни в США, ни в Европе, ни в России.

С точки зрения устойчивости режима, Авакову и Турчинову имело бы смысл не конфликтовать, разделив сферы влияния и имея в качестве гарантии контроль над своей частью силового ресурса. Однако уже при Януковиче пригодного для разграбления внутреннего украинского ресурса судорожно не хватало на всех, что привело к ускоренной концентрации привлекательного бизнеса в руках президентской семьи. При Порошенко этот процесс ускорился, а ресурс дополнительно истощился. После Порошенко ресурса будет ещё меньше, а банды вооружённых сторонников содержать надо. Кроме того, если Аваков является просто бандитом и готов договариваться с кем угодно (в том числе и в рамках Минска), лишь бы сохранить жизнь и собственность, то Турчинов — идейный нацист и принципиальный русофоб. То есть между ними присутствует идеологическое противостояние, толкающее их на выбор разных политических решений.

В связи с этим наиболее вероятен вариант, при котором свержение Порошенко вызовет силовое противостояние между Турчиновым и Аваковым, по вопросу о том, кто из них будет неформальным лидером. Это противостояние может проходить как при формальном президентстве того же Яценюка, так и за счёт выдвижения каждым своего кандидата в президенты. В таком случае интересно, с кем сыграет Яценюк и кого выберет марионеткой тот носитель силового ресурса, которому Яценюк не достанется. В конечном итоге именно от этого будет зависеть, попытаются ли приходящие к власти после Порошенко радикалы разыграть минскую карту или сразу же дезавуируют соглашения.

Дополнительным фактором хаотизации украинского политического пространства являются региональные элиты. Как минимум, вернувшийся в Днепрпетровск Коломойский, контролирующие Харьков Кернес и Добкин, а также Балага (или кто-нибудь из его местных конкурентов) в Закарпатье способны потребовать формализации своего автономного статуса. Одесская элита как всегда носится с идеей порто-франко и как всегда слишком раздроблена, слишком активно предаёт друг друга и слишком провинциальна, чтобы у неё что-то путное получилось. Максимум, на что она может рассчитывать, — выбор, под чьей властью находиться: Киева или Днепрпетровска. У остатков донецкого клана выбор аналогичный.

Если федерализация не устраивала (по финансово-экономическим причинам) Порошенко, ещё меньше она будет ус-

траивать нацистских радикалов. Региональные элиты имеют некоторые возможности силовой защиты своих интересов в базовых регионах, но эти возможности не бесконечны, и Киев теоретически в силах передуть их поодиночке. Чтобы эффективно противостоять Киеву, им нужна объединяющая идея, дающая одновременно выход на международное политическое пространство, что позволяет легитимировать свои требования.

С этой точки зрения, для региональных элит Минск-2 становится одним из самых доступных способов решения своих проблем. Во-первых, он и так требует от Украины проведения конституционной реформы, имеющей конечной целью федерализацию (которую на действующем киевском политическом жаргоне именуют децентрализацией). Во-вторых, местные элиты могут попытаться (в связи с изменившимися обстоятельствами) распространить действие минских соглашений и на свои регионы. Это автоматически сделает их равными Киеву, где новая власть будет в любом случае иметь проблемы с международным признанием.

Таким образом, в большинстве вариантов развития событий при минимально адекватном поведении киевской элиты Минск-2 сохраняет актуальность как база урегулирования украинского конфликта. Более того, внешние игроки (это касается всех, не только России), инициировавшие Минск-2, объективно заинтересованы не в том, чтобы под амбиции новых украинских лидеров вырабатывать новый формат, а в том, чтобы обусловить возможность любого сотрудничества признанием минского формата.

Поэтому можно предположить, что даже весьма вероятное свержение Порошенко не приведёт к моментальному свёртыванию минского формата. Он станет неактуальным лишь в одном из возможных вариантов развёртывания украинского кризиса — если реальная власть окажется в руках убеждённых нацистов и русофобов (а не их бандитских копий, для которых нацизм и русофобия — лишь обоснование права на грабёж). В таком случае масштабы гражданского конфликта разрастутся настолько, его разрушительные последствия будут столь велики, а опасность для Европы столь несомненна, что минские договорённости просто перестанут отвечать масштабу событий, и участие (даже формальное) номинальных украинских властей в решении судьбы украинских территорий станет невозможным.

Владимир ЮДИН,
доктор филологических наук, г. Тверь

РУССКИЕ ГЕНИИ

Научно-творческое наследие Валерия Васильевича Габрусенко — широко известного педагога, талантливое учёного-изобретателя, автора более 160 опубликованных научных трудов и нескольких книг в области строительных конструкций — пополнилось новой интересной книгой «150 русских гениев», включающей глубоко проработанные главы о ярких светилах русской науки, техники, медицины. Имена многих из них, к сожалению, преданы несправедливому забвению, а то и преднамеренно вычеркнуты либерально-руссофобской публикой из нашей национально-исторической памяти. Некоторые статьи книги увидели свет раньше на страницах новосибирской патриотической газеты «Память Отечества», а теперь, объединённые под одной обложкой, получили новую жизнь.

«150 русских гениев» значительно обогащают наше представление о знаковых деятелях различных областей науки, однако неправильно думать, что труд сибирского автора носит исключительно научно-технический интерес. Напротив, в нём в образно-художественной форме с элементами художествен-

РУССКИЙ МИР

ной публицистики воссозданы живые портреты русских гениальных первопроходцев. Заполняется одухотворяющим смыслом опасный вакуум, который наносит огромный ущерб национальному самосознанию современников, вольно-невольно ставших Иванами, не помнящими своего родства.

Автор закладывает в душах читателей прочную основу русского патриотического духа, гордость за благородные деяния наших предков, поднимает актуальные вопросы мировоззренческого плана, одним из которых является вопрос о национальном достоинстве соотечественников.

Как сообщает В. Габрусенко, он провёл большую изыскательскую работу: вначале составил список персонажей, для чего пролистал весь «Советский энциклопедический словарь», потом находил более подробные сведения о каждом, отсекая тех русских, на гениальность которых претендуют евреи, немцы, поляки и др. Для этого просмотрел «Российскую еврейскую энциклопедию», электронную «Еврейскую энциклопедию», «Еврейскую энциклопедию» Брокгауза и Ефрона, сайты «Знаменитые поляки (немцы, армяне)» и другие сайты подобного направления. В этот список заведомо не включил деятелей литературы и искусства, поскольку критерии их гениальности посчитал расплывчатыми и субъективными.

Первая же фраза книги акцентирует наше внимание на острой необходимости пробудить в русском народе чувство собственного национального достоинства, во многом утраченное за десятки и сотни лет перманентных атак злобных русофобских кругов Запада на Россию. Немало потрудились тут, как известно, и агрессивная «пятая колонна» доморощенных русоненавистников, активно подрывающих корневые устои русской государственности и духовности.

«Любой народ мира говорит о себе, если и не в превосходной степени, то, по крайней мере, с чувством гордости, собственного достоинства и уважения к себе, — пишет автор. — Русские, наверно, единственное исключение. Низкопоклонство перед границей так прочно вбито им в голову ещё со времён Петра I (и продолжает вбиваться поныне), что они считают себя отсталыми и мало на что способными. ... Но если народ не уважает себя, то кто же его будет уважать!..»

Раскрывая богатый нравственный мир, неудержимую устремлённость своих конфиденентов к потрясающим воображение открытиям, поясняя, почему его интересуют гении русские, а не российские, В. Габрусенко заостряет внимание на ключевом русском вопросе, вокруг которого длительное время не умолкают горячие споры: «Во-первых, потому, что люди стали забывать, что есть такая нация — русская (которую, к

слову, «забыли» даже упомянуть в нынешней Конституции РФ. — В.Ю.). Совокупность граждан современной России — это россияне, но притом татар всё-таки называют татарами, чеченцев чеченцами, якутов якутами, одних только русских безлично именуют россиянами. Во-вторых, все остальные народы России и так знают своих гениев. Они считают национальными гениями даже тех, в ком половина русской крови, например, микробиолога И.И. Мечникова и экономиста В.В. Леонтьева, у которых мамы еврейки, а папы русские, и которых евреи считают своими гениями...»

Автор выступает остроумным, доказательным публицистом, оперирующим огромными пластами научных познаний, и тонким стилистом, бьющим не в бровь, а в глаз русоненавистникам разного калибра.

...Зловещая русофобия, как известно, пришла к нам из Средневековья, когда Русь набирала силы, становилась мощным государством и стала частью международного европейской политики, дипломатии, структурным элементом западной методологии «научного» познания, образования, культуры и т.д. За века и десятилетия о «бездарных» и «диких» русских написаны горы статей, книг и прочих псевдонаучных писаний, адресованных в первую очередь молодёжи как наиболее уязвимой части общества.

Костяк оголтелой русофобии заложили незабвенные, безоглядно почитаемые в советские годы (а некоторые и ныне продолжают их почитать) классики марксизма-ленинизма. Так, вождь и учитель революционной демократии К.Маркс с нескрываемым презрением писал: «Московия была воспитана и выросла в ужасной и гнусной школе монгольского рабства. Она усилилась только благодаря тому, что стала *virtuoso* в искусстве рабства. Даже после своего освобождения Московия продолжала свою традиционную роль раба, ставшего господином» (К.Маркс. «Избранные письма». 1953).

Сколько-нибудь общепризнанные героические и созидательные страницы русской национальной истории К.Маркс клеймил рабскими, шовинистическими, ничтожными: «Пётр Великий сочетал политическое искусство монгольского рабства с гордыми стремлениями монгольского властелина, которому Чингисхан завещал осуществить свой план завоевания мира».

Напористо, в виде жестоких безапелляционных приказов, директив и указаний прокламировал свою лютую ненависть к соотечественникам В.И. Ленин, пытавшийся «офилософить» своё патологическое русоненавистничество в статье «О национальной гордости великороссов», видевший главную опасность для социалистических преобразований в рус-

ских трудовых крестьянах — «кулаках», в патриотической интеллигенции, в русском офицерстве, священнослужителях, подвергнувшихся тотальному уничтожению.

Создатель первых в мире концлагерей, омерзительный в своей беспощадной русофобии революционер Лев Давидович Троцкий (Бронштейн) мечтал о превращении России «в пустыню, населённую белыми неграми», вынашивал бредовую идею о «мировом костре революции», в котором главное место для повального сожжения уготовил опять-таки несчастным русским.

29 января 1918 г. его «товарищ по оружию», Председатель ВЦИК Янкель Свердлов подписал душегубскую директиву Оргбюро ЦК ВКП (б) «О расказачивании казачества», в которой дано указание поголовно физически истребить всех казаков Дона и Кубани, включая и «ненадёжное контрреволюционное» крестьянство.

Нет числа этим обезумевшим, лживым и кровавым упырям — садистам, жестоко погубившим миллионы невинных жертв ради утверждения своей якобы «рабоче-крестьянской» власти.

Глубоко чтимый в советском литературоведении и критике революционер-демократ XIX века Николай Чернышевский тоже не жаловал русских, хотя сам по крови был русским, нещадно их клеймя: «Жалкая нация, нация рабов, сверху донизу — все рабы» (Н.Г. Чернышевский. ПСС, т. XIII, 1949, с. 197).

Вышедший из социальных низов, но попавший под идеологический пресс большевистских догм, писатель-гуманист Максим Горький в марте 1918 г. в газете «Новая жизнь» №43 вторил Чернышевскому: «Русский народ, в силу условий своего исторического развития, — огромное дряблое тело, лишённое вкуса к государственному строительству и почти недоступное влиянию идей, он горит плохо, воняет Русью, грязной, пьяненькой и жестокой...»

«Бессмертное дело» антинациональной ненависти своих неуёмных радикал-революционных предшественников сегодня поднимают на щит доморощенные неолибералы, сытно подкармливаемые из западных кормушек. Лицемерно декларируя пресловутую мультикультурность, они тотчас забывают о толерантности, как только дело касается России и русских. Это они страстно жаждут угодить своим закордонным хозяевам, лишить Россию национально-государственной независимости, вбивают в головы доверчивых граждан клеветнические бредни, будто только в России процветают дикость, пьянство, рабство и... даже фашизм. Мол, цивилизация это не у нас, а там, на цветущем Западе. Не секрет, западные умники не скрывают своих алчных вожделений

«европеизировать» Россию, постоянно держат её на мушке. Громогласно декларируемые ими «свободы» и «права человека» их вовсе не интересуют, им нужны деньги, территория, ресурсы нашей страны. Как заметил президент Академии геополитических проблем, генерал-полковник Л.Г. Ивашов: «Усыхающая Европа — не цивилизация. По всем признакам это антицивилизация».

Опасность состоит в том, что, попав в сети русофобского Запада, российский либерализм стал последним оплотом глобализма и евроатлантизма в России, снобистски возмнил себя неуязвимым и «вечным» в общественном сознании, тогда как всё более крепнут и множатся противостоящие ему национально-патриотические силы.

Конституционные преобразования следует начинать с утверждения русских как государствообразующего народа, что отнюдь не ограничивает правового статуса других коренных народов и наций России. Однако русского народа юридически как бы вовсе и не существует, ибо нет ни одного нормативного акта, из которого явствовало бы, что в Российской Федерации есть такая национальность — русские. Русский народ упоминается только в статистических результатах переписи населения, из чего логически вытекает, что русский народ — юридически непризнанный народ в собственном Отечестве. Составителями законов проигнорирован факт, что в общем населении страны русские занимают выше 80%. Тогда как все другие национальности, проживающие на территории России, юридически признаны в конституциях республик, входящих в состав РФ, в названиях республик, а малочисленные народы юридически признаны в Едином перечне коренных малочисленных народов РФ. Налицо очевидное утеснение русских граждан по национальному признаку.

В этом контексте трудно переоценить просветительское и воспитательное значение книги В.Габрусенко, цель которой — показать, что Россия была, есть и будет страной высокой культуры, пламенного патриотического чувства, святой православной веры и всепобедной научно-технической мысли. За такую Россию надо всеми силами бороться, как боролись и героически умирали наши достославные предки.

Ненавистники нашей великой родины пытаются замолчать или начисто вычеркнуть из памяти потомков имена русских гениев, оставивших яркий след в мировой истории. Так, нынче каждый мало-мальски начитанный школьник уверенно скажет, какую выдающуюся роль сыграл в разгроме гитлеровских оккупантов наш лучший в мире средний танк Т-34. Но, согласитесь, редко кто назовёт имя его создателя — Ми-

хаила Ильича Кошкина, которому В. Габрусенко посвятил большую главу. А уж о самолётах, казалось бы, всё знают. Но много ли мы знаем об А. Ф. Можайском — выдающемся изобретателе первого в мире самолёта? О нём столь же интересно повествует автор.

Если имена А. Ф. Можайского и Н. Е. Жуковского ещё можно встретить в справочной литературе, то имя Бориса Николаевича Юрьева уж точно забыто. «Но без того, что сделал Юрьев, немыслимо всё современное вертолётостроение — он создал теорию и разработал принципиальные решения конструкции вертолётов», — пишет В. Габрусенко.

Все наслышаны о хитроумной системе передвижки огромных городских зданий. Но кто особенно в ней отличился? Оказывается, простой русский плотник, местный умелец Дмитрий Петров, имя которого «забыли» зафиксировать энциклопедии. И ему нашлось место в книге «150 русских гениев».

Автор чётко и недвусмысленно отвечает на вопрос: почему среди русских гениев, ставших персонажами книги, оказалось так много создателей великолепного русского оружия: «Потому что главной задачей, можно сказать, национальной идеей на протяжении всей нашей истории была оборона от алчных охотников до русской земли...»

В самом деле, если обозреть сколько-нибудь полно многовековую историю нашей Родины, увидим, что на мирные годы её созидания и развития приходится несравнимо малая толика. Всё остальное — вынужденная защита от разорительных, кровавых нашествий иноземных пришельцев. «Мы не изобретали резиновых жвачек, зонтиков и макинтошей. Нам было не до них, — восклицает В. Габрусенко. — Мы были вынуждены одной рукой держать плуг, а в другой — меч. Поэтому созданию достойного оружия мы отдавали все свои лучшие силы. Поэтому в этой области ярче всего и проявились русские технические гении».

Согласитесь, достойный ответ русского учёного-просветителя на гнусные, оскорбительные выпады европейских недругов, беспрестанно обвиняющих нас в «великодержавном шовинизме», «милитаризме», «антисемитизме» и прочих высосанных из пальца «измах».

В. Габрусенко пишет: «Если, прочитав или хотя бы просмотрев эту книгу, читатель скажет: «Я и не знал, что так много гениев!», а потом задумается: «Как же могла нация пьяниц и рабов освоить самые суровые в мире земли, создать экономику (ещё недавно одну из мощнейших в мире), передовую науку и технику, высокое искусство?», то автор будет считать свою задачу выполненной. Ну а если читателя заинтере-

суют какие-либо отдельные герои книги, и он займётся подробным изучением их жизни и творчества, то автор будет удовлетворён вдвойне».

Думаю, спектр применения ценной книги много шире: ей самое место в школьных и вузовских библиотеках, на уроках в средней школе, в студенческих аудиториях, в военных училищах и академиях. Ведь, не секрет, что в обучающих программах общеобразовательных школ начисто отсутствует воспитательный национально-патриотический компонент — это прямое следствие тех разрушительных реформ последних десятилетий, что буквально опрокинули наше когда-то самое передовое, качественное образование в глубокую бездну..

Хотелось бы видеть книгу В. Габрусенко в руках учителей, преподавателей высшей школы, военнослужащих, каждого, кто бережно хранит наш русский национальный дух и не утратил веры в возрождение Отечества. Умный, устремлённый к решению высоких морально-нравственных задач педагог всегда найдёт оптимальные способы и приёмы использования доброй книги в благородных воспитательных целях.

Автор поясняет, почему он ограничился 150 русскими генериями, хотя, как известно, ими не исчерпывается наш богатейший национальный мир научных знаний: «Это для ровного счёта. Вообще-то в первоначальном списке у меня было около 400 персоналий, но тогда книга получилась бы неподъёмной — не столько по весу, сколько по стоимости».

«Книга издана на мои средства мизерным тиражом (на большой тираж денег не было), — признаётся В. Габрусенко. — Она быстро разошлась по знакомым и библиотекам. Если кто-то сможет разместить её на каком-либо сайте для всеобщего пользования (а желательно — и для бесплатного скачивания), буду очень признателен».

Из книги, испокон веку призванной внушать человеку чувства добрые, прекрасные, вечные, сделали доходный, нередко несуразно пошлый товар. Бизнес на книге — что может быть нелепей и кощунственней?! Однако этот горе-бизнес процветает, на нём наживают капиталы, заколачивают состояния, причём пронырливых дельцов мало заботит острейшая проблема падения нравов, опасного духовного разложения молодёжи и общества в целом. А те произведения русской литературы и искусства, что ещё сохраняют и утверждают подлинные, традиционные ценности наших предтеч, буквально замурованы непробиваемыми стенами пустой и вредной макулатуры.

Приведу только один показательный пример. В недавней телепередаче Андрея Караулова «Момент истины» был показан публичный дом, созданный в Москве для несовершенно-

нолетних (!) школьников и школьниц. Дальше ехать и ниже падать, как говорится, уже некуда...

Вспоминаю в этой связи более чем актуальные, пророческие стихи выдающегося русского поэта Анатолия Передреева:

*Всё беззащитнее душа
В тисках расчётливого мира,
Что сотворил себе кумира
Из тёмной власти барыша...*

Но в то же время вспомним, что постановлением правительства Российской Федерации от 30 декабря 2015 г., № 493 принята шумно разрекламированная Государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016 — 2020 годы», на реализацию которой выделены немалые бюджетные отчисления. Так в чьих же бездонных карманах оседают эти деньги, если русская патриотическая журнально-газетная периодика и книжная печать лишены государственной поддержки в отличие от либеральных изданий, нередко нашпигованных русоненавистническим бредом и буквально купающихся в бюджетных ассигнованиях?..

И неужели государство в лице министерства культуры или министерства образования не способно издать уже готовую книгу «150 русских гениев» массовым тиражом?! Во благо и во имя духовно-нравственного воспитания наших сограждан.

Андрей СОШЕНКО

НУЖЕН ЗАКОН «О РУССКОЙ НАЦИИ»

Думается, что соборными усилиями на ближайшую временную перспективу отбита попытка либерального лобби (в данном случае — в лице Кириенко, Михайлова, Тишкова) разработки и принятия Закона «О российской нации».

Удивительным образом последняя «инициатива» создания «русской нации» совпала с назначением первым заместителем руководителя администрации президента России Сергея Кириенко, вступившего в должность 5 октября 2016 года.

Напомним еще раз, что главным сегодняшним глашатаем разработки закона о российской нации является Вячеслав Михайлов, бывший в 1995—2000 годах как раз министром того самого Министерства по делам национальностей и федеративных отношений, которое тогда многое сделало для реального формирования «российского народа». Он один из авторов понимания «нации» в контексте «единой политической гражданской нации». «Гражданской нации» в смысле, по сути, «плавильного котла». Он же позже руководил рабочей группой по разработке **Стратегии государственной национальной политики**, которая реализуется сейчас. И в контексте этой стратегии в августе 2013 года была принята программа «**Укрепления единства российской нации и этнокультурное развитие народов России на 2014—2020 годы**». Этой программой укрепляются все народы, кроме русского. Совершенно очевидно, что понятие «российская нация» в современном законодательстве утвердилось благодаря либеральному крылу в правящих кругах России. Практика показала, что «российскую нацию» такого рода документами, как «программа», не протолкнуть. Потому-то и понадобился либералам более высокий уровень закрепления правовой нормы — закон.

Центральные средства массовой информации, умалчивая о массовом возмущении русской общественности по этому поводу, всё же не смогли обойти вниманием заявление кинорежиссера и депутата Государственной думы Станислава Говорухина, который назвал слово «россиянин» отвратительным и отметил, что жители России много веков называли себя именно русскими. В том же духе, чуть мягче, высказался и член Совета Федерации Алексей Пушков.

Надо сказать, что против «россиянской инициативы» поднялась не только русская общественность, но и элиты национальных республик. Так, еще лет десять назад Рамазана Абдулатипова можно было причислить к либералам, учитывая его выступления и многочисленные работы по национальному вопросу того времени. Но практическая деятельность на посту руководителя республики, видимо, заставила его перейти на государственнические позиции. Отрадно. Теперь он совершенно верно заявляет, что закона о российской нации «*в природе существовать не может*».

Была уже в свое время у нас «гражданская нация» в лице «советского народа», который в значительной степени обезличивал русский народ. Налицо попытка ренессанса не только ленинских и хрущевских времен, но и 90-х годов. Ельцин тоже любил обращаться к соотечественникам: «Дорогие россияне!»

В реальном своем воплощении вся эта политика «российской нации» и «толерантности» в национальном вопросе на-

правлена на «переплавку» русских в «россиян», а все остальные народы в основном остаются самими собой. Прикрываясь тезисом о дружбе народов, осуществляется поддержка и развитие национальных общин и диаспор, формируется «мультинациональная» русофобская среда в российских регионах. Сами же народы республик в составе России также от «россиянства» кроме вреда ничего не получают. Наконец-то, в массе своей, они стали понимать опасность обезличивания своих народов и снижения реального статуса русского народа. Спекуляции «суверенитетов» на них действуют всё в меньшей степени.

Гражданское единство людей уже является высокой категорией, но не относящейся к народу, нации. Единение граждан в «российском гражданстве» — дело хорошее. Можно даже говорить о российской государственной идентичности, но не в контексте «нация» или «народ». Смешение понятий «гражданство» и «нация» очень дорого стоит, отражается на судьбе государства, народов, всего Русского мира. Есть русский народ и народы России. С точки зрения успешности государства — достаточное и необходимое условие, «цветущее разнообразие».

Часто из уст либералов звучат примеры американской гражданской нации в качестве чуть ли не универсального опыта. Во-первых, неизвестно чем весь этот «универсальный опыт» у них закончится. Есть все основания предполагать, что — коллапсом для США. Причем не таким уж далеким. А во-вторых, Россия, как известно, не Америка. И сделать из России «маленькую Америку», подотчетную большой, — розовая мечта либералов. Вся история России — в дружеском взаимодействии народов, людей разных национальностей, но не в ассимиляции и «плавильном котле».

Но если Россия — не Америка, то, может быть, — Европа?

Мы являемся свидетелями того, как Европа с катастрофической быстротой утрачивает свою идентичность. Вот и нам, России, изнутри подбрасывают подобные идейки. Основную роль в неослабевающем процессе потери идентичности для России играет внедрение чужеродных культурных кодов посредством неуправляемого миграционного процесса, ориентацией на построение «российской нации» в сочетании с продолжающимися проблемами в сферах культуры и образования, ювенальной юстицией и «дебилизацией» населения посредством ТВ, интернет-ресурсов и общением к т.н. «высоким идеалам» «новой» культуры.

Если проблема сегодняшней Европы в том, что она не проводит самостоятельной внешней политики, то проблема России — в том, что она не проводит в полной степени самостоятельной внутренней политики. Все реформы внутри страны — до сих пор по лекалам и мотивам «цивилизованного Запада», который сам в настоящее время трещит по швам.

Короче, Россия — не Америка и не Европа. Ну и не Азия, кстати, тоже. Русь, Россия, СССР и вновь Россия — это государство русских и всех иных народов, скрепленных государствомобразующим русским народом. Россия — это Русский мир. А Русский мир — и внутри России, и в ближнем, и в дальнем зарубежье. Таким образом, уместнее говорить о необходимости разработки и принятии **Закона «О русской нации (русском народе)»**.

Кстати, в определенном смысле «нация» и «народ» — синонимы. Только нация находится на более высоком уровне, это понятие более высокого культурного и геополитического смысла.

Именно в русскости, а не в российскости перспектива объединения в единое государство России, Новороссии и Малороссии, Белороссии и Казахстана, ДНР и ЛНР, Молдавии и Приднестровья. Если здесь, в России, русские превратятся в «россиян», то с кем объединяться русским из других потенциально русских государств? А также русским из дальнего зарубежья и из всего Русскому мира? Если в России, оказываются, не русская нация, а «российская», то к какому национальному сообществу отнести русских за рубежом? Особенно, если эти русские переселенцы не из районов России, а, скажем, из Украины или Молдовы?

А что такое русскость? В этом вопросе надлежит отталкиваться от определения XVIII Всемирного Русского Народного Собора о русской идентичности. И с культурной точки зрения, и с этнической — всё в том определении. Чуть в упрощенном виде: русский — это человек, считающий себя русским, говорящий и думающий на русском языке, признающий Православие основой духовной культуры (но не обязательно православный). И неправославным этническим русским не отказывается в русскости, потому как всегда такой человек потенциально имеет возможность стать православным по духу. И любой этнически нерусский, приобщаясь к русской культуре, может стать русским в этом совершенно верном понимании русской идентичности. Если русские, как известно, вбирали в себя нерусских этнические, не по крови, а по состоянию души, то это есть главное обоснование того, что русские и есть нация.

А как быть тем, кто пока не считает себя в России русским? Гордиться своей национальностью, своей принадлежностью к своему народу и быть полноправным гражданином России, патриотом России. По мере приобщения к русским ценностям никто не запрещает ему стать русским. Впрочем, никто и не заставляет.

Относительно же соотношения «русский — российский» можно сказать следующее. Совершенно верно многие совре-

менные русские мыслители и публицисты соотносят понятие «русский» и «российский» как очень близкие, почти синонимы. «Рус» — исторически русское название. Это уже при большевиках слово «русский» стало обозначать именно этнос, а в качестве общего понятия они использовали слово «советский». «Рос» — тоже исторически русское понятие, но греческой транскрипции. Широкое распространение слово «российский» приобретает в Петровскую эпоху. Но самое главное — какое понимание «россиянство» приобретает в ельцинское время. Именно такое «россиянство» имеют в виду сегодняшние либералы, инициаторы разработки закона о т.н. «российской нации».

Русская нация (народ) и российская нация (народ) должны быть для нас в идеале понятиями идентичными. Но только в идеале. На настоящем историческом отрезке — понятие «российский» не несет в себе русскости. Советская практика и особенно практика девяностых и нулевых годов внесли сумбур в это соотношение, размыли русский дух государственности.

Вот когда в стране на всех центральных уровнях будет, что называется, настоящая русская власть, тогда и можно поставить знак равенства между «рус» и «рос». Но тогда и «песня» будет другая, и инициаторы и разработчики правовых норм будут другие, заслуживающие доверия.

Поэтому сначала нужно определить и закрепить истинное понимание русскости, значения русского народа для государства, а уже затем к этому пониманию подтягивать «российскость». Но не наоборот. Если наоборот, то и последняя русскость, скрепа государственности, растеряется в этой войне смыслов.

И ничего не изменит, а только ухудшит положение вещей, если, как предлагают некоторые, будет закон о т.н. «российской нации», а внутри его будет «прописано» о значении русского народа. Все равно русскость будет под «россиянскостью» в понимании либералов. И каждый раз, как только кто-то заговорит о русскости, о национальном духе или о Русском мире, ему, как молотком по голове, либералы будут бить: «Закон России определил систему, градацию, россиянство превыше русскости!» Ну и с ещё большей «юридической обоснованностью» будут напоминать о 282-й статье.

Еще раз повторяю: должен быть **Закон «О русской нации (русском народе)»!** Вот тогда все приоритеты выстроятся верно.

Андрей ИВАНОВ,
доктор исторических наук

ЕЩЕ ОДИН «СПАСИТЕЛЬ» РОССИИ

Михаил Владимирович Родзянко родился 9 февраля 1859 года в Екатеринославской губернии в семье богатого мало-российского помещика, полковника гвардии. Окончив Пажеский корпус (1877 г.), Михаил Родзянко в чине корнета был выпущен в один из самых привилегированных полков Русской Императорской гвардии — Кавалергардский. Однако кавалергардская служба продолжалась недолго — уже в 1882 году поручик Родзянко вышел в запас гвардейской кавалерии. Женившись на княжне А.Н. Голицыной, Родзянко решил нарушить семейную традицию (его отец и дед дослужились до генеральских чинов) и посвятить себя семейной жизни, ведению сельского хозяйства и участию в деятельности дворянских организаций. Как и многие видные представители русского дворянства, он состоял уездным предводителем дворянства (1886—1891 гг.), удостоился пожалования в камер-юнкеры (1892 г.), а затем — в камергеры (1902 г.); руководил работой Екатеринославской губернской земской управы (с 1900 г.) и к 1905 году получил чин «штатского генерала» — действительно-го статского советника.

УРОКИ ИСТОРИИ

Занимаясь земской деятельностью, М. В. Родзянко сблизился с представителями либерально настроенного дворянства Д. Н. Шиповым и М. А. Стаховичем, став наравне с ними в революционном 1905 году одним из основателей умеренно-либеральной партии — «Союза 17 октября». В отличие от левых либералов — кадетов октябристы были поначалу значительно умереннее в своих требованиях и конфронтации с властью предпочитали сотрудничество с ней. Названная в честь царского Манифеста 17 октября, ознаменовавшего, по мнению октябристов, вступление России на путь конституционной монархии, партия, представленная преимущественно чиновниками, помещиками и крупной торгово-промышленной буржуазией, желала стать политическим «центром», борющимся как с реакцией, так и с революцией. Но со временем октябристы проделали заметный крен влево, солидаризовавшись с другими либеральными партиями.

Ринувшийся в «большую политику» М. В. Родзянко не был ни теоретиком, ни публицистом, ни ярким оратором (современники, как правило, отмечали слабость и банальность его речей). Это был достаточно прагматичный «барин», использовавший ресурс партии как для отстаивания интересов крупного бизнеса и землевладельцев, так и для саморекламы. В 1906 году Родзянко был избран членом Государственного совета от Екатеринославского земства, но в «верхней палате» не задержался, сложив с себя полномочия в связи с избранием в 1907 году в Государственную думу. Как справедливо отмечает историк И. Л. Архипов, *«в Думе Родзянко звезд с неба не хватал, хотя и занимал ответственные позиции»*: возглавлял думскую земельную комиссию, полностью поддерживавшую аграрную политику П. А. Столыпина; после того, как лидер октябристов А. И. Гучков был избран председателем III Думы, — возглавил бюро фракции; а после сложения Гучковым с себя председательских полномочий Родзянко в качестве компромиссной фигуры голосами октябристов и кадетов был избран председателем Думы (1911 г.).

Избрание председателем III Государственной думы сделало М. В. Родзянко довольно популярной в обществе фигурой. Его внушительный грузный вид (сам Родзянко, представляясь наследнику, в шутку назвал себя *«самым большим и толстым человеком в России»*), громкий бас и бросавшаяся в глаза многим самовлюбленность привели к появлению целого ряда прозвищ, отпускавшихся по адресу председателя Думы. С. Ю. Витте язвительно замечал, что *«главное качество Родзянко заключалось не в его уме, а в голосе — у него был отличный бас»*.

Кадетский лидер П.Н. Милюков вспоминал: «Сличностью М.В. Родзянко на видном посту председателя Думы мы встречаемся здесь впервые — и она провожает нас вплоть до наступления революции. Незначительная сама по себе, она приобретает здесь неожиданный интерес. И прежде всего, естественно, возникает вопрос, как могло случиться, что это лицо, выдвижение которого символизировало низшую точку политической кривой Думы, могло сопровождать эту кривую до ее высшего взлета. М.В. Родзянко мог бы поистине повторить про себя русскую поговорку: без меня меня женили. Первое, что бросалось в глаза при его появлении на председательской трибуне, было — его внушительная фигура и зычный голос. Но с этими чертами соединялось комическое впечатление, прилепившееся к новому избраннику. За раскаты голоса шутники сравнивали его с «барабаном», а грузная фигура вызвала кличку «самовара». За этими чертами скрывалось природное незлобие, а вспышки напускной важности, быстро потухавшие, дали повод приложить к этим моментам старинный стих: «Вскипел Бульон, потек во храм...». «Бульон», конечно, с большой буквы — Готфрид Бульонский, крестоносец второго похода». При этом, добавлял Милюков, «в сущности, Михаил Владимирович был совсем недурным человеком. Его ранняя карьера гвардейского кавалериста воспитала в нем патриотические традиции, создала ему некоторую известность и связи в военных кругах; его материальное положение обеспечивало ему чувство независимости. Особым честолюбием он не страдал, ни к какой «политике» не имел отношения и не был способен на интригу. На своем ответственном посту он был явно не на месте и при малейшем осложнении быстро терялся и мог совершить любую оплошность».

А острый на язык В.М. Пуришкевич отозвался на избрание нового думского председателя ироничной эпиграммой:

*Родзянко Думе не обуза,
Но, откровенно говоря,
Нам головой избрали пузо —
Эмблему силы «октября».*

(При этом и сам Пуришкевич отдал свой голос за Родзянко, написав на листке для голосования следующий экспромт: «Хоть на лицо, хоть наизнанку, / Переверни кругом Родзянку, / А как не бейся, хошь, не хошь, / Другого лучше не найдешь»).

Позиционируя себя как «убежденного монархиста», на практике Родзянко был гораздо большим конституционалистом и парламентаристом. Не стремясь к революции, он ратовал за эволюционное изменение государственного строя

путем либеральных преобразований, выступая за конструктивное сотрудничество с властью там, где оно возможно, и ответственную оппозицию там, где этого требовали принципы его партии. Свое политическое кредо Родзянко сформулировал следующими словами: *«Я всегда был и буду убежденным сторонником представительного строя на конституционных началах, который дарован России великим Манифестом 17 октября 1905 года, укрепление основ которого должно составить первую и неотложную заботу русского народного представительства»*.

Пользуясь правом личного доклада Императору, Родзянко активно включился в борьбу с Г.Е. Распутиным, в котором видел чуть ли не главное «зло», губящее монархию. Уже после революции Родзянко продолжал утверждать, что *«начало разложения русской общественности, падение престижа царской власти, престижа и обаяния самой личности царя роковым образом связаны с появлением при русском дворе и его влиянием на жизнь двора Григория Распутина»*. При этом Родзянко не понимал или не хотел понять, что своим активным участием в антираспутинской истерии он отнюдь не укреплял монархию, а наоборот, расшатывал ее. Не без пафоса Родзянко заявлял: *«Мы, монархисты, больше не можем молчать»*.

Очень примечателен в этом плане разговор Родзянко с духовником Царской семьи протоиереем Александром Васильевым, канонизированным ныне Церковью. Учитывая характер мемуаров Родзянко, есть серьезные причины сомневаться в том, что этот разговор происходил именно в такой форме, но важно не это. Куда интереснее в плане характеристики взглядов председателя Государственной думы его трактовка этого разговора:

«...Я вызвал отца Васильева. Он передал мне, что императрица Александра Федоровна поручила ему высказать мне свое мнение о старце:

— Это вполне богобоязненный и верующий человек, безвредный и даже скорее полезный для царской семьи.

— Какая же его роль особенно по отношению к детям в царской семье?

— Он с детьми беседует о Боге, о вере.

Меня эти слова взорвали:

— Вы мне это говорите, вы, православный священник, законоучитель царских детей. Вы допускаете, чтобы невежественный, глупый мужик говорил с ними о вере, допускаете, чтобы его вредный гипноз влиял на детские души? Вы видите роль и значение в семье этого невежественного сектанта, хлыста, и вы молчите. Это преступное попустительство, измена вашему сану

и присяге. Вы всё знаете и из угодливости молчите, когда Бог дал вам власть как служителю алтаря открыто бороться за веру. Значит, вы сами сектант и участвуете в сатанинском замысле врагов царя и России — забросать грязью престол и церковь».

Многим бросались в глаза напыщенность и самомнение председателя Думы, которого Пуришкевич как-то метко сравнил с индюком. Газеты писали о том, что Родзянко устраивал скандал из-за того, что его не узнал городской и не отдал ему честь, что в поезде ему предоставили не подобающее статусу место. Не был чужд Михаил Васильевич и приписывания себе «особого влияния» и подчеркивания своей роли, реальной или мнимой, в решении тех или иных государственных вопросов. Впрочем, как отмечает его биограф И.Л. Архипов, *«Родзянко избегал публичных выступлений, позволяющих причислить его к вождям оппозиции»*. *«Но фактически, — продолжает историк, — он оказывался знаменем либерального думского большинства, которое становилось всё более критично настроено по отношению к исполнительной власти»*. Поэтому нет ничего удивительного, что в IV Государственной думе М.В. Родзянко снова был избран в председатели от объединенной оппозиции.

Пиком влиятельности Родзянко стало время Первой мировой войны. Олицетворяя собою народное представительство, он стал восприниматься как некий символ провозглашенного в 1914 году «священного единения». Однако единение парламента с властью оказалось недолгим, и вскоре сам Родзянко активно включился в политическую борьбу, заняв в ней сторону либеральной оппозиции. Он критиковал решение Императора стать Верховным главнокомандующим, требовал отставки консервативно настроенных министров: В.А. Сухомлинова, Н.А. Маклакова, И.Г. Шегловитова, обер-прокурора В.К. Саблера и председателя Совета министров И.Л. Горемыкина; участвовал в создании Прогрессивного блока, став одним из его лидеров. Как вспоминал В.В. Шульгин, *«монументальный Михаил Владимирович Родзянко, самой природой предназначенный для сокрушения министерских джунглей... несет свой авторитет председателя Государственной думы с неподражаемым весом. <...> «Цукать» министров с некоторого времени сделалось его потребностью»*. При этом особы Императора Родзянко всё же требовал от оппозиции в своих нападках не касаться. *«Открыто <...> в своих речах в Думе — мы бранили министров... При этой травле, однако, не переходили конституционной грани и не затрагивали монарха... Это было основное требование Родзянко», — утверждал тот же Шульгин*.

Вместе с тем, играя роль посредника между Думой и монархом, Родзянко уговаривал Императора не слушать правых и ни в коем случае не учреждать диктатуры. «Спасать» страну от революции Родзянко предлагал Государю по следующему рецепту: «...*Дайте ответственное [перед Думой] министерство. Вы только расширите права, которые Вы уже дали конституцией, но власть Ваша останется неизблемой. Только ответственность будет лежать не на Вас, а на правительстве...*»

«Без него (т.е. Родзянко. — **А.И.**) не могло обойтись ни одно крупное событие, ни одно торжество, ни одна правительственная манифестация, — вспоминал В.Б. Лопухин. — *Вернее, он не мог, не считал себя вправе их обходить. Везде тут как тут. Всюду внедрялся. Председатель Государственной думы, «выразитель народной воли», второе лицо в России после царя, каким Родзянко мнил себя и пытался поставить, считая, что и по интеллектуальным своим качествам, помимо всего прочего, он на голову выше всех своих современников. Такова была мания грандиоза, никогда умом не блиставшего, а с войною окончательно свихнувшегося думского председателя, с некрасивым щетинистым лицом, вечно небритого (что придавало ему вид и плохо умытого), телом сырого и грузного. Никогда не приходилось слышать, чтобы где-либо существовал другой такой беспокойный председатель законодательной палаты. Резвостью и распространенностью он превосходил севильского Фигаро. И всех-то поучал: и министров, и царя, и царицу со тщетностью, не уступавшею назойливости. Смешною, а когда затянется, и скучною была болтовня Родзянко, псевдопатриотическая, неумело снабжавшаяся шаблонными эффектами дикции и жестов. Большое участие в его речах, произносившихся с модуляциями голоса сказателя древних былин, принимал указательный перст думского председателя. Он подчеркивал устремлением вверх важность выдвигающихся моментов. <... > Да, всех Родзянко поучал. Одного себя поучить упустил из виду».*

Как отмечал П.Н. Милюков, «председатель Думы со своей стороны не переставал докучать царю своими докладами о тяжелом положении внутри страны и на фронте. Царь его не любил; Маклаков — ненавидел. Но по своему положению Родзянко выдвигался на первый план в роли рупора Думы и общественного мнения. «Напыщенный и неумный», — говорил про него Маклаков. «Напыщенным» Родзянко не был; он просто и честно играл свою роль. Но мы его знаем: он «вскипал», надувался сознанием своей великой миссии и «тек во храм». «Неумен» он был; в своих докладах, как в своих воспоминаниях, он упрощал и утрировал положение — вероятно, и под влиянием Гучкова. Паникерство было ему свойственно».

Был Родзянко посвящен и в заговор, зревший против Им-

ператора. Рассказывая в своих мемуарах о прозвучавшем в 1916 году у него на квартире призыве генерала А.М. Крымова к государственному перевороту и одобрительной реакции некоторых думских депутатов, Родзянко утверждал, что сам он поспешил возразить на это следующими словами: *«Вы не учитываете, что будет после отречения царя... Я никогда не пойду на переворот. Я присягал... Прошу вас в моем доме об этом не говорить. Если армия может добиться отречения, — пусть она это делает через своих начальников, а я до последней минуты буду действовать убеждениями, а не насилем...»* Однако, во-первых, словам этим, написанным в эмиграции, когда итог революции был уже у всех перед глазами, и поправевшая эмиграция искала виновников крушения привычного мира, есть основания не доверять. А во-вторых, даже если допустить, что Родзянко не выгораживает себя и не лукавит, назвать его слова «верноподданническими» нет никакой возможности: о заговоре, обсуждавшемся у него на квартире, он Императора в известность, естественно, не поставил, да и саму идею переворота, как видим, не отметал, предлагая лишь не втягивать в это его, но позволяя действовать военачальникам.

Показателен в этом плане и другой фрагмент воспоминаний Родзянко. Когда Великая княгиня Мария Павловна заявила ему о том, что Императрицу надо... уничтожить, председатель Думы, якобы ответил ей так: *«Ваше высочество, <...> позвольте мне считать этот наш разговор не бывшим, потому что если вы обратились ко мне как к председателю Думы, то я по долгу присяги должен сейчас же явиться к государю императору и доложить ему, что великая княгиня Мария Павловна заявила мне, что надо уничтожить императрицу»*. Таким образом, вполне отдавая себе отчет в том, что участие в таких беседах и плохо скрываемое сочувствие им является для председателя Думы преступным, Родзянко почему-то не считал нужным следовать долгу присяги в том случае, если подобные разговоры признать «не бывшими».

«Мысль о принудительном отречении царя упорно проводилась в Петрограде в конце 1916 и начале 1917 года, — свидетельствует Родзянко. — Ко мне неоднократно и с разных сторон обращались представители высшего общества с заявлением, что Дума и ее председатель обязаны взять на себя эту ответственность перед страной и спасти армию и Россию. После убийства Распутина разговоры об этом стали еще более настойчивыми. Многие при этом были совершенно искренне убеждены, что я подготавливаю переворот и что мне в этом помогают многие из гвардейских офицеров и английский посол Бьюкенен». Правда, утверждал далее председатель Думы, его

такие разговоры «приводили в негодование», поскольку он был против того, чтобы «впутывать Думу в неизбежную смуту» и подчеркивал: *«Дворцовые перевороты — не дело законодательных палат»*. Впрочем, как видим, негодования по поводу собственно дворцового переворота в этих словах не содержится. Позже, в показаниях Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства Родзянко не без гордости сообщит: *«Мой кабинет — это был фокус всех новостей и, отчасти, сплетен. Я всё знал, что говорилось; но многое мне приходилось в одно ухо впускать, в другое выпускать»*.

В Государственной думе Родзянко вел себя все более пристрастно, покровительствуя либеральной и левой оппозиции и обрывая речи правых, протестовавших против «штурма власти». В частных разговорах он позволял себе заявления, которые, действительно позволяют поставить под сомнения суждения симпатизировавших Родзянко современников, называвших его человеком умным. *«Правительство и императрица Александра Федоровна ведут Россию к сепаратному миру и к позору, отдают нас в руки Германии»*, — заявлял поверивший нелепым слухам Родзянко. И, как всегда, поучал, давая наставления, как спасти страну от революции: *«... Это достижимо только при условии удаления царицы. (...) Пока она у власти — мы будем идти к гибели»*. Эти слова были сказаны Родзянко брату Царя — Великому князю Михаилу Александровичу. И когда далее Родзянко заговорил о необходимости назначения на пост председателя Совета министров лица, «облеченного доверием страны», Михаил Александрович якобы ответил ему: *«Таким лицом могли бы быть только вы, Михаил Владимирович: вам все доверяют...»* Были ли эти слова действительно сказаны Великим князем, или в свойственной ему манере Родзянко выдал желаемое за действительное, но уже само упоминание этой фразы в мемуарах многое говорит об их авторе. А когда нечто подобное по адресу Императрицы, обвиняемой им в содействии Германии, Родзянко стал высказывать Государю, тот резонно потребовал фактов. Ответ председателя Думы, им же самим приведенный в мемуарах, говорит сам за себя: *«Фактов нет, но (...) в народных умах складывается такое убеждение»*. Руководствуясь такими «железными» доводами, Родзянко продолжал гнуть свою линию, заявив Царю: *«Не заставляйте, ваше величество, (...) чтобы народ выбирал между вами и благом родины»*, а затем, на якобы заданный Императором вопрос: *«Неужели я двадцать два года старался, чтобы все было лучше, и двадцать два года ошибался?..»*, Родзянко выпалил: *«Да, ваше величество, двадцать два года вы стояли на неправильном пути»*.

Впрочем, как уже отмечалось выше, желание покрасовать-

ся всегда было присуще председателю Думы. Поэтому его мемуары гораздо в большей степени характеризуют самого Родзянко, чем описываемые им события. В этом плане интересно сравнить слова Родзянко о его встрече Императора в Думе 9 февраля 1916 года и свидетельство В.Б. Лопухина, бывшего свидетелем этой встречи. Родзянко писал о ней так: *«Депутаты все были в сборе. (...) Председатель со своими товарищами и с советом старейшин встретили Государя на крыльце. (...) Государь был очень бледен и от волнения у него дрожали руки. (...) По окончании молебна Государь подошел ко мне со слезами: «Михаил Владимирович, я хотел бы сказать несколько слов членам Думы. Как вы думаете, это лучше здесь или вы предполагаете в другом месте?»* А вот что пишет Лопухин: *«Я стоял в заполненном членами Думы и вкрапленными в их группы представителями правительства громадном Екатерининском зале Таврического дворца. Вблизи, в окружении «старейшин», стоял менее небритый, чем обыкновенно, думский председатель Родзянко. Пронесся среди гула разговоров протяжный, как глубокий вздох, покрывший разговоры быстротою своей передачи шепот. Кто-то подскочил к Родзянко, что-то взволнованно сообщил ему. И, как сейчас вижу, — картина незабываемая, — грузный Родзянко, широко раздвинув ноги, мчитя вскачь через Екатерининский зал к вестибюлю Государственной думы. <...> Бежать, как бежал Родзянко, вскачь навстречу царю — несколько расходится с позою того героического великолепия и достоинства думского председателя, которое рисуют его мемуары».*

Императрица, когда-то отзывавшаяся о председателе Думы вполне уважительно, начиная с 1916 года, сменила тон. И, как было показано выше, основания для этого были. В письмах к супругу Александра Федоровна называет Родзянко «мерзким», «ужасным человеком», возмущается, что он лезет в дела, которые его не касаются, негодует на то, что он слишком много болтает.

Тем временем, в глазах терявшего ориентиры общества Родзянко превращался в героя. В конце 1916 года после инцидента с правым депутатом Н.Е. Марковым, назвавшим председателя Думы за лишение его слова «мерзавцем», «обиженный» Родзянко оказался в ореоле славы. К нему шли огромным потоком со всех концов России приветствия и трогательные телеграммы. Как иронично замечала одна из газет, Родзянко все поздравляли, приветствовали, соболезновали и «по телеграфу поцеловать пробовали». Кабинет председателя Думы был заставлен цветами, незнакомые ему дамы и юные девицы посылали приветы и посвящали стихотворе-

ния. Вся «мыслящая Россия» выражала ему свое сочувствие и осуждала черносотенного оратора, осмелившегося оскорбить главу народного представительства. (Как утверждал сам Марков, обращаясь к Родзянко, он дословно произнес следующее: «Вы старый дурак и мерзавец!», однако, первая часть фразы была исключена из стенограммы заседания по требованию председателя Думы). А 1 января 1917 года во время новогоднего приема в Зимнем дворце Родзянко позволил себе выпад по адресу министра внутренних дел А.Д. Протопопова, которому демонстративно отказался подать руку со словами: «*Оставьте меня. Вы мне гадки!*» Этот поступок еще больше укрепил репутацию Родзянко как «бескомпромиссного правдоруба» и «патриота».

В событиях Февраля 1917 года М.В. Родзянко довелось сыграть одну из главных ролей. Привыкший играть роль посредника между Императором и «общественностью», председатель Думы постоянно поддерживал связь со Ставкой, убеждая Николая II для успокоения взбунтовавшегося Петрограда поскорее назначить главой правительства лицо, «пользующееся доверием страны». Но Император поступил иначе, издав 26 февраля указ о приостановке работы Государственной думы, которому она подчинилась чисто формально, — не разойдясь, думцы продолжили частные совещания. Родзянко паниковал. Как вспоминал его секретарь В.Н. Садыков, председатель Думы повторял слова: «Все кончено!», осунулся и как-то сразу постарел — «он тихо плакал». По свидетельству октябриста Н.В. Савича, «*у него ум работал медленно, тяжеломерно. Все внезапное, неожиданное производило на его сознание впечатление шока, требовало времени, чтобы перевариться в его умственном аппарате*».

Описывая поведение Родзянко в февральские дни, Шульгин писал: «*Родзянко долго не решался. Он всё допытывался, что это будет — бунт или не бунт? «Я не желаю бунтоваться. Я не бунтовщик, никакой революции я не делал и не хочу делать. Если она сделалась, то именно потому, что нас не слушались... Но я не революционер. Против верховной власти я не пойду, не хочу идти. Но, с другой стороны, ведь правительства нет. Ко мне рвутся со всех сторон... Все телефоны обрывают. Спрашивают, что делать? Как же быть? Отойти в сторону? Умыть руки? Оставить Россию без правительства? Ведь это Россия же, наконец!.. Есть же у нас долг перед родиной?.. Как же быть? Как же быть?» — спрашивал он и у меня. Я ответил совершенно неожиданно для самого себя, совершенно решительно: «Берите, Михаил Владимирович. Никакого в этом нет бунта. Берите, как верноподданный... Берите, потому что дер-*

жава Российская не может быть без власти... И если министры сбежали, то должен же кто-то их заменить...»

Этот довод убедил Родзянко, и 27 февраля он возглавил Временный комитет Государственной думы (ВКГД). *«Всю ночь провели мы за обсуждениями и спорами в кабинете председателя Думы, подвергая тщательному рассмотрению все поступающие новости и слухи, — вспоминал А.Ф. Керенский. — Создание незадолго перед тем Совета было расценено как критическое событие, ибо возникла угроза, что в случае, если мы немедленно не сформируем Временное правительство, Совет провозгласит себя верховной властью России. Долгие всех колебался Родзянко. Однако, в конце концов, около полуночи он объявил о своем решении принять пост председателя Временного комитета, который отныне, вплоть до создания Временного правительства, берет на себя верховную власть».* На следующий день Родзянко, находясь в Таврическом дворце, приветствовал полки Петроградского гарнизона, перешедшие на сторону революции. *«Михаил Владимирович очень приспособлен для этих выходов, — вспоминал этот день Шульгин, — и фигура, и голос, и апломб, и горячность... При всех его недостатках, он любит Россию и делает, что может, т.е. кричит изо всех сил, чтобы защищали Родину...»*

М.В. Родзянко поддерживали генералы Н.В. Рузский и М.В. Алексеев, убеждавшие Царя доверить председателю Думы формирование министерства, «из лиц, пользующихся доверием всей России», и 2 марта Государь уступил, издав соответствующий Манифест. Но этого революционной Думе было уже мало. 2 марта Родзянко заявил Рузскому, что *«ненависть к династии дошла до крайних пределов... и грозные требования отречения в пользу сына, при регентстве Михаила Александровича, становятся определенным требованием... К сожалению, Манифест запоздал; ...время упущено и возврата нет... переворот может быть добровольный и вполне безболезненный для всех, и тогда всё кончится в несколько дней...»* Затем генерал М.В. Алексеев известил всех командующих фронтами о разговоре Родзянко с Рузским, отметив, что *«династический вопрос поставлен ребром, и войну можно продолжать до победоносного конца лишь при исполнении предъявленных требований относительно отречения от престола в пользу сына при регентстве Михаила Александровича».*

Внешне председатель Думы продолжал пользоваться огромной популярностью: его приветствовали тысячами телеграмм, на его имя шли пожертвования на революцию, появились даже ходоки из деревень, чтобы посмотреть на «нового царя — Родзянко». Однако власть с первых же дней революции стала ускользать от него. Получив 28 февраля раз-

решение от Императора сформировать новое правительство, он не смог управлять этим процессом, так как списком министров занял Милюков. Собравшись 1 марта выехать на встречу с Императором в Псков, председатель Думы не был выпущен из мятежного Петрограда по требованию Исполкома Совета рабочих и солдатских депутатов. И хотя Родзянко продолжал убеждать генералов Рузского и Алексеева, что *«до сих пор верят только ему и исполняют только его приказания»*, на деле всё было совсем не так. А вскоре и сам Родзянко вынужден будет признать: *«Я сам вишу на волоске, власть ускользает у меня из рук»*.

Узнав, что акт об отречении составлен Царем в пользу брата, а не сына, Родзянко ранним утром 3 марта по прямому проводу убеждал Рузского, что *«чрезвычайно важно, чтобы манифест об отречении и передаче власти вел. кн. Михаилу Александровичу не был опубликован до тех пор, пока я не сообщу вам об этом... весьма возможна гражданская война. С регентством великого князя и воцарением наследника цесаревича помирились бы, может быть, но воцарение его как императора абсолютно неприемлемо. (...) Провозглашение императором вел. кн. Михаила Александровича подольет масла в огонь, и начнется беспощадное истребление всего, что можно истребить. Мы потеряем и упустим из рук всякую власть, и усмирить народное волнение будет некому»*. В тот же день Родзянко принял участи в переговорах с Великим князем Михаилом, настаивая на его отказе от престола.

Позже, оправдывая свое поведение в дни революции, Родзянко писал: *«Конечно, можно было бы Гос. Думе отказаться от возглавления революции, но нельзя забывать создавшегося полного отсутствия власти и того, что при самоустранении Думы сразу наступила бы полная анархия, и отечество погибло бы немедленно... Думу надо было беречь, хотя бы как фетиш власти, который всё же сыграл бы свою роль в трудную минуту»*. Мысль о поддержке Императора и выполнении его указов ему в голову не приходила вовсе. Родзянко продолжал утверждать (и, видимо, искренне верить), что *«руководящей идеей Февральской революции была патриотическая идея»* — идея победы над германским милитаризмом.

Родзянко продолжал руководить частными заседаниями Государственной думы, но до властных высот творцы Февраля его не допустили. Сыграв свою роль, «толстый Родзянко» стал тяготить своих бывших единомышленников. Если в августе 1915 года его имя фигурировала в одном из списков, составленных представителями оппозиции в качестве премьер-министра, то уже в 1916-м было принято решение выд-

вигать на этот пост князя Г.Е. Львова. Как отмечал левый кадет Н.В. Некрасов, «единодушно сходились все на том, чтобы устранить Родзянко от всякой активной роли».

Для Родзянко не предусматривалось никакого министерского поста. Комментируя в воспоминаниях это решение, Миллюков писал: «Достаточно прочесть воспоминания Родзянки, чтобы понять, до какой степени этот человек не подходил для той роли, которую должна была сыграть Государственная дума в предстоявшем перевороте. Но он продолжал мнить себя вождем и спасителем России и в этой, переходной, «стадии». Его надо было сдвинуть с этого места, и я получил соответственное поручение, согласовавшееся с моими собственными намерениями. Заменить в планах блока председателя Думы председателем земской организации было нелегко. Но я эту миссию исполнил. Конечно, она была облегчена всероссийской репутацией князя Львова: он был в то время незаменим. Не могу сказать, чтобы сам Родзянко покорился этому решению. Он продолжал тайную борьбу... Политическая роль, которую Дума играла, так сказать, по молчаливому передоверию, должна была перейти к русской общественности, если эта общественность могла послужить упором против наступления следующих «стадий». В этом смысле смена Родзянки князем Львовым была первым революционным шагом и неизбежной прививкой против дальнейшего обострения болезни. В мировоззрение Родзянки это не вмещалось, и я несколько не жалел, что на мою долю выпало произвести эту хирургическую операцию. Оговорюсь, впрочем: много времени спустя на меня находили минуты сомнения, правильно ли было заменить старого конногвардейца толстовцем. И все-таки я находил, что другого исхода не было».

Как справедливо отмечает И.Л. Архипов, «события Февральского переворота свидетельствовали, что Родзянко мог быть статусным политиком, занимаая высокое, ответственное и престижное положение практически только в ситуации «думской монархии» с ее относительной политической стабильностью. Неуправляемый революционный взрыв тотчас сделал Михаила Владимировича чрезмерно правым. Он не смог вписаться в узкий круг политиков, которые принимали ключевые решения в дни крушения старого порядка, касающиеся конфигурации будущей системы власти и, прежде всего, состава Временного правительства».

Обиженный Временным правительством Родзянко вскоре превратился в его критика: он обвинял революционную власть в развале армии, экономики и государства, естественно, видя главной причиной слабости новой власти ее отказ сотрудничать с Государственной думой (т.е. с ним, Родзян-

ко). Сочувствуя «корниловскому мятежу», Родзянко, тем не менее, отказался от какого-либо содействия ему, хотя и был готов привлечь Думу к организации новой власти в случае успеха.

Не приняв Октябрьской революции, окончательно похоронившей амбициозные надежды бывшего председателя бывшей Государственной думы, Родзянко перебрался на белый Дон, где пытался играть политическую роль, хотя и без особого успеха. В 1920 г. Михаил Владимирович эмигрировал в Сербию, где на протяжении четырех лет влачил жалкое существование. Тяжелое материальное положение некогда очень богатого помещика усугублялось моральными страданиями — поправевшая эмиграция винила его в революции, в отречении и в развале России. Его кончина, наступившая 24 января 1924 года, оказалась почти незамеченной. Прах Родзянко был погребен на Новом кладбище в Белграде.

В завершение этого очерка приведем хоть и резкую, но довольно точную оценку деятельности М. В. Родзянко, которую дал ему офицер-монархист Ф. В. Винберг: «Как напыщенный индюк, распутивший свой хвост в самоуслаждении от вида покорности и благоговения своего стада индюшек, Михаил Владимирович Родзянко, гордый сознанием своей популярности, ничтоже сумняшеся, стал во главе государственных заговорщиков, предал традиции и честь своего почтенного дворянского рода и ценой клятвопреступления вступил на дорогу политического авантюриста, теща свое тщеславие надеждой на предстоящие ему историческое значение и власть. Но, дойдя до предела своего преступления, сознав слишком поздно, что не ему слабым духом своим удержать и направить прорванную плотину страстей и животных вожделений злобной черни, сразу растерялся, струсил и, цепляясь за малейшие возможности еще сохранить свое значение, от компромисса до компромисса прошел длинную череду унижений и разочарований, пока не вернулся к скромной стезе всеми обижаемого и угнетаемого обывателя, с какого пути не след было ему и сворачивать. Если в своем птичьем дворе пышный и надутый индюк чувствует себя господином положения, то это не значит, чтоб он смел себя сравнивать с гордым орлом, парящим в поднебесье, и равнять с его державным полетом грузный взмах немощных своих крыльев».

ПРОТУБЕРАНЦЫ

*РАЗМЫШЛЕНИЯ И ВОСПОМИНАНИЯ.
ФРАГМЕНТЫ КНИГИ*

2016 год

(Сентябрь — декабрь)

В. Путин продолжает множить какие-то странные заявления. 2 сентября накануне встречи с премьером Японии на Восточном экономическом форуме во Владивостоке он сказал в интервью агентству Bloomberg: «...речь идет о поиске решения, при котором ни одна из сторон не будет чувствовать себя ни побежденной, ни проигравшей».

Естественным образом возникает вопрос: а что, разве наша сторона по итогам Второй мировой войны чувствует себя побежденной?..

Кто допустил гос. переворот на Украине и приход там к власти проамериканского фашистского режима? Кремль. И теперь мы пожинаем плоды этого допущения. А плодов этих — хоть пруд пруди, все не перечислишь. И сколько их еще впереди!.. Украина объявила о бойкоте ЧМ по футболу 2018 года... Украина пригрозила запретить российским Ан-124 полеты за границу... Украина...

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

Этих сюрпризов мы еще нахлебаемся вдосталь. А всё почему? Потому что нет воли адекватно и внятно на них отреагировать. Всё за Крым третий год оправдываемся...

* * *

Если бы сразу, два года назад, мы пригрозили американцам разрывом договора по доставке их астронавтов на МКС, то никаких санкций по отношению к нам не было бы вообще и все наши олимпийцы (в том числе и паралимпийцы) были бы в РИО. Но — духу не хватило. Баксики боялись потерять. А потеряли гораздо больше.

* * *

Иван Грозный не побоялся Сибирь и Казань присоединить. Сталин не побоялся Западную Украину и Западную Белоруссию присоединить, не говоря уже о Карелии. И ни перед кем не оправдывались, и денег хватало, чтобы эти территории содержать. А нынешние хозяева Кремля со страхом от Приднестровья отпихиваются, не говоря уже о Донбассе. Мол, у нас нет денег на их содержание... Да, конечно, когда триллионами под видом всевозможных фондов деньги уходят в США...

* * *

Белорусская команда всё же пронесла российский флаг на открытии Паралимпийских игр в Рио-де-Жанейро. Сделал это один из руководителей белорусской спортивной делегации Андрей Фомочкин. Четверть круга стадиона прошел он с поднятым нашим флагом, пока организаторы не опомнились и не изъяли у него наш флаг. После чего Международный паралимпийский комитет лишил Андрея Фомочкина аккредитации на этих соревнованиях. Вот какая ненависть у американо-европейских заправил к России! Вот какую злобу вызывает у них один только наш флаг! Вот это и есть рецедивная отрыжка европейского фашизма.

Теперь уже абсолютно ясно, что дело вовсе не в придуманной ими против нас допинговой эпопее. Дело в том, что Европа вот уже более 70 лет ненавидит нас за победу 1945 года. Ведь она жаждала нашего поражения! Мне могут сказать: мол, не вся Европа. Да, конечно, не вся. Но те, кто теперь ею правят, — все. И мстят нам за нашу Победу. При любой возможности — мстят. Причём возможности эти, как правило, — мелкие, подлые, кощунственные и дешёвые. И чем эти укусы подлее и мерзее — тем они для извратившейся Европы приятнее...

* * *

9 сентября госсекретарь США Джон Керри и глава российского МИДа Сергей Лавров после 14-часовых переговоров объявили на совместной пресс-конференции о плане, который, по их словам, приведет к прекращению военных действий в Сирии. Это лишнее подтверждение тому, что США имеют прямое влияние на главарей террористических организаций в Сирии.

Согласно этому плану Сирия должна прекратить бомбардировки позиций игиловских боевиков. Чего, собственно, и добивался долгое время Вашингтон. Как же это похоже на остановку наступления армии Донбасса в феврале 2015 года и переход к бессмысленным «минским соглашениям»!..

* * *

Вот подтверждение тому, о чём я писал в этом году в «Протуберанцах», — о том, что *они* в самом деле ничего не боятся, кроме смертной казни.

Сотрудники ФСБ обнаружили 9 млрд. рублей в квартире замначальника управления «Т» антикоррупционного главка МВД России полковника Дмитрия Захарченко. Мало того, что этот не самый высокий полицейский чиновник, обязанный отслеживать и жестко пресекать коррупцию, сам брал миллионные взятки, — он еще и мешал расследованию громких коррупционных преступлений и способствовал бегству из России бывшему главе «Вымпелкома» Михаилу Слободину, проходящему обвиняемым по делу о взятке в 800 миллионов рублей должностным лицам Республики Коми.

То есть уже не первый раз мы сталкиваемся с тем, что разворовывание страны мафиозными кланами идет под прикрытием государственных властных структур, которые в своей наглости действительно уже **ничего** не боятся. Кроме... Кроме одного. И мы хорошо знаем — чего.

Мы должны потребовать от погрязшей в воровстве власти возвращения смертной казни. Потому что иначе предел этого безоглядного воровства в стране не наступит никогда.

Интересна реакция обывателя на подобные сообщения. Он не возмущается, он не выражает никаких отрицательных эмоций. Он криво усмехается и думает про себя: «Вот дураки — держали деньги в квартире... Уж я бы знал, куда их спрятать...»

* * *

На счетах полковника МВД Д. Захарченко, в квартире которого было обнаружено 9 млрд. рублей (годовой бюджет Твери или Рязани), оказалось еще 300 млн. евро. Вот они, доморо-

щенные олигархи в погонах... Говорят, что это, мол, деньги некоего эмвэдэшного общака. Так ведь это еще страшнее для нас. То есть они могли по своему усмотрению купить любого чиновника, судью, прокурора, адвоката, министра, депутата и т.д. И получается, господа россияне, что мы уже живем в построенном ими криминальном государстве. И сколько еще подобных квартир в стране с подобными миллиардами, находящимися под охраной силовых структур... И сколько еще таких «настоящих полковников» по всей многострадальной России...

* * *

Вот это и произошло. То, о чём я неоднократно писал, наконец подтвердилось. Неизвестные хакеры взломали базу данных Всемирного антидопингового агентства (ВАДА) и выложили (пока частично) убийственную информацию в Интернет. ВАДА вместе с МОК были вынуждены признать подлинность этой информации, хотя, конечно, трусливые вадовские чиновники и обрушились на Россию с обвинениями в организации этой хакерской атаки. Да какая разница, чьи это были хакеры?! Главное — то, что они докопались до истины, которую все разумные люди сознавали, но не могли доказать. Теперь же ничего и доказывать не надо. Всё стало ясно как день.

Я это знал всегда. Но нужны были подтверждения. Теперь они известны всему миру. Согласно информации, полученной хакерами, ВАДА по воле одного из его высокопоставленных чиновников канадца Ричарда Макларена **разрешала** очень многим американско-европейским атлетам принимать допинг. И не просто допинг, не просто анаболики, стимулирующие повышенную энергетику организма и рост мышц, укрепляющие нервную систему и т.д., но и настоящие наркотики, значительно повышающие выносливость, нечувствительность к боли, понижающие волнение, страх и неуверенность в своих силах. Повторяю, очень многим. И в первую очередь, конечно, американским.

Первый хакерский удар пришелся на неоднократных победительниц олимпийских игр и всевозможных международных соревнований по теннису — на т.н. «братьев» (сестер) Уильямс, этих чёрных горилл, монстров в юбке, накачанных мышечной массой и мужскими гормонами. А также на четырехкратную олимпийскую чемпионку Рио по спортивной гимнастике Симону Байлс, выполнявшую на снарядах какие-то умопомрачительные акробатические прыжки в несколько оборотов с абсолютно безразличным, отсутствующим выра-

жением лица. И весь этот допинг, все эти наркотики, как оправдывались темнокожие аферистки, они принимали по назначению врачей в качестве терапевтических целей... И самое главное — с разрешения ВАДА. В то время как теннисистка Мария Шарапова, основная соперница «братьев» Уильямс, была не допущена на Олимпиаду в Бразилию из-за приема безобидного витамина под названием мельдоний...

Как мы помним, всю нашу олимпийскую команду вадовский карманный мошенник, подданный Канады по фамилии Макларен намеревался не допустить до поездки в Рио-де-Жанейро, предусмотрительно накануне Олимпиады внеся мельдоний в список запрещенных препаратов. Лишь благодаря вмешательству председателя МОК Т.Баха удалось отстоять для игр в Рио половину нашей олимпийской сборной. Более того, на основании лживого доклада мошенника Макларена, голословно обозвавшего Россию допинговой страной, была отстранена вся наша паралимпийская сборная от участия в Паралимпийских играх 2016 года. Не помогли ни обращение в Спортивный арбитражный суд в Лозанне, ни апелляции наших спортсменов-инвалидов в Международный паралимпийский комитет. Глава этого комитета и по совместительству член правления Всемирного антидопингового агентства британец Филип Крейвен был неумолим.

Мало того, что это отстранение не вписывается ни в какие человеческие и морально-нравственные рамки, а лицензии на участие наших спортсменов-инвалидов были незаслуженно, подло и цинично распределены между другими странами-участницами, — вадовская машина политических провокаций, как теперь выясняется, сама оказалась замешанной в **культивировании** допинговой зависимости многих западных (прежде всего американских и английских) ловцов лёгких побед.

Вторым хакерским разоблачительным ударом были выведены на чистую воду еще десять американских и шесть английских олимпийцев, чемпионов и призеров Рио — пловцов, легкоатлетов, боксеров, велосипедистов, опять-таки принимавших сильнейший допинг и настоящие наркотики не просто с разрешения, а, можно не сомневаться, **с подачи, с поощрения вадовских чиновников**, т.к. поощрение это очень хорошо оплачивалось штатовскими околоспортивными денежными мешками. Зарвавшиеся дельцы этой «антидопинговой» конторы просто-напросто делали на этом бабло или, как у нас говорят, хорошие бабки. А чтобы никто их в этом не заподозрил, они решили воспользоваться громоотводом — обвинением России в том, в чём сами погрязли по уши. Легко

были найдены штрейкбрехеры — супруги Степановы (неудавшиеся легкоатлеты) и русофобский мерзавец Г.Родченков (бывший глава РУСАДА), которые и выступили за рубендала в качестве «свидетелей» российского «допингового скандала», ими же и придуманного. Естественно, все они были хорошо поощрены американскими денежными мешками.

Накануне Олимпийских игр западная пропагандистская машина с шумом и «благородными» воплями быстро слепила и раздула на весь мир «допинговую историю» наших спортсменов, ссылаясь на прием ими пресловутого мельдония, а Россия этой крайне визгливой машиной была объявлена «допинговой страной». Как говорится, дело было сделано, и «братья» в теннисных юбках по фамилии Уильямс, а также прыгучий чернокожий монстр Симона Байлс могли спокойно ехать в Рио за «золотом» для Америки.

То, что олимпийский и паралимпийский спорт подмяли под себя американско-европейские скоты, думаю, давно ни для кого не секрет и не новость. Мерзко сознавать другое. А именно то, что на эту грязную авантюру легко поддались сами западные атлеты. Они-то прекрасно знали, на что шли, они-то, конечно, сознают, что свои медали они берут с помощью обмана, с помощью отвратительных средств, с помощью западной фармакологии, официально запрещенной в спорте. И при этом — показывают пальцем на тех, кто действует по правилам, оскорбляют и обвиняют других в том, в чём сами виновны выше крыши.

И я больше скажу: уже давно **все** американские спортсмены сидят на допинге, на самых разных стимуляторах или даже на наркотиках. Потому что знают: их проверять не будут. А если и проверят — данные скроют, а еще лучше потеряют. И если кого-то из штатовских атлетов иногда ловят на запрещенных препаратах, то это означает лишь одно: кому-то за хорошее бабло понадобилось убрать конкурента.

Как теперь стало известно, 53 английских спортсмена, участвовавших в августе в Олимпийских играх, принимали запрещенные препараты с разрешения ВАДА.

Вот теперь и думайте, господа-товарищи: можно ли с эти-ми околоспортивными мошенниками иметь дело?

Уже через несколько дней после договоренности России и США по перемирию в Сирии американская авиация нанесла ракетный удар по сирийским позициям. Были убиты 62 и ранены около ста сирийских солдат. Сразу после этого исламисты с трёх сторон пошли в наступление на сирийские по-

зиции под городом Алеппо. Ну что ж, кремлевские «партнеры» получили тысячное подтверждение тому, что любые договоренности с США — это блеф. Абсолютно **вся** американская политика держится на лжи и коварстве.

Смешные выборы. Я живу в огромном жилом массиве Москвы. 18 сентября пришел на изб. участок в 2 ч. дня. Там было пусто — кроме меня, в это время там никто не голосовал. Дали журнал для росписи при получении бюллетеней. Он был абсолютно чист.

Люди выборы проигнорировали. А власти празднуют победу. В принципе, так и есть: они победили население, отбив у него охоту кого-либо «выбирать» и доходчиво за 25 лет внушив, что от его «выбора» ничего не зависит. «Мы вновь победили!» — объявили Путин с Медведевым. Кто бы сомневался!

Вот так и живём: население — своей жизнью, а власти — своей. Обывательский принцип существования стал главенствующим как никогда: «Лишь бы не было войны...»; «Делайте там что хотите, только нас не трогайте...» Это действительно победа власти.

Вот и непобедимый испанский теннисист Рафаэль Надаль, как оказалось, все свои победы одержал на допинге. И «уникальные» американские пловцы — тоже дутые, липовые, накачанные стимуляторами и наркотиками. И даже прославленный венгерский пловец Ласло Чех — в той же компании. А с ними — десятки немцев, поляков, англичан, среди которых чемпионы последней летней Олимпиады, жрали допинг бесстрашно, безнаказанно, с разрешения г-на Макларена и с внутренним хохотом показывая пальцем на русских — «Это они, они допингёры, гоните их отсюда!» Немцы несколько фильмов сняли про русский мельдоний...

Как теперь становится ясно, ВАДА — это структура прикрытия в системе изготовления фальшивых чемпионов и присвоения огромных гонораров. В системе, созданной на Западе в противовес российскому спорту. И когда ее творцы поняли, что даже сильнейшие стимуляторы не дают должного результата, и русские берут медали наравне с накачанными допингом западными атлетами, тогда мошенники из ВАДА по указке из Вашингтона пошли на беспрецедентный, отчаянный шаг: придумали предлог для отстранения русских от любых международных соревнований. В значительной мере им это удалось сделать, использовав ничтожество и трусость

наших главных спортивных функционеров. Но, как говорится, чёрт шельму метит. При беззубости наших спортивных чиновников в дело вступили неизвестные хакеры...

Этот позор всего западного спорта и убудочное скотство покровителей и адвокатов этого позора еще по-настоящему не оценены и не осознаны. Но позор этот и волны от него будут только нарастать. Хакеры ведь еще далеко не всё выставили на всеобщее обозрение... И как дальше будут существовать Олимпийские игры и весь международный спорт — трудно себе даже представить. Ведь масштабы позора, вранья и подлости только-только начинают приоткрываться... Но я не представляю, как можно теперь выходить кому-то на теннисный корт с «сестрами» Уильямс и с тем же Надалем?

Пока же западный протестантский цинизм позволяет Европе и Америке этот свой позор и эту свою подлость молча проглатывать...

* * *

Международный спорт оказался в полном отстое. Если одним можно выступать с допингом, а другим нельзя, то какой же это спорт? Это называется игра в дурака. Если мир согласен и дальше играть в этого дурака — значит, туда ему и дорога. Ну а если всем разрешить выступать с допингом, то это уже будет не спорт, а самоубийство и уголовные разборки. Вот к чему привела нас эта американская ВАДА. Пиндосов вообще близко нельзя ни к чему подпускать!

* * *

То, чего Кремль упорно добивался, уже случилось. В стране фактически возникла однопартийная система. Три четверти голосов в Думе теперь принадлежат «Единой России». На остальные т.н. «партии» Кремль может не обращать внимания: при принятии любых законов они не будут иметь никакого значения. Как когда-то говаривал «златоуст» Черномырдин, какую партию власть ни создаёт, всё равно получается КПСС.

Зюгановцы и жириновцы, можно сказать, провалились, не говоря уже о всех остальных т.н. «оппозиционерах». В том-то и дело, что не было на этих «выборах» никаких реальных оппозиционеров. Их просто-напросто вообще не допустили к участию в выборной кампании. Это исключительно русские национальные организации. Со словом «русские» их не допускали до регистрации. И в этой ситуации народу голосовать было просто не за кого. Он и не пришел.

Зюганов при всей его 25-летней пустой болтовне о своих «классных специалистах», судорожно боится власти и ответ-

ственности. Да и не способен он осуществлять власть при всех его бесконечных мантрах о «равенстве» и «справедливости». Истинная справедливость в нынешних условиях заключается только в том, чтобы все наши сверхлиберальные долларовые миллиардеры оказались на нарах, а всё их награбленное богатство пошло на нужды народа. Однако Зюганову и его ближайшему окружению гораздо комфортнее и безопаснее занимать свою ни к чему не обязывающую думскую нишу. Жириновский же держится на плаву только благодаря доверчивости и безмозглости телевизиорных обывателей, получающих удовольствие от «патриотической» игры стареющего актера и его еврейских взвизгиваний по поводу «русских интересов». Вся эта пустопорожняя четвертьвековая жвачка прокремлевских «оппозиционеров» изрядно приелась нашему населению, и оно предпочло дачу в воскресный день вместо избирательных участков.

Власти довольны, Зюганов доволен, Жирик доволен, С. Миронов доволен. Все очень довольны. Едроссы назвали эти выборы самыми чистыми и самыми честными за последние 20 лет... Какие могут быть сомнения!

25-летний цикл демократического сумасшествия вернулся к своему началу. И Путин уже заявил: «Не надо было разрушать СССР»...

* * *

Очередное «перемирие» в Сирии, как и все «перемирия» в Донбассе, закончилось очередным блефом. Исламские боевики, воспользовавшись затишьем, пошли в наступление, поддерживаемые американской авиацией. Нанеся урон сирийской армии и уничтожив ооновский гуманитарный конвой, США в Совете безопасности ООН, как и положено ублюдочным пиндосам, тут же обвинили в срыве «перемирия» Россию.

Год красной обезьяны... Да, немало крови пролилось и еще прольётся в последний год ушастой обезьяны по кличке Обама...

* * *

США в XXI веке подвергли разрушению три **основных** государства, враждебных Израилю, — Ирак, Ливию и Сирию. То есть надолго вывели из строя трех главных противников Израиля на Ближнем Востоке. В этом и состояла изначальная цель всех разработанных ЦРУ провокаций, якобы вынудивших США на военные действия на Ближнем Востоке. Второй целью, возникшей по мере исполнения первой, стало воссоздание исламского радикализма и организация т.н. «ис-

ламского государства» для захвата обширных территорий на Востоке и в Центральной Азии и впоследствии — для давления на Россию. В Кремле это поняли только когда исламисты вплотную подошли к Дамаску. Поняли поздно. Но лучше поздно, чем никогда. И потому обратный процесс выдавливания с Ближнего Востока Америки будет идти трудно и долго. Соображать нужно было еще в Ираке. Но тогда, к сожалению, в Кремле соображать было некому. Теперь же Сирия станет вторым Вьетнамом или второй Кореей. Но деваться нам некуда. Америка уже фактически открыто заявила, что будет воевать с нами за Сирию. Но, как и во Вьетнаме, она вновь потерпит поражение. Однако наших солдат в цинковых гробах мы вновь примем немало. Идет новый передел мира, и по-другому этот процесс не происходит. А отступать нам некуда. Потому что после отступления нас не пожалеют и не простят. И уж тем более не оставят в покое. Дьявольская морда Штатов в образе чёрной обезьяны вновь оскалилась.

* * *

Американский Госдеп пригрозил нам новыми терактами в российских городах. Это лишний раз говорит о том, что все предыдущие теракты на нашей территории были подготовлены американскими спецслужбами и осуществлялись обильно оплаченными Америкой диверсионно-исламистскими группировками. Я и прежде не раз писал об этом в «Протуберанцах». Кстати сказать, в европейских городах теракты происходили по точно такой же схеме.

* * *

Всё-таки в жизни происходят удивительные вещи — сошествия, знамения — называйте как хотите. Службу в армии я проходил в сибирском гвардейском ракетном полку. Это был полк с давними боевыми традициями. Звание гвардейского артиллерийского полка он получил еще во время большой войны. И я был не просто рядовым, а гвардии рядовым. Так что молодым гвардейцем я стал еще в 18 лет. И кто бы мог подумать, что в дальнейшем моя жизнь и судьба на многие годы будет связана именно с «Молодой гвардией»!

* * *

То и дело слышу вопрос: почему в литературе царствует серость? Должен сказать: в литературе — да, в журналах — нет. В литературе **царствует** серость, потому что в ней и в стране серость **властвует**. Но в трех русских журналах — «Молодая гвардия», «Наш современник» и «Москва» — публикуются силь-

ные авторы и талантливые, замечательные произведения. Однако их почти никто не видит по причине мизерных тиражей, которые, в свою очередь, образовались из-за наплевательского отношения власти к писателям, к литературе и к журналам. Библиотеки перестали выписывать литературные журналы! Сначала я думал, что им на это местные власти денег всё меньше выделяют. Оказалось — нет, выделяют, как и прежде. Но библиотеки тратят их на собственные нужды. И все довольны.

Литературные газеты и журналы — разобщены, все вертятся поодиночке, всем им нужно как-то выживать, и чужие проблемы их мало волнуют.

Теперь ведь имя кому-то делает только «ящик», только телевизор. И серость, понимая это, его оккупировала. Потому и на плаву все эти быковы и улички с веллерами. Их времена. Но если взять «Молодую гвардию», то в каждом номере — прекрасные наши поэты, прозаики, сильнейшие публицисты. Однако у населения отбили охоту читать что-либо серьезное. Зачем, когда есть бесконечные «поля чудес», малаховы с гордонами и соловьевыми и нескончаемые ментовские сериалы. А мы им поэзию какую-то, прозу..

Серость в русской литературе будет **царить** до тех пор, куда нерусская серость будет **править** в культуре и во власти. Серость властям не опасна.

3 октября хакеры выложили в Сеть шестую часть документов из базы данных ВАДА. В ней оказались 20 спортсменов, среди которых двукратные олимпийские чемпионы — австралийская пловчиха Эмили Сибом и британский триатлет Алистер Браунли, а также 14 олимпийских призеров Риоде-Жанейро, включая японскую пловчиху Риэ Кането, которая выиграла «золото», опередив россиянку Юлию Ефимову в финальном заплыве на 200 м брассом. Все они использовали запрещенные препараты с разрешения ВАДА. Той самой ВАДА, которая отстранила Ефимову от всех соревнований. И лишь Международная федерация плавания в самый последний момент допустила ее до Олимпиады в Рио. И тогда, как теперь проясняется, против нее выставили накачаных допингом американку и японку.

Кстати сказать, даже после всего этого вадовского позорща до сих пор не сняли дисквалификацию за мельдоний с Марии Шараповой. И «братья» Уильямс, перекормленные наркотиками и мужскими гормонами, имеют право участвовать в любых соревнованиях, а их главная соперница, Мария Шарапова, — права не имеет.

Около месяца назад я писал о том, что все американские спортсмены употребляют допинг. Моя уверенность базировалась на беспредельной, поистине дьявольской штатовской наглости, которая разрешает им не считаться ни с кем и ни с чем. Боже, как же я был близок к истине! Ныне и это подтвердилось во всей своей пиндосовской мерзости.

Из новой партии хакерских разоблачений вадовско-американских махинаций всему миру стало известно, что только в 2016 году (а год еще не закончился!) **более двухсот штатовских атлетов получили от ВАДА разрешение на употребление допинга!** Это, между прочим, **более половины их олимпийской команды!** Но и это еще не всё. В 2015 году таких американских спортсменов, получивших от ВАДА благословение на использование запрещенных стимулирующих и стероидных препаратов было 583! То есть **Штаты просто-напросто дурачат весь остальной мир своими спортивными достижениями, которые, на деле, не стоят ломаного гроша! Их надо лишать абсолютно всех медалей, рекордов и чемпионских званий!**

Года два назад тренер российской теннисной сборной Шамиль Тарпищев в шутку обозвал «братьями» сестёр С. и В. Уильямс — допинговых монстров, теннисных анаболических «королев» с мужской мускулатурой. Что тут началось! «Международная общественность» со всем своим непрерываемо-визгливым «благородством» через все проамериканские СМИ несколько дней исторгала из себя «крайнее возмущение». «Братья» слёзно обиделись, потребовали извинений. А Международная теннисная федерация за «несправедливое оскорбление» оштрафовала Тарпищева на кругленькую сумму: мол, думай, что говоришь.

Теперь же, когда открылось истинное допинговое перерождение сестёр в братьев (из-за их употребления мужских гормонов) и когда МОК и преступная ВАДА вынуждены были признать подлинность обнародованных хакерами документов, подтверждающих многолетнее использование теннисными «королевами» наркотических средств, обе они (чернокожие «королевы») не выражают никаких «благородных» обид и возмущений и помалкивают, как безвинные рыбки в аквариуме. Да и Международная теннисная федерация набрала в рот воды, словно эти разоблачения ее вообще не касаются. Зато вашингтонский Белый дом вместе с Пентагоном начали грозить Москве большой войной... Однако ушастая обезьяна, сидящая в Белом доме, уже с ужасом понимает: кишка тонка...

Как известно, мухи предпочитают садиться туда, где нехорошо пахнет. Покружив над Трампом, муха села на бровь Х.Клин-

тон во время их предвыборных теледебатов. И что интересно: восемь лет назад во время таких же предвыборных теледебатов муха села на верхнюю губу Обамы. Похоже, нечистая сила их метит, чтобы все увидели. Наконец-то разглядели.

* * *

Какие нехорошие стали у нас партнёры, однако... Требуют Россию в Гаагский трибунал... Обвиняют русских в убийстве сирийских детей, в уничтожении гуманитарных конвоев и чуть ли не в геноциде мирных жителей Алеппо... Мы к ним со всем партнёрским доверием, а они обещают за 20 часов стереть нас с лица земли... Как-то это не по-партнёрски, знаете ли... А ведь так хочется, чтобы вокруг были одни партнёры, партнёры, партнёры... Ну и, конечно, партнёрши — в лице Терезы, Ангелы, Хиллари... Потому что без партнёров и без партнёрш нам никак нельзя. Кто ж нам доллары и евро печатать будет?... И кому мы будем нефть и газ продавать? Нет, всё перетерпим, а от партнёров не откажемся... А то, что они из нас монстров делают, — это так, мелочи жизни, переживем. Партнёрство важнее...

* * *

В №10 «Молодой гвардии» напечатан дневник комбрига армии ЛНР Алексея Мозгового, убитого украинскими террористами. И вот уже 16 октября в подъезде своего дома в Донецке убит командир донецкого ополчения Арсений Павлов (Моторола). А 2 октября у него родился сын...

У всех подонков — радость. Радуются киевские СМИ, радуются моральные уроды на «Дожде» и «Эхе Москвы», радуются нацистские мрази на площадях Одессы и Галиции, радуются укрофашистские засланцы на российском ТВ — Ковтун, Карасёв, Яхно, Трюхан... Счастье просто изливается с их физиономий. Сплошная рада...

А ведь они когда-то жили с нами в одном государстве, учились в одних и тех же с нами школах... Они не застали ни репрессий, ни голода, ни войны, которые достались нашим отцам и дедам...

Разве мы когда-то притесняли украинцев, разве обделяли их чем-то? Подарили им Донбасс и Крым, которых они не заслуживали... Откуда же такая ненависть их к нам? Надо же хоть как-то помнить историю. Мы не завоёвывали Малороссию, наоборот, она сама напросилась к нам, и мы защищали ее от набегов татар, от турок и ляхов... Мы называли их братьями-славянами... Откуда же взялась эта ненависть? Кто-нибудь задумывался над этим?

Ведь они ненавидели нас и до крымско-донбасских событий...

Некий уродливый лысый бесёнок вылез на трибуну и, заламывая руки, завопил: «Не надо нам нравственности и морали, не надо цензуры, не надо любви к родине и патриотизма, не надо никаких границ в искусстве!.. У нас, режиссеров и артистов, должна быть полная свобода! Пусть власть платит нам деньги и не суётся в наши дела! Она всё равно ничего в этом не поймёт! Мы — художники, мы люди искусства, не мешайте нам творить! Не надо поливать мочой выставки наших братьев по искусству!..»

Можно было и не обращать внимания на эти привычные либерально-бесовские вопли, если бы не исходили они с трибуны съезда театральных деятелей. Хоть и жиденькими оказались аплодисменты по окончании воплей лысого уродца, однако свиста и недовольных выкриков тоже не было. Зал молча проглотил эти трибунные испражнения, и никто в последующих выступлениях не указал бесёнку на его место.

О чём всё это говорит? Нет, не о том, что современный российский театр умер и не о том, что все русские актеры и режиссеры согласились с бесёнком-пересмешником. Всё это говорит о том, что бесёнок и остальные окопавшиеся в искусстве бесенята **испугались**. Реально испугались. Чего? А они и сами не знают, чего. Просто боятся — и всё. До истерики. Их никто не пугает, а они боятся. Не случайно ведь, закатив к потолку и округлив глаза, бесёнок голосил: «Не хочу возврата цензуры, не хочу контроля, не хочу застоя, не хочу сталинизма!..» Вроде и власть всё та же — ими изначально обласканная... Но откуда же этот страх? А он у бесенят в крови... Ведь невозможно бесконечно прятать в штанах хвост — неудобно это очень. Ужасно хочется снять штаны...

Каждый день путинского политиканства уносит сотни человеческих жизней теперь уже в Сирии — как среди мирного населения, так и среди сирийских и российских военнослужащих. Подобно тому, как вот уже два года это происходит в Донбассе. Какое-то inferнальное, абсолютно бессмысленное влечение российского президента к «перемириям» и «гуманитарным паузам» (и в Донбассе, и в Сирии) превращают обе эти войны в дурную бесконечность, отчего трагедия проживающих там народов становится не просто нескончаемой, а поистине апокалипсической. Что дала десятидневная т.н. «гуманитарная пауза» при попытке полностью очистить от террористов г. Алеппо? Только то, что боевики и внутри города, и за его пределами перегруппировались,

довооружились и сами пошли в наступление. Но наша авиация при этом стояла без движения. Российское военное командование уже открыто обратилось к Путину дать разрешение на авиаудары по террористам под Алеппо, однако он счел это «нецесообразным». Словно пытаясь спасти своё реноме в умах западных обывателей, он готов пожертвовать тысячами сирийских жизней. Откуда в нём какое-то патологическое желание выглядеть голубем мира в глазах «мировой общественности»? Откуда эта страсть к бесконечной болтовне на пресс-конференциях с участием зарубежных журналистов, где можно на весь мир красоваться со своими фирменными застенчивыми улыбочками?.. В тот самый момент, когда международные головорезы из американских ракетных установок бьют по сирийским войскам, жилым домам и школам. И в тот самый момент, когда бандеровские недочеловеки бьют из американских гаубиц по жилым кварталам и детсадам Донбасса... Однако «перемирие» и «гуманитарные паузы» для ВВП почему-то гораздо важнее...

Поистине убийственные «перемирия»...

* * *

Мы в русской прессе который год рассуждаем о государствообразующем народе, сетуем на отсутствие понятия «русский народ» в Конституции...

А в это время... Из ленты новостей Интернета:

«Interfax.ru — Москва. 31 октября. Президент России Владимир Путин поддержал предложение о создании закона о российской нации: «Но что точно совершенно можно и нужно реализовывать — это прямо над этим нужно подумать и в практическом плане начать работать — это закон о российской нации», — заявил Путин на заседании Совета по межнациональным отношениям в Астрахани в понедельник».

Конечно, штатные патриоты будут и дальше объясняться ему в любви. Но заявление это мало сказать — косноязычно. Такое мог предложить только малограмотный человек.

Успокаивает лишь одно. Подобного рода «закон» вряд ли будет принят. Потому что он окончательно похоронит *эту* российскую власть. И даже возвращение Крыма не поможет.

Всё-таки до советской *нации* генсеки не додумались. Пришла очередь нынешних умников мир удивлять.

Вот так *они* судорожно и торопливо пытаются подменить абсурдной глупостью давно вызревшую идею о государствообразующем народе.

Всё же очень надеюсь, что такой закон не будет принят. Мыслящие русские люди уже выступили категорически про-

тив него. Но если все-таки при молчаливом безразличии россиян этот закон протащат через Федеральное собрание (чем чёрт не шутит!), следующим шагом будет закон о *российском языке*. Либеральные кукловоды эту идею (о российском языке) давно озвучивают. И вполне возможно, кому-то из *дорогих россиян* уже при жизни выпадет это долгожданное счастье — получить от власти в подарок *российскую нацию* и *российский язык*. Обзавидоваться можно...

* * *

Сначала я был удивлён. Но затем — понял, что в этом нет ничего удивительного, это и есть результат почти столетней атеистической прививки русскому населению. **До сих пор очень многие русские хотели бы еще раз расстрелять царскую семью.** Говорю об официальной, вдолбленной в умы версии ее гибели, хотя существуют доказательства другого, более зверского ее умерщвления. Но даже и придерживаясь официальной версии, невозможно не увидеть и не услышать, с каким злорадством именно русские оправдывают казнь «отрекшегося» (по официальной версии) Николая Второго с его супругой и детьми. Это именно сейчас, в наши дни стало очевидно по почти поголовному отношению атеистически привитых русских к Наталье Поклонской, вышедшей на шествие Бессмертного полка с портретом последнего царя-мученика. Сколько насмешек и злобных оскорблений обрушилось на неё с их стороны! Все эти насмешки и поношения — это и есть новые, реальные выстрелы в царскую семью.

А кто-то с патриотических трибун нам не раз пытался объявить об окончании гражданской войны... Причем ведь та, реальная Гражданская война происходила между антимонархистами красными и антимонархистами белыми. Царь в той войне не участвовал и никого не призывал в ней участвовать. Но даже и через сто лет атеистически привитые русские готовы с ехидным злорадством вновь и вновь стрелять в последнего царя и его детей.

* * *

Теперь, хотя бы через сто лет, спросите сами себя, защитники мавзолея: России нужна была Гражданская война? Спросите, помня ленинский лозунг «Превратим империалистическую войну в гражданскую!» Нужна была классовая ненависть? Нужны были продразверстка, военный коммунизм, голод и тиф? Нужны были массовые расстрелы т.н. «буржуазных элементов»? Нужна была колоссальная эмиграция? Нужны были у власти Троцкий, Зиновьев, Каменев,

Володарский, Урицкий, Загорский, Дзержинский, Бела Кун, Землячка и т.д.? Наконец, России нужно было убивать крестных поэтов вместе с Есениным?

Я никогда не был против советской власти. Но при Ленине не было советской власти. Была власть бандитов известной национальности, прибывших из-за рубежа. И власть брал не Ленин, а Троцкий со своими вооруженными боевиками той же национальности. Они обманули народ лживыми лозунгами, а потом стали его уничтожать. Они что, были пролетариями? Сталин со своими соратниками десять лет боролся с ними, пока окончательно не разгромил. Вот это и была настоящая революция. Вот тогда и установилась советская власть. Если мы до сих пор не способны это понять и признать, то будущие поколения поймут и признают.

Заметьте, вновь дорвавшись до власти в 1991 году и разрушив СССР, эта банда не тронула ни один памятник Ленину по всей стране, как и его труп в мавзолее. Значит, он им зачем-то нужен. Он для них — свой. Но на любые разговоры об установке памятника Сталину они реагируют с зубовым скрежетом и брызгами слюней. Ленин для них — это символ закабаления русских. А мавзолей в сердце России — это их кашеева игла.

Да, **все** русские жертвы тех лет столетней давности — это жертвы Гражданской войны, развязанной этой бандой. Что, белые офицеры, крестьяне Тамбовской губернии, казаки Дона и эмигранты — это не наши люди?

В 1991 году та же банда вновь захватила власть, и вновь началось уничтожение русского народа.

В Первую мировую Россия фактически победила. Если бы не два предательских переворота 1917 года. Во время войны!

Жириновский на ТВ который год дерёт глотку против советской власти. Да где бы он был без советской власти, местечковый горлопан и ушлый провокатор той же национальности?! Да если любой русский сказал бы хоть треть той экстремистской ахинеи, какую несет этот разгулявшийся дураком, — он уже давно сидел бы за решёткой. Вот потому и держат этого провокатора на всех каналах и экранах.

Но умница и смелая женщина Наталья Поклонская во всеуслышание ясно и просто сказала ту правду, которую до сих пор скрывает нерусская власть. И какой переполох вызвала эта правда в либерально-большевистском болоте!

Казалось бы, Николай уже не был царем, и большевики уничтожили не царскую семью, а простых граждан страны. И казалось бы, зачем надо было так жестоко казнить простых граждан без суда и следствия? Но в том-то и дело, что

убийство это было **ритуальным**. Палачи прекрасно сознавали, что казнят именно **Царя** и **Наследника**. Им нужна была именно **Царская** кровь. Они знали, **кого** казнили, и потому оставили запись на стене ипатьевского подвала: «Здесь по приказанию тайных сил Царь принесен в жертву для разрушения государства. О чём оповещаются все народы».

* * *

Пусть мне кто-нибудь расскажет, какая для России была польза от Ленина. Именно для России и для русского народа. И если кто-то начнёт говорить об уничтожении тех или иных классов (то есть живых людей) именно как о **пользе**, то это и будет проявлением неизлечимой болезни извращенного сознания. И, пожалуйста, не надо рассказывать, например, о плане ГОЭЛРО. Этот план был разработан еще в царской России, и приступить к его реализации не позволили война и два государственных переворота. Не будь этих переворотов, план электрификации России был бы осуществлен гораздо раньше и не такими варварскими методами — через насилие над природой и с помощью труда заключенных.

Кстати, первые концлагеря на нашей территории были созданы по распоряжению Дзержинского в 1918 году. Я писал об этом еще в 1988 году в журнале «Москва» (1988, №10). И когда либералы называют ГУЛАГ сталинским, они, как обычно, нагло врут. Но нынешние т.н. коммунисты почему-то и не думают эту ложь опровергать. И ясно почему. Потому что в этом случае тень падает именно на их непогрешимого «вождя всех эксплуатируемых и угнетённых»...

* * *

В Америке — смена власти. Чёрная ушастая обезьяна ушла навсегда. Мерзкая деревянная кукла с резиновой зубастой улыбкой — проиграла президентские выборы. Клан Клинтон-ов тоже канул в небытие. Вся российская иудо-либеральная тусовка оказалась в трауре. Для неё это был непредвиденный удар — вся она вожделела увидеть Клинтоншу в Белом доме, вся она надеялась на усилении русофобии. Однако победил, как ни удивительно, бизнесмен Д. Трамп. Мы пока еще не знаем, какие сюрпризы он нам преподнесет, но Россия вздохнула с облегчением. Посмотрим, что это будет за фрукт.

Но вот что нужно сказать. Улучшение отношений с Америкой, как не раз доказывала история, ничего положительного России не приносило. Советские и российские руководители в эйфории от этих улучшений отношений, как правило, с лёгкостью сдавали наши интересы, чтобы еще больше

понравиться заокеанскому «партнёру», и шли на всяческие политические и экономические уступки. А уж нынешние наши правители в качестве «жестов доброй воли» готовы с опережением идти навстречу любым пожеланиям «коллег» и «партнёров» по «дружественному диалогу». И наоборот, только жёсткие отношения с Западом вынуждали их вспомнить о наших национальных интересах. В этом противостоянии нас с западным миром чем отношения напряжённее, тем лучше и полезнее для нас. И тем спокойнее за наши границы. Не вмешайся Америка в украинские дела — и не видать бы нам Крыма еще сто лет. Но как только Путин начинает разглагольствовать о дружбе с Японией и расточать привычные улыбочки при встрече с официальными японскими лицами, сразу же рождается опасение за сдачу Курил. А ведь Курилы для нас стратегически ничуть не менее важны, чем Крым. Не станут ли они костюю для замирения с Западом?

* * *

У либералов очередной прокол. Еще одного их высокопоставленного чиновника поймали на взятке. Жизнь чуть не ежедневно подтверждает железобетонное правило: все те, кто рядится в тогу либералов (и более того — кичится этим), — воры или мошенники. Как показала наша реальность последних 25 лет, других либералов не бывает по определению. Разница между ними лишь в том, что одни из них уже попались, а другие пока еще нет.

Взятка в два млн. баксов для министра по делам экономического развития вообще-то мелкая. Другое дело, что г-н Улюкаев ее вымогал, что, конечно же, усугубило ситуацию. Вымогал в качестве отката при приобретении «Роснефтью» «Башнефти». Поэтому его пришлось брать с поличным. Нет, не случайно он работал в свое время заместителем министра финансов г-на Кудрина, который, как мы помним, со свистом и скандалом вылетел из правительства при президенте Медведеве. Однако Путин вновь его приблизил к себе, назначив своим указом заместителем председателя экономического совета при президенте России.

Но не будем обольщаться уголовным делом г-на Улюкаева. Ведь был у нас еще один большой министр — некто Сердюков. И не просто министр, а «силовик», против которого тоже было возбуждено уголовное дело. Впоследствии благополучно закрытое. Так что два млн. баксов, изъятые у г-на Улюкаева, вполне возможно, обернутся для него условным сроком по причине награждения его орденом «За заслуги перед Отечеством» и «Орденом Почёта»...

А пока он посидит под домашним арестом в своей многокомнатной квартире в элитном доме. Подумает в элитном одиночестве о бренности жизни и превратностях судьбы, что и отразит в своем стихотворном хобби. Как совсем недавно это делала в своей многокомнатной квартире подельница Сердюкова и по совместительству «поэтесса» и «художница», условно освобожденная от всех обвинений, г-жа Васильева...

Правда, другому крупному либералу, Н.Белых, повезло меньше — он сидит в СИЗО. Хотя и взятка у него была меньше улюкаевской — всего-то полмиллиона баксов. Но он режим критиковал. И за него там, наверху, вступиться некому. Да и орденов президентских не успел получить.

Между прочим, две последние книжки стихов г-на Улюкаева называются «Чужие берега» и «Авитаминоз». Как в воду глядел наш экономический министр. Теперь самое время помянуть ему о чужих берегах, он их, возможно, долго не увидит. Впрочем, как знать, может, это **наши** берега он считал чужими?.. А вот от денежных купюр у него случился явный авитаминоз — обожрался ими ненасытный министерский чиновник, заведовавший экономикой России.

Вот такая она у нас — сердюковщина и улюкаевщина...

Россия попала в ловушку т.н. ювенальной юстиции. А точнее говоря — в ловушку глобального процесса изъятия детей для пользования всемирной элитой. И процесс этот будет только нарастать. Никакие публикации на эту тему уже ни на кого не действуют. Все ювенальные законы приняты, и работа идет.

24 ноября вместе с С.Н. Бабуриным я выступал в качестве свидетеля в Басманном суде по делу Бориса Миронова. Судят его за книгу, изданную четыре года назад. Срок давности истек. Но все равно судят по ст. 280 УК («разжигание» и «экстремизм»).

Даже в самые тоталитарные времена (что при царском режиме, что при советском) писателей не судили за книги. Могли сослать, посадить или даже расстрелять за политическую или антигосударственную деятельность, но за изданные книги не судили. Это явление вошло в нашу действительность исключительно в нынешние т.н. «демократические» времена, в которые, согласно этой же «демократической» конституции, т.е. Основному закону, нам якобы гаран-

тировано право свободного выражения своих мнений, взглядов и убеждений. Но именно теперь, прикрывшись декларацией этих прав и свобод, писателей судят за их взгляды и убеждения. Когда же подобных гарантий у подданных Российской империи и граждан СССР не было, писателей за изданные книги не судили...

Что же касается суда, то в качестве свидетеля мне удалось, на мой взгляд, доказательно отвести все вопросы и претензии обвинения по поводу книги Бориса Миронова. Хотя прокурор и судья и пытались под конец ввести в тупик с помощью казуистических вопросов. Но у них ничего не вышло. И по окончании заседания это подтвердили люди, находившиеся в зале суда.

* * *

Ноябрь 2016-го отмечился двумя эпохальными событиями — избранием президента США Трампа и смертью Фиделя Кастро.

Фидель Кастро — величайшая личность второй половины XX века. В мировой истории этого периода рядом с ним поставить некого. Если же говорить о всём XX веке, то среди всего человечества есть только две фигуры такого уровня — Сталин и Фидель.

* * *

Современная сказка. Жили-были три богатыря, защищавших Русь от Жидовина. (Жидовин — исконный персонаж многих русских сказок. — В.Х.) Долго это длилось. Но пришли весёлые времена, не до богатырей стало на Руси, поиздержались они, да и царь-президент на них рукой махнул: мол, не до вас, партнёры мы теперь с Жидовином. Думали-гадали и пошли два из них к Жидовину, поклонились ему и попросили серебряных денег. Обрадовался Жидовин и говорит: «Давно бы так! Денег дам, если мои песни жидовинские похвалите и сами их вместе со мной споёте». Делать нечего — похвалили и спели.

Остался третий богатырь в одиночестве: гол как сокол, никому не нужен, но с гордо поднятой головой.

«Ну и дурак! — сказали ему два других — Смотри на нас! Мы теперь с большим окладом и с кучей адвокатов».

«А как же Русь?» — удивился третий.

«Никуда не денется твоя Русь, — ответили те, жуя бишбармак. — У ней теперь партнёрство с Жидовином. Да и мы на коне, при деньгах, при деле и нос в табаке. Не будь дураком!»

«Дурак, дурак! — запричитали вокруг. — Хорошие песни у Жидовина! Вся эстрада поёт! Ты что, умнее всех?!»

Стоит богатырь на распутье и думает: «Что же делать? Неужто и вправду я стал Руси не нужен? Какое весёлое время настало! То ли коня продать, то ли меч и лук в жидовинский банк снести, то ли голову за Русь сложить...»

А в ухо ему шепчут: «Коня, коня продай! Меч заложил! Жизнь-то дороже!.. Понимать надо!..»

Продолжение пусть каждый додумает сам. По своему усмотрению.

Скажу только, что под тремя богатырями в этой сказке подразумеваются три русских журнала: «Молодая гвардия», «Наш современник» и «Москва».

Опять сообщили, что спецслужбы задержали в Москве и Подмоскowie 25 ваххабитов, входящих в террористическую организацию. Но эти игры в казаки-разбойники абсолютно бессмысленны. Взяли сегодня 25, а въедет их сегодня же к нам — более тысячи. И так — ежедневно. Поезда идут сюда из Средней Азии и Закавказья свободно и по расписанию.

И эта ловля черной кошки в темной комнате будет происходить до тех пор, пока один-единственный человек не соизволит перекрыть этот свободный азиатско-кавказский поток. В противном случае никаких спецслужб на них не хватит. А «взрывы газа» и автокатастрофы с рейсовыми автобусами и детьми будут происходить здесь каждый день.

Концерт в сирийской Пальмире закончился...

Как заявил в интервью «Газете.ру» эксглава Генштаба генерал Юрий Балуевский, вторичное взятие боевиками Иггилла города Пальмиры — не что иное, как следствие безрассудных «гуманитарных пауз» нашего военного руководства. Это прямой выпад против путинского политиканства и его дурного миротворчества во время войны — что в Донбассе, что в Сирии. Генерал подчеркнул, что такое развитие событий стоило предвидеть и просчитывать свои действия. «Было понятно, что боевики не остановятся. А то, что сегодня делаем мы, мне как военному трудно понять — вот эти паузы гуманитарные, в частности», — добавил Балуевский.

Я об этом три года пишу. Дурное миротворчество во время войны — это элементарное издевательство над собственной армией и подставление ее под вражеский удар. Миротворче-

ством во время войны должна заниматься какая-нибудь очередная мать Тереза, но никак не глава воюющего государства.

А Гергиеву ради очередного кремлевского пиара, похоже, пришла пора ехать с оркестром в Алеппо...

* * *

Лавров назвал «бесплодными посиделками» переговоры с американцами по Сирии. Прозрел наконец!..

И как же поздно это доходит до кремлёвских «партнёров!» Сколькими жизнями нужно было пожертвовать, чтобы до них наконец дошло понимание этих азбучных истин! Но вся беда в том, что это понимание в одно мгновение улетучится из их голов, как только их опять с хитрой улыбкой поманят какой-нибудь «партнёрской» морковкой на привязи...

* * *

Игра в казаки-разбойники продолжается. Одни прячутся, другие их отлавливают. В Москве вновь накрыта банда террористов из четырех бородачей, готовивших нам волнительную встречу Нового года. Все четверо мигранты. Тихо и неприметно снимали квартиру на юго-западе столицы. Мощные взрывные устройства уже были готовы к применению. И сколько еще подобных «бомбистов» с регистрацией и без нее тихо и неприметно снимают квартиры по всей Москве и по всей России? Но непрерывный поток мигрантов к нам останавливать никто не собирается. Видимо, кому-то очень нравится эта игра: одни прячутся, а другие их отлавливают... И даже нетрудно догадаться, кому...

* * *

По распоряжению нашего верховного главнокомандующего девять тысяч террористов выпущены из Алеппо с оружием и с их семьями. На Фейсбуке его поклонники перед этой акцией упорно всех убеждали: «Ну что вы, он этого не допустит!»

Ясно, что среди озверевших нелюдей было много иностранных наемников и американских инструкторов. И по отношению к ним, по уверениям госсекретаря США Керри, нужно было проявить «милосердие». Вот его (милосердие) и проявил наш обожаемый верховный главнокомандующий. А сколько людей в скором времени лишатся жизни от рук этих озверевших нелюдей и иностранных наемников, выпущенных из Алеппо, — заранее, конечно, никто сказать не сможет. Ну а если никто заранее сказать не сможет, то и переживать вроде бы нет причин... Уж коли верховный так решил, — ему виднее...

* * *

Ну вот и поехал наш миротворец с визитом в оккупированную Америкой Японию — поулыбаться, пообниматься, сказать и сделать массу любезностей, одним словом, наладить еще одно «партнёрство», чреватое в будущем потерей нашего суверенитета над Южными Курилами. Японский премьер Синдзо Абэ в первый же день этой улыбочивой встречи назвал нашего миротворца своим другом. Ну прямо как Эрдоган во время недавнего визита в Санк-Петербург...

Миротворцы в Японии договорились о совместной хозяйственной деятельности на Южнокурильских островах, что якобы послужит заключению в будущем мирного договора. Но, спрашивается, а зачем нам нужен этот пресловутый «мирный договор» с оккупированной Штатами Японией и для чего нам «необходимо» совместное с ней использование Южных Курил? Для того, чтобы мы в конце концов были поставлены перед фактом мирного их отторжения? Ну как же, скажут потом всезнающие соловьевские болтуны, зато у нас есть теперь мирный договор, подписанный двумя великими миротворцами...

Между прочим, мирный договор с Японией давным-давно существует — с осени 1945 года. Под названием «Акт о безоговорочной капитуляции». В котором всё, что нам нужно, чётко прописано. И Акт этот утверждён японским императором, а также Президиумом Верховного Совета СССР и самым главным миротворцем всех времен и народов — И.В. Сталиным. Очень надёжный мирный договор. Надёжнее не бывает.

* * *

Бильжо, Гербер, Чубайс, Амнуэль — это названия заразных и неизлечимых болезней. От них даже в Кашенко открещаются, как от проказы. От пораженных этой болезнью избавиться можно только одним способом — полной их изоляцией из общества здоровых людей. Собирать, как прокажённых, — и на необитаемый остров в Северном море.

* * *

10 декабря 2016 года на 92-м году жизни покинул этот мир великий мыслитель, ученый-литературовед, один из самых ярких представителей русского общественного движения второй половины прошлого века Михаил Петрович Лобанов.

У меня с ним были очень теплые отношения. Много лет. Он мне частенько звонил, откликался на публикации. По-знакомились мы с ним в 80-е годы в Доме творчества «Голи-

цыно» под Москвой, еще до моей работы в «МГ». Тогда же ко мне в Голицыно приехала Татьяна Глушкова, и я устроил ей встречу с Лобановым. Они знали друг друга заочно, но лично не были знакомы. С того дня они тоже подружились.

Михаил Петрович выступал на моем юбилейном вечере в большом зале ЦДЛ — на 50-летие — 18 лет назад. У меня сохранилась видеозапись этого вечера.

Долгое время Михаил Лобанов был членом редколлегии «Молодой гвардии». А в 60-е и в 70-е годы прошлого века его наиболее значимые для русского мировоззрения работы были опубликованы в нашем журнале.

В историю русской литературы он войдет как один из самых стойких выразителей русского духа нашего времени, как образец человеческой совести и правды. Одну из своих книг он назвал «Твердыня духа». Но и сам он всю свою жизнь — солдата Великой Отечественной, учёного, литературного наставника — являлся этой духовной твердыней.

* * *

19 декабря в Анкаре убит наш посол в Турции Андрей Карлов. Надо напомнить, что произошло это почти через 90 лет после убийства посла СССР в Польше П. Войкова и почти через 190 лет после варварского убийства посла Российской империи в Персии А.С. Грибоедова. Так что подобные события случались в нашей истории довольно редко, имели очень большой резонанс и запечатлевались в ней навсегда.

Официальная реакция Кремля, как и следовало ожидать, дипломатично-сдержанная. МИД сразу же назвал эту спланированную провокацию терактом. Версия теракта, если можно так сказать, «устраивает» обе стороны — и турецкую, и кремлёвскую, т.к. не требует какой-либо слишком эмоциональной и резкой реакции ни с чьей стороны. Но уже сейчас ясно, что версия эта шита белыми нитками.

В тот же день по всем информационным каналам ТВ показали, каким образом данный «теракт» был осуществлён. Некий якобы уволенный из полиции субъект в чёрном костюме каким-то странным образом свободно прошел на открытие фотовыставки «Россия глазами турок» во время выступления Андрея Карлова, беспрепятственно встал сзади него, достал пистолет и выстрелил ему в спину, после чего расстрелял еще несколько человек. Затем он опять же свободно ходил по залу, размахивал пистолетом перед установленными телекамерами и выкрикивал заученный текст, главным рефреном которого были слова: «Это за Алеппо!» Рядом с ним не оказалось никого из турецкой службы охраны, никто не пытался

его схватить, обезвредить или сразу же ликвидировать. Лишь после того, как этот смертник (а он сам назвал себя смертником) несколько раз озвучил свой заученный текст, в конце концов его пристрелили. Но информационные агентства всего мира уже через 15 минут запустили в эфир видео со словами и действиями этого смертника. И если в Кремле делают вид, что этот дьявольский сюжет — не спланированная турецкими спецслужбами акция, то и нам остается делать вид, что мы верим в наивность наших властей.

Однако акция эта произошла после другого события, почему-то не преданного огласке на ТВ, но прошедшего через информационные ленты. Во время освобождения восточного Алеппо были задержаны и подвергнуты допросу более ста иностранных военных советников, среди которых оказались 62 турецких офицера, как можно догадаться, координировавших действия террористов.

«Дружба с Турцией» и газовый «Турецкий поток» для Кремля, конечно же, важнее ненужных последствий данного «теракта». Но рано или поздно то ли Марии Захаровой, то ли кому-то еще из представителей МИДа придется признать, что убийство посла России в Анкаре было спланированной акцией турецких спецслужб, выполнявших чье-то указание... Нет, не просто так смертник в черном светском костюме несколько раз выкрикнул: «Это за Алеппо!»

У радикальных исламистов 19 декабря был праздник. Столько событий в один день! Убийство ими российского посла, 12 раздавленных фурой трупов в Берлине и более ста отравленных в Иркутске! Как выяснилось, изготовителями метиловой смеси «Боярышник» оказались выходцы из Средней Азии.

Так они мстят за поражение в Сирии. И на этом они, естественно, не остановятся. Потому что даже после этого никто не собирается останавливать их поток в Европу и в Россию. Для хозяев сего мира экономическая выгода (то есть деньги) — гораздо важнее любого количества трупов.

Украина теперь по отношению к России стала самой враждебной страной в Европе, а может, даже и в мире. Во всяком случае, только она одна из европейских стран не выразила нам соболезнования по поводу убийства нашего посла в Турции. И более того, некоторые укропские депутаты с трибуны Рады назвали убийцу посла героем. Видимо, Господь попу-

щает укропским холуям дойти до полного маразма и полной моральной деградации.

* * *

В России решение всех самых насущных проблем всегда зависит от одного человека.

Решение проблемы миграции в стране зависит только от одного человека.

Решение проблемы суррогатного алкоголя в стране зависит только от одного человека.

Решение проблемы ювенальной юстиции в стране зависит только от одного человека.

Решение проблемы повальной коррупции зависит только от одного человека. И т.д.

Я говорю именно о реальном **решении** этих проблем, а не о разглагольствовании на их тему. Решении кардинальном, а не половинчатом или частичном. И демагогию о якобы принципиальной невозможности их решения я не принимаю и отвергаю с полуслова.

Но отчего это **так** происходит у нас в стране? А оттого, что никто иной, находящийся во власти, самостоятельно не желает брать на себя ответственность за их решение. Зачем ее брать, считают они, когда есть один человек, который **обязан** брать на себя эту ответственность? А они посидят в сторонке и посмотрят. Им что, больше всех надо? Над ними не капает. И ни одна из самых насущных проблем не решается.

И ведь действительно, главные проблемы в стране решаются только тогда, когда этот один-единственный человек наконец берет на себя ответственность за их решение.

И так было в России во все времена.

* * *

На следующий день после теракта в Берлине с 12 трупами в Германии был объявлен траур. У нас же на следующий день после убийства посла и горы трупов в Иркутске по государственному каналу ТВ шел эстрадный концерт в честь дня работников службы безопасности...

* * *

Уже более семидесяти погибших от метанола в Иркутске, остальные, если и выживут, будут тяжелыми инвалидами — слепыми и с убитой печенью. Налицо — спланированная диверсия. Возможно, — еще одна месть за Алеппо.

Как сообщили в новостях, там, в Иркутске, задержаны 13 человек по подозрению в изготовлении отравной смеси и торговле метаноловым ядом. И что, на этом нас хотят успокоить?

Торговля всяческим алкогольным суррогатом уже много лет идет по всей стране. Только в этом году насмерть отравилось десять тысяч человек! Так почему теперь, после такой страшной диверсии, не произведены облавы по всей стране и не закрыты **ВСЕ** торговые точки, в которых сознательно (повторяю, **сознательно!**) травят наш народ?! Почему сегодня же не арестованы **все** изготовители и **все** продавцы суррогатного яда?! Почему задержаны только 13 и только в Иркутске? Что, опять кремлевские «миротворцы» хотят успокоить нас этой новостной подачкой? Если этими 13 уродами власти и ограничатся, то это будет означать, что они **покрывают** беспредельный геноцид нашего народа.

* * *

Как известно, все наиболее титулованные норвежские биатлонисты и лыжники — «астматики». В том числе и неоднократный олимпийский чемпион Бьёрндален. Во всяком случае, у всех у них есть такая медицинская справка. И по этой причине ВАДА (Всемирное антидопинговое агентство) им всем выдала разрешение на приём препаратов, являющихся допингом. И вот теперь хитроумно подловатые норвежские биатлонисты вместе с не менее подловатыми немецкими биатлонистами призвали остальные страны бойкотировать соревнования на Кубок мира по биатлону в Тюмени. И остальные страны присоединились!

Вот так во всех сферах — в политике, в спорте, в культуре и т.д. весь подлый, лицемерный и продажный мир объединяется против России.

«Настанут времена, когда весь мир будет против нас», — говорили православные пророки.

* * *

Жуткая диверсия в Иркутске, унесшая жизни около ста человек (а сколько она еще унесёт!), властями таковой не характеризуется, то есть не определяется в качестве теракта, несмотря на гору трупов. Понятно, с одной стороны, они не хотят накалять страсти перед Новым годом, а с другой стороны, нет у них желания лишний раз констатировать факт преступной деятельности на нашей территории азиатской миграции, т.к. изготовителями и продавцами метаноловой отравы были именно выходцы из Средней Азии. Понять это «нежелание» властей нетрудно: мало нам игиловских ячеек в многомиллионной мигрантской среде, а тут еще почти вся продовольственная торговля в их руках...

Но с третьей стороны, выходит, что вольно или невольно наши власти таким образом пытаются скрыть, приумень-

шить, закамуфлировать беспредельную преступную деятельность сплочённой, обнаглевшей, жадной и крайне жестокой кавказско-азиатской миграции. Бесчеловечную сущность ее идеологов и организаторов за последнее время жизнь ярко нам показала через зверства радикальных исламистов на Ближнем Востоке и через их теракты в Европе. Только ценой невероятных усилий наших спецслужб пока удавалось упредить их террористические планы в наших городах. Но вот их метаноловую диверсию почему-то упредить не удалось. Почему? Неужели никому из органов безопасности такое «оригинальное» зверство радикалов в голову не могло прийти? А ведь такой способ терактов гораздо проще осуществить, нежели иметь дело с оружием и взрывчаткой. Тут в новостях мельком сообщили, что в Иркутске был обнаружен склад, под завязку загруженный флягами с метиловым спиртом... То есть готовились к диверсии с большим размахом... И сколько таких складов — по всей стране?

Трагедия в Иркутске — это результат, следствие то ли непродуманной, то ли сознательной миграционной политики в нашей стране, практически не отличающейся от подобной же европейской политики. Русские общественные деятели и публицисты говорят и пишут об этом давно. Но власти снизу доверху делают вид, что их не слышат, или отмахиваются от них, как от назойливых мух. А это говорит о том, что никаких серьезных, действенных, кардинальных мер они принимать не собираются. Однако половинчатые меры в виде антитеррористических рейдов только усугубляют ситуацию и заставляют радикалов приспособливаться и менять способы своей бесчеловечной деятельности. Что они и продемонстрировали в Иркутске.

В Интернете наткнулся на такой вот чёрный юмор: царь хорощий, «Боярышник» плохой...

* * *

25 декабря рухнул в море военно-транспортный Ту-154, вылетевший в Сирию после дозаправки в Сочи — по всей видимости, взорвался в воздухе через минуту после взлёта. Обломки самолета и вещи пассажиров разбросаны в море на расстоянии 12 километров. Погибли 92 человека, среди которых журналисты центральных каналов российского ТВ, легендарная Доктор Лиза, спасавшая детей в Сирии и в Донбассе, а также 64 участника знаменитого ансамбля песни и пляски им. Александра Министерства обороны. Летели в Сирию на очередной концерт. Мало нам было бессмысленного оркестрового представления в Пальмире. Теперь крем-

левские массовики-затейники, видимо, решили в Алеппо спеть и сплясать...

Какая-то неистребимая страсть к концертам на чужой воюющей территории... Сплошная эстрадно-рекламная расслабуха...

В Иркутске — жуткая диверсия, унесшая около ста человеческих жизней, а вся страна млеет у экрана под завывания участников «Голоса» и пуская слюни от помпезного шоу мармеладного Баскова. Но и трагедия у побережья Сочи, можно не сомневаться, не остановит расхристанного предновогоднего кардебалета с развязно-педерастическими голосами «российской эстрады».

Все СМИ, как обычно, сразу понесли какую-то околесицу о технических неисправностях самолета, об ошибке пилотов, ну и, конечно, об устаревшей модели Ту-154. Как же без этого? Точно так же они вели себя, когда над Египтом был взорван наш пассажирский самолет — полмесяца долдонили о его ветхости и исчерпанности срока эксплуатации, пока Кремль наконец не признал: да, был теракт. И в ту же секунду все СМИ развернулись на 180 градусов.

Возможно, и в этот раз произойдет то же самое... Хотя уверенности в этом нет. Ведь теперь теракт случился на нашей территории. И признавать его властям очень и очень невыгодно. По многим причинам.

Но прежде всего сказать надо следующее. Г-н президент, не время сейчас пиариться на весь мир с помощью концертов на воюющей территории! Только злорадство и рукоплескание по всему миру мы увидим и услышим в качестве реакции на трагедию под Сочи. И «Шарли ебдо», само собой, не заставит себя ждать...

Многие уже забыли про угрозы Обамы: «Россия заплатит за Крым дорогую цену». И госсекретарь Керри ему тоже подпевал: «Скоро ваши самолеты будут падать». Но большинство из нас до сих пор не верит предупреждениям «наших американских партнёров»...

* * *

Это элементарные вещи, которые каждому мало-мальски грамотному человеку понятны. Но если их надо разжевывать и объяснять, это значит, что разумных и грамотных — единицы. А в ящике уже и депутаты опровергают версию теракта. Значит, дана команда отвергать эту версию до упора.

Но отчего те, кто допустил эту трагедию, будут до упора отвергать версию теракта? Чтобы не нести ответственности за разгильдяйство. В очередной раз прохлопали, загрузили

багаж без должного досмотра. Грузились ведь не на пассажирском аэродроме, а на военном, решили, что там все свои. И поплатались. И теперь хотят всё списать на неисправность самолета или на ошибку пилотирования. Но если это было бы так, то самолет упал бы целёхоньким, и пилоты успели бы сообщить о нештатной ситуации. Но связь с самолётом пропала в одну секунду.

Однако в телящике опять все придураются, и никто не желает комментировать самоочевидные детали — ни «специалисты», ни журналисты. Им, видите ли, ничего не понятно. Разброс осколков самолета и вещей пассажиров — на 12 километрах, а они этого не понимают. И зрителей держат за дураков.

* * *

Радио и ТВ, как всегда, давят на чувства людей, упорно эксплуатируют жалость к погибшим. И ни слова — о виновных. Чтобы все мы были озабочены только одной жалостью. Но главный виновник сидит в Кремле. Тот, кто **широко распахнул двери для миграции, в результате чего на нашу землю пришел террор**. Об этом в СМИ думать и говорить запрещено, да и не желает никто. Всю ответственность за трагедию с Ту-154 продажные комментаторы, бойкие журналисты и самозванные «эксперты» из депутатов валят на военных летчиков — опытных профессионалов. Иначе как лжецами и приспособленцами их и назвать нельзя.

Но рано или поздно придётся нам признать, что Обама перед уходом (после убийства нашего посла) еще раз отомстил за свое поражение в Сирии.

* * *

Дважды Краснознамённый Академический ансамбль песни и пляски Российской Армии имени А.В. Александрова — крупнейший художественный коллектив России и ранее СССР. Это золотой запас нации, государственное достояние, равного которому нет нигде в мире. Он существует (в лучших своих представителях вместе с руководителем — **существовал**) в единственном виде. Кремлёвские авантюристы этот золотой запас решили свозить в Сирию, чтобы устроить там очередной грандиозный концерт. Решили удивить мир своей безумной «широтой души». Это всё равно, что свозить в Сирию Третьяковскую галерею или Оружейную палату. Пусть бы весь мир ахнул!.. Чего не сделаешь ради всемирной пиар-акции, авантюрной «широты души» и нереализованного комплекса «партнёрского» миротворчества!

И вот теперь эту авантюрную акцию кремлевских массовиков-затейников, погубивших наш золотой запас нации, лицемерно пытаются прикрыть «ошибкой пилотов». С одной стороны, называют их опытными военными летчиками, профессионалами своего дела — и тут же долдонят об их «ошибке пилотирования»...

* * *

На многих ресурсах Интернета не способные к мыслительным проявлениям любители попусту стучать по клавиатуре то и дело сравнивают нашу военную помощь Сирии с Великой Отечественной войной. Мол, и тогда на фронт выезжали артисты с целью поднятия морального духа наших воинов. Однако сравнение это, мягко говоря, **сильно хромает**. У нас что, в Сирии идёт *священная народна война*? Или кто-то оккупировал нашу землю, и мы всем народом вышли на ее защиту?

В Сирии находятся наши лётчики-профессионалы, хорошо знающие своё дело, и они, как я думаю, не нуждаются в поднятии духа с помощью академических государственных оркестров и ансамблей. А чтобы их немного развлечь и отвлечь от профессиональных обязанностей, туда нескончаемым потоком летают наши всевозможные эстрадники. Честь им и хвала. И этого вполне было достаточно.

Нашу военную помощь Сирии гораздо логичнее сравнить с такой же помощью Испании в 30-е годы. Но Сталин не посылал туда для поднятия духа ни государственных оркестров, ни даже эстрадников. Там тоже работали профессионалы — летчики и танкисты.

А вот нынешние кремлёвские пиар-акции с симфоническим оркестром и академическим ансамблем для Сирии больше смахивают на бессмысленную авантюру. Но любые саморекламные авантюры всегда заканчиваются соответствующим образом: после концерта оркестра Гергиева в Пальмире мы потеряли Пальмиру. А после авантюры с ансамблем им. Александрова мы потеряли ансамбль.

И теперь наконец надо сказать самое главное: думские «эксперты» в теляжишке и болтливые комментаторы в других СМИ в один голос (удивительное соитие!) в гибели Ту-154 под Сочи упорно отвергают самодовлеющую версию теракта. Ну что ж, господа штатные медиапропагандисты «ошибка пилотов», спросите сами себя: если ансамбль им. Александрова убили не террористы, то кто? И ответ будет однозначен: ТОТ, кто его туда послал. И мы знаем, КТО. У него есть имя и фамилия. По версии журнала «Форбс», «человек

года». И причина падения самолета в этом случае — вторична. Так уж устроен наш мир: саморекламные авантюры **все-гда** заканчиваются плачевно.

* * *

Да, власти пошли на то, чтобы сшить версию «ошибки пилотов». Но сделали это топорно, грубо, к тому же — белыми нитками. И потому она разваливается, многое в ней не сходится. И версия эта оскорбляет родственников экипажа Ту-154.

Быстренько нашли какого-то безымянного «свидетеля», который якобы видел, как в двух километрах от берега самолет летел с задраным носом и касался хвостом воды. В декабре в пять часов утра — еще ночь, темно. И что мог увидеть этот «свидетель» в двух километрах от берега — вопрос на засыпку властям. К тому же в этом случае самолет должен был упасть в море целым, в то время как он разлетелся на мелкие осколки. И тела находят на дне моря в самых разных местах. Тела — с выдавленными глазами и переломанными костями, в изодранной в клочья одежде. Целых тел нет ни одного. По мнению спасателей, такое бывает только при взрыве внутри самолета и сильнейшем давлении. Более того, шасси воздушного судна, как рассказали журналистам спасатели, находилось в километре от искорёженного фюзеляжа... Короче говоря, белые нитки «спасительной» для властей версии торчат из всех швов.

Факт теракта скрывают, чтобы как можно дольше не искать виновных в разгильдяйстве. Тому же — грядет Чемпионат мира по футболу. А тут такой прокол: теракт в воздухе на нашей территории!..

В день трагедии, 25-го, рано утром я включил на кухне радио и услышал сообщение об упавшем самолете. Еще, видимо, для СМИ сверху не успели дать нужных указаний. Дикторша сказала, что диспетчеры получали нормальный доклад с борта Ту-154 о взлете, и вдруг связь с самолетом мгновенно прервалась. После этого подобных сообщений по радио больше не было. А теперь нам вешают лапшу на уши, что якобы капитан судна что-то там кричал про закрылки... И версию «ошибки пилотов» уже сделали «приоритетной».

* * *

Как я и предсказал три дня назад, 28 декабря французский журнал «Шарли ебдо» опубликовал карикатуру на наших артистов, погибших в авиакатастрофе. Однажды в редакцию этих семитских ублюдков уже приходили в гости

некие бородатые семиты, после чего там недосчитались двенадцати ублюдков, а вся Европа — встала на уши со словами: «Мы — Шарли!» Интересно, что скажет Европа теперь? Может, «Мы — Ту-154!»? Или скромно промолчит?

Ушастая пиндосская обезьяна, проигравшая президентские выборы, но пока еще сидящая в Белом доме, раздираемая изнутри бешенством бессильной мести, перед самым Новым годом объявила о высылке из США 35 российских дипломатов. Этот хамский демарш чёрного ничтожества, похожего на обезьяну с атомной бомбой, требовал, по логике вещей, адекватного ответа. Однако у нашего главного либерала страны не хватило духу ответить тем же, в чём я заранее ни секунды не сомневался. Американских дипломатов не тронули. Толерантность к западным «партнёрам» оказалась неистребимой у генетических либералов.

Но сказать здесь нужно следующее: расшаркиваться перед политическими америкосами в качестве «жестов доброй воли» не имеет никакого смысла. Никогда они не воспринимали подобных жестов как чье-то благоразумие. А только и единственно — как слабость и малодушие. И воздействовать на них с помощью благородных жестов — пустое занятие. В ответ с их стороны будет только внутренняя усмешка. Они так устроены. И другими мы их не сделаем. У нас с ними разное понимание религии, разные ценности и разные цели. Этими жестами мы не остановим их подлых шагов в будущем. Бессмысленно бесов кормить добродетелями — от этого они не перестанут быть бесами. И, к сожалению, на Западе именно они определяют мировую политику.

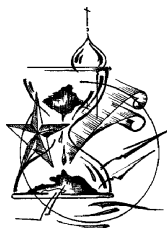
Вот сколько знаменательно-трагических событий произошло в последний месяц перед наступлением 2017 года.

Даже после объявления о начале ядерной войны вслед за этим сообщением, как обычно, пойдёт реклама...

ЦЕНТР РАЗРУШИТЕЛЯ СТРАНЫ

Президент российского Фонда культуры Никита Михалков на слушаниях в Совете Федерации по реализации стратегии государственной культурной политики до 2030 года предложил изменить характер деятельности екатеринбургского Ельцин-центра, заявив, что там «ежедневно происходит инъекция разрушения национального самосознания людей» и фальсифицируется история страны. Он заявил, что «Ельцин-Центр» разрушает национальное самосознание детей, так как представляет необъективную оценку истории России. И добавил, что программа деятельности организации нуждается в корректировке: «Я говорю о возможности сменить вектор, скорректировать программу. Это вопрос национальной безопасности, каждый день сотни детей ходят туда, они получают этот яд» («Известия»).

Подавляющее число жителей России негативно относятся даже к созданию центра разрушителя страны. Не говоря уже о его начинке и экспонатах. И, думаю, они поддержали слова известного режиссера, хотя он критически высказался лишь о работе «музея», а не о целесообразности его работы. Но

ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ

если сам Ельцин был среди инициаторов разрушения страны, то неужели музей его имени будет нести созидательную функцию и будет учить подрастающее поколение добру, нравственности? Никогда!

После выступления Михалкова последовало заявление «глубоко возмущённой» жены любителя выпить, потанцевать и покуражиться, ранее занимавшего пост президента России, Наины Ельциной. Её заявление опубликовано на сайте Центра и содержит следующие строки: *«Ельцин-Центр создавал большой коллектив умных, ярких, талантливых людей, искренне желающих донести правду о 90-х. Вся работа по созданию президентского центра Б.Н. Ельцина велась под непосредственным руководством попечительского совета, который на протяжении этих лет возглавляли главы президентской администрации — Сергей Нарышкин, Сергей Иванов, сейчас его возглавляет Антон Вайно. Ельцин-Центр не мог бы быть создан, если бы парламент не принял закон «О сохранении исторического наследия президентов». Ельцин-Центру уже год, он живет своей активной, насыщенной жизнью. За год только музей Ельцина посетили более четверти миллиона человек, а всего вместе с многочисленными мероприятиями и событиями в президентском центре побывали больше полумиллиона посетителей. Центр стал любимым местом екатеринбуржцев, в него с радостью идут и молодые, и пожилые, каждый находит для себя что-то важное и интересное».*

Заочная дискуссия Н. Михалкова с Наиной Ельциной быстро вовлекла иных действующих лиц. Отдельные оппоненты клеймят и критикуют режиссёра. Но не мешало бы спросить у граждан России: а нужен ли стране центр Ельцина, человека, который оставил в истории страны, выражаясь деликатно, столь негативный след. Ответ, полагаю, будет однозначным.

Стоит посочувствовать и екатеринбуржцам, если этот «музей Ельцина» стал для них «любимым местом». Неужели в городе нет более приличных мест? Кстати, его строительство стоило государству, как сообщают СМИ, более 7 млрд. рублей. Сколько детских садов, школ, бассейнов, домов и дорог можно было построить в стране за эту огромную сумму! Но Наину Ельцину и «большой коллектив умных, ярких, талантливых людей», да и депутатов, проголосовавших за одиозный закон, это, видимо, не волнует.

Посетить же «любимое место» можно лишь за плату. Приведу некоторые графы прейскуранта, которые указаны на сайте центра:

Входной билет на разовое посещение музея:

Взрослые — 200 руб.

Пенсионеры — 50 руб.

Входной билет на разовое посещение арт-галереи:

Взрослые — 100 руб.

Входной билет «музей + арт-галерея»:

Взрослые — 250 руб.

Дошкольники — бесплатно.

Обзорная экскурсия по музею (90 мин.):

Индивидуальная экскурсия — 700 руб./чел.

Группа школьников или студентов до 30 чел. — 100 руб./чел.

Обзорная экскурсия по музею на английском языке (90 мин.)

Индивидуальная экскурсия — 1000 руб./чел.

Аудиогид по экспозиции музея — 100 руб./чел.

«В музее хранится множество документов, артефактов, видеоматериалов, рассказывающих о личной жизни президента, его увлечениях, любимых книгах и блюдах и многом другом. Если вы хотите познакомиться с этой неофициальной историей Ельцина, то специальная экскурсия «Другая жизнь президента» для вас». Стоимость билета — 300 рублей». Интересно, знакомит ли эта спецэкскурсия, кроме блюд, с характером застолий, танцами и дирижёрством бывшего президента?..

Итак, екатеринбуржцы за деньги могут посещать своё «любимое место», хотя на сайте указывается, что «Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина (Ельцин-Центр)» — некоммерческая организация». Интересно: «некоммерческая», но за деньги. И люди посещают ее «с радостью», как утверждает Н.Ельцина.

Стоит привести ещё некоторые цитаты с сайта «некоммерческой» организации: *«Центр задумывался как общественно-политическая организация, способствующая построению правового государства, изучению и развитию института президентства в России... Сфера интересов Центра широка: поддержка образовательных, научно-исследовательских, благотворительных и культурных проектов».*

Как здесь не вспомнить мероприятия Е.Б. Ельцина, «способствующие построению правового государства» — преступный сговор в Беловежской Пуше в 1991 году, о чём Ельцин тут же доложил президенту США Джоржу Бушу, расстрел Верховного Совета и массы людей в Москве в 1993 году, прихватизация народной собственности, в ходе которой кучка проходимцев стала миллиардерами, а большинство жителей страны брошены в жернова дикого капитализма и пр., и пр., и пр.

Давайте вспомним и широкую «поддержку образовательных, исследовательских, благотворительных, культурных

проектов», когда в ельцинское правление рушились образование и медицина, предавалась забвению русская культура. Этот перечень можно продолжать очень долго.

Много было сказано о начинке центра — экспонатах, видеороликах и пр., которые, по мнению патриотов, несут в себе разрушительную нагрузку. Под флагом разрушителя нашего Отечества — Советского Союза продолжается разрушение уже России. И разрушение общества начинается с разрушения сознания членов общества, к чему ведёт искажение истории, внедрение ложных установок, вознесение ложных кумиров. Филиалы центра планируется открывать в городах России, в частности, в Москве. Так что сфера разрушения расширяется, внедряясь в сердце страны. Очаг антикультуры разрастается

Здесь можно узнать и о создателях центра. Это московский архитектор Борис Бернаскони, в послужном списке которого участие в организации семинаров для московских студентов-архитекторов в Бостоне и Нью-Йорке по приглашению Гарвардской школы дизайна (2004 год), биенале архитектуры в Венеции (2008 год). Оформлением выставочной части музея о жизни Ельцина и истории России в 1990-х годах занималась известная американская компания-разработчик музейного дизайна Ральф Аппельбаум Ассоциэйшен.

Без американцев и тут не обошлись. Эти ребята, видимо, и создали разрушительную начинку центра. По их планам разрушение России должно быть продолжено.

Не мешает обратить внимание на состав попечительского совета, который упоминает в своём заявлении Наина Ельцина и который имеется на сайте центра. В него входят:

Антон Эдуардович ВАЙНО — председатель Попечительского совета, руководитель Администрации президента РФ,

Александр Стальевич ВОЛОШИН — руководитель рабочей группы по созданию Международного финансового центра в РФ,

Галина Борисовна ВОЛЧЕК — художественный руководитель государственного учреждения культуры города Москвы «Московский театр «Современник»,

Алексей Алексеевич ГРОМОВ — первый заместитель руководителя Администрации Президента РФ (заместитель председателя Попечительского совета),

Наина Иосифовна ЕЛЬЦИНА — вдова Б.Н. Ельцина, Евгений Владимирович КУЙВАШЕВ — губернатор Свердловской области,

Сергей Эдуардович ПРИХОДЬКО — заместитель председателя правительства Российской Федерации, руководитель аппарата правительства РФ,

Евгений Вадимович РОЙЗМАН — глава Екатеринбурга, председатель Екатеринбургской городской Думы,

Владимир Георгиевич ТУНГУСОВ — первый заместитель губернатора Свердловской области, руководитель администрации губернатора Свердловской области,

Игорь Рюрикович ХОЛМАНСКИХ — полномочный представитель президента РФ в Уральском федеральном округе,

Анатолий Борисович ЧУБАЙС — генеральный директор государственной корпорации «Российская корпорация нанотехнологий»,

Михаил Ефимович ШВЫДКОЙ — специальный представитель президента Российской Федерации по международному культурному сотрудничеству,

Владимир Николаевич ШЕВЧЕНКО — чрезвычайный и полномочный посол РФ,

Сергей Кужугетович ШОЙГУ — министр обороны РФ,
Валентин Борисович ЮМАШЕВ — советник Фонда «Фонд Ельцина»,

Татьяна Борисовна ЮМАШЕВА — дочь Б.Н. Ельцина.

А в центре есть ещё и Правление, где опять же Волошин, Юмашев, Швыдкой и пр.

Интересно, как себя чувствуют члены «попечительского совета» Сергей Нарышкин и Сергей Иванов, занимающие сегодня видные государственные должности, в компании Чубайса и Швыдкого?.. Пребывание в руководящих органах Ельцин-Центра никому не придаёт авторитета в глазах народа. И даже наоборот — только дискредитирует российских чиновников.

Александр ГОРБАТОВ,
шеф-редактор информбюро «Восток-Центр»

ДОЛГОЕ ЭХО ЧЁРНОГО ДЕКАБРЯ

25 лет назад, 25 декабря 1991 года, в 19 часов 45 минут был спущен флаг СССР с флаштока резиденции главы Советского Союза в Кремле. Вскоре полотнище было уничтожено, его решили даже не оставлять в качестве музейного экспона-

та. Сама же дата случившегося — Рождество по западному стилю — символичное свидетельство замысла и его исполнения.

Исчез и оригинал Соглашения о роспуске СССР, подписанный 8 декабря того же года в Беловежской пуше Ельциным, Кравчуком и Шушкевичем, представлявшим Россию, Украину и Белоруссию. От имени этой троицы Ельцин, не скрывая подобострастной радости, тут же проинформировал тогда президента США Джорджа Буша-старшего. Впрочем, обо всех подробностях и деталях «беловежского сговора» в последнее время было написано и сказано много со всеми подробностями. Но стоит добавить одно: сокрытие улик и уничтожение следов — первейший признак совершённого преступления.

Главные участники тех событий — Кравчук и Шушкевич, а также Бурбулис, занимавший 25 лет тому назад пост Государственного секретаря РСФСР, по приглашению Центра российских и евразийских исследований имени Дэвиса при Гарвардском университете США и ряда других организаций провели цикл мероприятий за океаном, всячески превознося собственную значимость в крушении «Империи зла» и ту великую роль для судеб мира, которую сыграл распад Советского Союза. При этом наиболее эмоциональным был Бурбулис, говоривший там об СССР как о нежизнеспособной структуре с момента ее создания, где: *«репрессии системы стали антропологической катастрофой»*.

Уже вернувшись в Россию, он с каким-то идиотским восторгом вещал в интервью тележурналисту, что горд своей причастностью к окончательному уничтожению одной из самых зловещих государственных систем за всю историю человечества. При этом обликом своим в этот момент очень походил на Кощея из фильмов знаменитого режиссера-сказочника Роу. Да, порой творят историю не только великие люди, но и ничтожные личности, оказавшиеся волею судеб у кормила власти.

И все-таки 25-летний юбилей относится не только к величайшей геополитической катастрофе XX века, но и к образованию СНГ. А что же происходит уже в наши дни в странах Содружества? Об этом в СМИ сообщалось не так уж много. Как-то вскользь говорилось только, что само по себе существование СНГ четверть века подряд — факт, бесспорно, положительный. Действительно, спорить трудно. Однако давайте внимательнее присмотримся к тому, что происходит и каковы тенденции развития бывших советских республик. Помогут в этом разобраться факты, почерпнутые из ряда се-

минаров и «круглых столов», материалов СМИ, освещавших данную тему. И посмотрим на происходящее через призму отношения к России и к русским в новых государствах, обретших независимость в 1991 году.

Не секрет, что практически во всех этих странах резко сократилось число русских. Пожалуй, по этому показателю лидерство у Таджикистана, где в 1989 году наших соотечественников было почти 400 тысяч, а сейчас чуть больше 35 тысяч — в основном пожилых, престарелых и всеми брошенных людей, доживающих в нищете свой век уже на чужбине. Таджикистан входит в сотню беднейших стран мира, и она же — беднейшая страна СНГ. Однако именно здесь построенная самая большая чайхана и строится самая большая мечеть, а Эмомали Рахмон теперь не просто, по существу, пожизненный президент, но он носит официальный титул — «Основатель мира и национального единства».

Однако половина взрослого трудоспособного населения работает в России, и без денежных поступлений от них выжить людям просто невозможно. Но какова реакция властей на этот экономический и чисто человеческий контакт с нашей страной? Всё русское и советское здесь оттесняется и убирается из исторической памяти народа.

Еще хуже обстоит дело с общей исторической памятью в Узбекистане. Там вандалы-националисты разгромили памятники и надгробия умершим воинам, лечившимся в годы войны в госпиталях Узбекистана, в основном в Ферганской долине. А на надгробиях были не только русские, но и узбекские, татарские фамилии... О польских вандалах у нас много говорят в СМИ, а о том, что делается в этой центральноазиатской стране, почему-то молчат. Видимо, из принципа высоких межгосударственных отношений.

Однако чемпионом, если так можно выразиться, по вытеснению всего русского и, главное, русского языка с полным правом можно назвать Туркменистан. Здесь еще в 1999 году было принято Народным советом постановление «О навечно утверждении туркменского языка и туркменского национального алфавита в деятельности органов государственного управления, во всех сферах жизни независимого Туркменистана». А в результате теперь даже книги на русском языке привозить сюда запрещено. Кроме того, война с фашизмом в школьных учебниках трактуется здесь исключительно в западном ключе, а сами люди теперь стараются избегать словосочетания — Великая Отечественная война. Знаковое явление — даже мемориал павшим воинам в Ашхабаде перенесли из центра города на окраину. Происходит

же целенаправленный снос монументов и строений, свидетельствующих о русской и советской истории. Да и открыть научно-культурный центр России не удается уже много лет, несмотря на обращения по этому поводу к руководству страны на самом высоком уровне. А подобные центры западных стран здесь существуют уже давно и раздают гранты представителям местной молодежи, интеллигенции и деловых кругов.

Такие примеры можно приводить и дальше. Не везде, конечно, столь жесткое отношение к русским и русскому миру, как в Туркменистане. Но даже у нашего верного союзника — Казахстана — русофобия порой проскальзывает на уровне руководства страны. Например, президент Нурсултан Назарбаев во время церемонии награждения премией «Алтын сапа», говоря о позитивных переменах за годы независимости республики, произнес: *«Во время царской России все богатства из земли вывозились, а нам просто оставляли перекопанную землю и заставляли глотать пыль. У нас даже дорог внутри страны не было. А сейчас — видели, какую железную дорогу запустили? А раньше такого не было, потому что мы были колонией»*.

Интересно, какие и на чём вывозились богатства недр в период царской России, разведанные, надо сказать, лишь в годы советской власти? Да и дорог-то, как мы слышим, не было... Однако для местных элит и кланов русофобская кость уже брошена. И там на нее с радостью кидаются, тем более если она от самого лидера страны. Так русофобия становится разменной монетой для жителей и элит на просторах СНГ.

Звучат порой высказывания на грани фола и от самого нашего близкого союзника — белорусского батьки Лукашенко. Дело не только в словах — один недавний арест журналистов ряда российских изданий за «тенденциозное освещение» событий в республике чего стоит! А тем временем здесь растет влияние, явное и подспудное, соседних Польши и Литвы.

Социологи утверждают — сохраняющийся пока позитивный ресурс общего советского прошлого поддерживает лишь поколение тех, кому за 45—50 лет. Для молодежи стран СНГ все советское перестает нести положительный смысл и вызывать соответствующие эмоции. И если Россия не предпримет реальных и внятных шагов по укреплению Содружества и усилению в нём фактора российского и русского ядра — экономического, культурного, языкового, — лет через 10 СНГ разворочается во всё более разрастающемся влиянии соседних и дальних государств. Ведь неслучайно в бюджете Госдепа США

Армения, Киргизия, Таджикистан и Молдова находятся в числе приоритетных целей этого ведомства в странах СНГ. За последние 2 года финансирование американцев по этим странам возросло более чем на треть. Но не забыты и другие — Казахстан, Туркменистан, Узбекистан. Больше всего средств, конечно, тратится на Украину. А на Кавказе по вложениям в сферу американского влияния лидирует Грузия.

Таковы итоги 25-летнего юбилея чёрного декабря.

Владимир СМЫК

БИТВА ЗА ДЕТЕЙ

Двенадцать лет назад вышла книга Никоса Зерваса «Дети против волшебников». Написанная в приключенческом жанре история борьбы кадетов суворовского училища с магами в замке Мерлинга была прямым ответом на серию романов Джоан Роулинг. Замысел писателя и издателей (книга вышла в Москве) состоял в том, чтобы помочь преодолеть «поттероманию», ослабить влияние на наших детей образ мальчика-колдуна, созданного английской писательницей.

В ней все было необычно: и псевдоним автора, для греческого подданного слишком уж разбирающегося в особенностях российской действительности, и название издательства «Лубянская площадь», выпустившего за тем же авторством еще две книги: «Кадеты Точка Ру» и «Греческий огонь» и после этого прекратившего свою деятельность. Неожиданно для того времени звучало и название серии «Наука побеждать», в которой они были выпущены. Ведь из нашей памяти хотели и до сих пор хотят вытравить то, что мы наследники Суворова, заставить забыть вопрос Пушкина: «Иль русский от победы отвык?» К стати, последняя книга серии вышла в 2007 году, когда наступил конец самозванной Ичкерии.

Прошли годы. Целый ряд вопросов, проходивший раньше мимо внимания значительной части нашей читающей публики, сегодня воспринимается далеко не с прежним равнодушием. Это свидетельствует о том, что общество меняется, в

нем еще больше углубился раскол на два лагеря, причем накал полемики между ними непрерывно нарастает. Один из ярких примеров — выпущенный в нынешнем году по мотивам книги Зерваса полнометражный анимационный фильм «Дети против волшебников». Если книга с этим названием была принята с острым интересом, но всё же споры вокруг нее редко выходили за рамки литературной критики, то фильм вызвал бурю негодования либеральной публики, не стеснявшихся в выражениях открытой ненависти не только к его авторам, но и к Русской Православной Церкви.

Дело в том, что работу над фильмом благословил преосвященный Климент, епископ Краснослободский и Темниковский, он создан «Благотворительным фондом помощи и взаимодействия имени Преподобного Сергия Радонежского», поддержан председателем Синодального информационного отдела Московского Патриархата В.Р. Легойдой, издательским домом «Фома», игуменом монастыря Хиляндар (Святая гора Афон, Греция) Архимандритом Мефодием, директором подворья этого монастыря в Белграде Миловом Ранджичем, Министерством культуры Сербии и рядом других авторитетных организаций, в том числе относящихся к ведомству Министерства обороны России. Отдельно стоит упомянуть военно-спортивный клуб «Беркут» в городе Жуковский.

Характерны заголовки комментариев возмущенной публики и названия многочисленных видеороликов, имеющих целью дискредитировать фильм (их подряд не перечислить, ввиду обилия ненормативной лексики): «Позорная религиозная пропаганда», «Отвратительная православно-патриотическая пропаганда», «Расползающийся православный фундаментализм», «Дети против волшебников: Хай Гитлер?» (так в оригинале — украинизм совсем в духе батальона «Азов» с его нацистской символикой), «Клюква на вынос», «Заткнись, русская свинья!», «Самая отвратительная анимация, какую видел мир»... Показательно: замечательный художественный фильм «28 панфиловцев», успевший за короткое время стать подлинным достоянием отечественного кинематографа, вызвал у нашей «пятой колонны» схожую реакцию: «Худший фильм, который мне довелось посмотреть в своей жизни» (автор этого приговора Дмитрий Пучков — член Общественного совета при Минкульте РФ).

Характерно, что издевающиеся над национальными чувствами русского народа, его православной верой, его великой историей не боятся угрозы наказания. А попробуйте теми же словами оскорбить любую другую нацию, унижить ее религию — уголовного преследования не избежать. Такое впе-

чатление, что те, кто курирует национальную политику в РФ, дали отмашку: оскорбляйте, унижайте русских как угодно! При этом представители либерального лагеря, позволяя себе любые высказывания в отношении государствообразующего народа, цинично обвиняют авторов анимационной ленты в ксенофобии, фашистской идеологии, шовинизме, оскорблении чувств мусульман, атеистов, разжигании национальной розни, требуют применить к ним 282-ю статью УК. Идет откровенная травля фильма и его создателей. Чем же так напугал детский мультик взрослых дядей и тетей?

В двух словах, о чем он. Всемирная академия магов хочет овладеть душами наших детей, но сделать это им мешает «русская защита»: православная вера, любовь к родине и своей семье. Нужно опустошить души подростков, увлечь их волшебством, заставить полюбить зло. Тогда «русская защита» окажется бессильна, и нашу страну можно будет завоевать без единого выстрела. Как это сделать? Пятеро наших детдомовцев оказались студентами этой академии, их используют для разработок и тестирования новейших методов овладения русской душой. Нужно убедить детей вернуться на родину. Взрослого в замке Мерлина сразу рассекретят, и вот кадеты Ваня Царицин и Петя Тихогромов отправляются в Шотландию, поступают в «вуз», готовящий ведьм и колдунов. Но прежде боец спецназа Виктор Телегин летит с ребятами в Сербию, где он рассказывает им о зверствах албанских террористов в Косово (очевидно, это и служит поводом обвинить создателей фильма в оскорблении мусульман), затем — в Грецию, на святую гору Афон, получить благословение и молитвенную помощь старцев. В замке Мерлина ребят поджидает множество опасностей и препятствий, которые им удается преодолеть, а из положений совсем безвыходных выручают спецслужбы Большой Земли, которые не выпускают ребят из поля зрения, и вездесущий Виктор Телегин. На угнанном вертолете он улетает вместе с Ваней, Петей, и двумя девочками Надей и Асей (остальных вернуть оказалось невозможно — они успели стать слугами зла). Телегин нажимает на радиоустройство — взрыв, замок горит.

Такова фабула анимационного фильма, в котором зло не называется добром, черное не объявляется белым. Кстати, этот фильм, как и трилогия «Никоса Зерваса», единственные у нас произведения «антиколдовского» жанра. Им противостоят многие сотни книг (иностранных и отечественных авторов) и видеосюжетов про демонов, эльфов, ведьм, оборотней, вампиров, драконов, кое-как смастаченных в жанре фэнтези, среди которых серия о Гарри Поттере лишь одна из не-

многих. Но почему-то книги и фильмы, в которых проповедуется мистика, черная и белая магия, откровенный сатанизм, не вызывают отторжения у атеистов. Кстати, русские герои фильма в борьбе с волшебниками не используют никаких заклинаний, магических ритуалов, не пользуются колдовской атрибутикой. Их действия сугубо реалистичны. В фильме «Дети против волшебников» столкнулись два жанра: упомянутый жанр фэнтези и лишенный какой-либо мистики реализм приключенческого произведения. Такое столкновение само по себе встретишь не часто. И реализм победил: смелость, верность дружбе, находчивость, самоотверженность, взаимовыручка ребят, их чистая вера оказалась сильнее коварства и хитрости ведьм и колдунов.

Немаловажная деталь: чтобы Ваня Царицын (Иван Царевич) смог оказаться на высоте поставленной задачи, он должен победить в себе гордыню и самовлюбленность, то есть в фильме дан не статичный образ этакого супермена подростка: зритель видит, как формируется будущий защитник отечества, в душе которого происходит борьба с греховными наклонностями, идет работа по усовершенствованию души.

Несколько слов о качестве анимации. Она почему-то вызвала насмешки недоброжелателей. Между тем образы всех героев фильма (как положительных, так и отрицательных) выписаны точно, в полном соответствии с их характерами. Над фильмом работали профессионалы своего дела. Достаточно сказать, что одним из мультипликаторов картины «Дети против волшебников» был Алексей Михалко, работающий над созданием детского многосерийного мультфильма «Маша и медведь». Можно говорить о лаконичности и некоторой нарочитой грубоватости анимационных картин, создающей, впрочем, определенный и запоминающийся стиль всего кинополотна. И надо признать: в тех условиях, в которые были поставлены художники, они сделали максимум возможного: при бюджете фильма в 48,2 млн. рублей им удалось создать впечатляющую ленту, которая 97 минут держит зрителя в напряжении. Для сравнения, бюджет мультфильма «Алеша Попович и Тугарин Змей» составил 4 миллиона долларов, или больше 240 миллионов рублей, «Илья Муромец и Соловей Разбойник» — 2 миллиона долларов, то есть 120 миллионов рублей. Алексей Михалко, горячий сторонник православного мультфильма, признавался, что из-за нехватки средств ему приходилось рисовать буквально «на коленке».

Споры вокруг киноленты показали, что ее противники органически не принимают даже саму мысль о том, что наших детей следует воспитывать в любви к родине, к своим родным, что они должны расти добрыми, сильными, мужественными,

стойкими, уважающими традиции отцов и дедов, хранить в сердцах православную веру, быть достойными своего русского имени. Что касается воплей недоброжелателей, стоит прислушаться к мнению протоиерея Всеволода Чаплина: «Есть люди, у которых любой русский и российский патриотизм вызывает иррациональную злобу, беснование».

Страсти, разгоревшиеся вокруг мультфильма, ставят вопрос: есть ли у нас осознанная политика воспитания юных граждан? Какими хотим мы их видеть? В советские времена образовательные школы, многочисленные детские спортивные кружки и секции, Детгиз, юношеская киностудия им. Горького и целый ряд других учреждений выполняли госзаказ на формирование поколения созидателей, способных обустроить свое отечество и при необходимости самоотверженно его защищать. Затем время как будто пошло вспять: юных представителей государствообразующей нации стали воспитывать в духе гедонизма, развращать, делать из мальчиков маменькиных сынков, превращать в «поколение пепси». Апофеозом такой политики стала ювенальная юстиция, разрушающая саму основу детско-родительских отношений, на которых веками держалась семья как основная ячейка общества.

Ценность ленты «Дети против волшебников» состоит в том, что коллектив ее создателей и поддержавшие его организации, имеющие общественный и государственный статус, задались целью формировать из детей не потребительскую массу, живущую под девизами «здесь и сейчас», «бери от жизни все», а ответственных членов общества, имеющих твердые убеждения, разделяющих общие ценности и умеющих их отстаивать. «Дети против волшебников» — один из немногих, если не единственный фильм для подростков, создатели которого выступили против легализации зла.

Елена Асанбекова, административный директор мультфильма, рассказала «Русской планете», как родилась идея фильма: «У моих знакомых дочь-первоклассница принесла домой книгу «Как стать волшебницей». С виду обыкновенная сказка, но, стоит раскрыть страницы, а там алгоритм абсолютно сатанистских ситуаций, который учит девочек шаг за шагом становиться ловкими, пронырливыми и добиваться так называемого успеха. Там были, например, подделки, как обмануть родителей, как забрать деньги у одноклассников. Мы начали смотреть: а что в мире детской информации может быть противовесом таким книжкам? И поняли, что ничего, никакого противовеса нет. Так родилась идея мультфильма, а вместе с ней понимание того, что полубоя — это наши собственные дети».

«Против детей идет настоящая информационная атака, причем делается это на законных основаниях, — говорит епископ Климент. — Вот, например, вводили в школьную программу предмет «валеология». В его рамках детям, не окрепшим ни физически, ни морально, вдруг предлагалось рассматривать такие вопросы взаимоотношений между мужчиной и женщиной, которые и у взрослых-то людей вызывают смущение, а тут дети! Это было вопиющее безобразие. Или, например, в учебниках 6-го класса по истории было определение еретиков: это те, гласила версия учебника, кто даже до смерти борется за истину, за правду. Такая ситуация не просто возмущала, а отзывалась болью в сердце. Уверен, что подобное чувство боли и возмущения испытывали все православные люди, кому впрямую доводилось сталкиваться с примерами подобных развращающих уроков, безнравственных программ, растлевающих книг, аморальных передач. Но получалась интересная ситуация: зло налицо, очевидно, а бороться с ним невозможно. Потому что не видно источника зла. Где-то принято решение, кем-то подписаны документы, всё на законных основаниях. Начнёшь возмущаться, призывать к ответственности, требовать запрещения — и тебя сразу обвинят в обскурантизме, закричат о «свободе слова», о «правах человека», ну и так далее. Набор приемов, в общем-то, известный, ничего нового, но, к сожалению, эффективный. И тогда родилась идея создать мультфильм, который стал бы неким ориентиром для детей в нашем сознательно искаженном ложной информацией мире. Который прививал бы простые, но вечные ценности: веру, любовь к Отечеству, желание помочь близким, честность. И я с радостью эту идею поддержал».

Павел СУШКОВ

МАМЫ ЗА ДЕНЬГИ

Суррогатное материнство. Какое-то странное сочетание двух совершенно неподходящих друг к другу слов. Первое имеет ярко выраженный отрицательный окрас: ненастоящее, ложное. От второго же веет теплом, добротой и благородством.

Хотя, если провести углубленный анализ, сочетание это покажется не таким уж нелепым. Суррогат, согласно толковому словарю, — предмет, лишь по некоторым признакам являющийся заменой настоящего. А материнство — это не только собственно состояние матери, но и свойственное ей сознание родственной связи ее с детьми. То есть, русский наш язык очень даже точно определил состояние вещей: материнство не настоящее, а лишь отчасти напоминающее таковое. Только вот назвать этим неудобоприятным сочетанием — суррогатная мать — скорее хочется назвать заказчика, а не исполнителя этой странной «услуги». Формально вроде мать, но — не мать.

Конечно, я немного слукавил насчет русского языка, ведь слово «суррогат» — заимствованное из латинского. Да и вообще, в английском языке, на котором нынче говорит всё продвинутое человечество, это явление обозначается точно так же: «surrogate motherhood». Вот только режет ли оно слух англоговорящим гражданам — не знаю.

Западной модели мышления, принятой в наши дни за единственно правильную, свойственно механическое восприятие окружающего. Мы, вслед за англичанами и немцами, привыкли всё классифицировать и упрощать. Бесконечную многогранность окружающего мира мы пытаемся впихнуть в какие-то понятные нам алгоритмы. Вместо творческого замысла Создателя — борьба за выживание, вместо любви и дружбы — партнерство, вместо семейных ценностей — права и обязанности родителей и детей.

Суть материализма, де-факто ставшего официальной мировой религией, заключается в том, чтобы доказать нам, что мы — животные, пусть и самые развитые, но все-таки — животные. А это значит, что всё лишнее, что есть в человеке, — честь, совесть, любовь и прочее — отпадает за ненадобностью. Остается только партнерство и борьба за выживание. Механический мир делает из нас биороботов.

В этом же ключе надо понимать и появление суррогатного материнства. Материалисты видят в детях лишь биологическое продолжение родителей, а потому — не считают передачу «технической части» третьему лицу чем-то неприемлемым.

Но человек устроен бесконечно сложнее, чем мы хотим это воспринимать. Живые ростки души пробиваются сквозь всё наносное — ошибочные знания, искаженное мировоззрение, принятые в обществе нормы — и тогда человек вдруг поступает вопреки тому, что ожидают от него теоретики материализма, поступает так, как ему естественно, по-человечески.

Русской цивилизации не свойственно примитивное материальное восприятие мира. Но, к сожалению, мы всё больше идем на поводу у «продвинутого человечества».

Связь матери и ребенка начинается тогда, когда он зарождается в ее утробе, и к моменту появления младенца на свет их отношения уже проходят определенный этап развития, мама и дитя становятся родными друг другу не только телесно, но и духовно.

В одной из статей на эту злободневную тему мне попался замечательный момент: «Суррогатное материнство в России не развивается в силу дороговизны, а также вследствие менталитета российских граждан — слишком часто суррогатные матери пытаются «отвоевать» неродного ребенка у биологических родителей».

Представьте себе: здоровая русская девка из вымирающей деревни приезжает в город по объявлению о наборе суррогатных матерей. У нее нет образования, нет профессии, она не очень умна. Всё ее духовно-нравственное развитие — это телевизор, с его малаховым и сериалами о семейных дрызгах. При этом здоровья у нее, в отличие от городских барышень, хватит на десятерых детей и еще останется. И вот она принимает «заказ». Но по мере того, как суррогатная мать носит в себе чужое дитя, из запрограммированного биоробота она постепенно превращается в Человека, в Мать, которая не приемлет противоестественное. Это мой ребенок! Заберите свои бумажки, отдайте мне дитя! Человеческое побеждает.

Помнится, когда в России стоял вопрос об узаконивании этого самого суррогатного материнства, по телевидению, радио и в газетах были жаркие споры, обсуждения, дебаты. Были бесконечные возражения представителей Церкви, вечно мешающих прогрессу человечества. Тем не менее закон приняли, и продажное материнство стало легальным.

Физическая сторона этого узаконивания не так уж важна. Услуги суррогатных матерей — удовольствие не для бедных, и те, кому они требуются, не остановились бы перед нарушением закона.

Но его духовная сторона — это то, что данный закон легализует торговлю собой, причем не только телом, но и чем-то большим. Материнство теперь продается. Оно стало обычным товаром на рынке услуг. На него повесили ценник и выставили на витрину. Ну а если это товар — то к нему применимы все законы рынка.

Вот материнство выставлено на продажу. Но спрос на него маленький — цена высока. Тогда появляются другие участники рынка, предлагающие данный товар на более выгодных условиях.

«Акция! Мама напрокат со скидкой! Только до 31-го!», «Суррогатные мамы из СНГ! Низкие цены!», «Не понравится — вернем деньги!».

Услуга дешевлеет — закон рынка. Появляются недобросовестные исполнители, теневой рынок, криминал. Заключаются и расторгаются договора. Исполнители судятся с заказчиками, доказывая качество «товара». Заказчики, по сложившимся обстоятельствам, не забирают заказы... А куда девать побочный продукт — детей, остающихся после несостоявшихся сделок?

Это не злая ирония, а уже почти реальность. На канале ОТР недавно был репортаж о случае, когда будущие родители отказались от своего ребенка и оставили его суррогатной матери (которая, собственно, не была готова к материнству). Мотивировали это «родители» тем, что они на всякий случай договорились с несколькими суррогатными матерями. И ребенок у них уже есть, больше не надо, спасибо.

Конечно, пока это — скорее исключение. Но что будет дальше?

В конце девятнадцатого — начале двадцатого века в мире искусства появились всевозможные экспериментаторы — Малевичи, Шагалы, Кандинские... Тогда это было жутко оригинально — когда все «старомодные» художники стараются-выписывают академическую живопись, взять и намалять черный квадрат или красный треугольник на белом листе. В мире Бунина и Бальмонта, Шишкина и Левитана это выглядело новой струей, было оригинально. Но в конце концов эта струйка превратилась в бурной поток, смывший настоящую красоту, затопивший нечистотами и дисгармонией оживлявшее души искусство. Сегодня прекрасные классические произведения всё настырнее подменяются уродливыми композициями Марата Гельмана, Яна Фабра и иже с ними.

В наше время суррогатное материнство еще не имеет таких гротескных форм, каковые изображены выше, и супружеские пары, идущие на этот шаг, в большинстве случаев действительно не могут завести ребенка по состоянию здоровья. Но это сейчас, пока общество еще здорово. Этой противоестественной струйке еще предстоит стать бурной рекой, смоющей всё. Смоющей самое общество.

Кстати, еще одна деталь. Не знаю, думают ли о ней покупатели суррогатных услуг. Как отнесется выросший ребенок к тому, что его носила под сердцем чужая женщина, причем за деньги? Не станет ли это для человека проблемой всей жизни?

Так как же быть бедным мамам, желающим, но не могущим завести ребенка? Не тем, которые боятся растяжек на животе или которым некогда ходить беременными, но ребенка ужасно хочется, а тем, кто по-настоящему нуждается?

Многие наверняка слышали такие истории, когда родители, у которых долго не получается завести дитя, берут в семью приемного ребенка, и вдруг — о чудо! — жена после этого беременеет, несмотря на то, что с медицинской точки зрения это почти невозможно.

Обычно в таком случае говорят, что проснулся материнский инстинкт, и организм сделался способным к зачатию. Может, оно и так, но я не медик, и потому хотел бы рассмотреть духовную сторону этого явления.

В Дивеево очень часто приезжают бесплодные пары. Кто-то посещает святое место формально: приложиться, испуститься, постоять, и — дальше. Может быть, в языческое капище или в буддийский храм. Есть даже у туркомпаний специальные «Детородные туры». Да-да, не смейтесь. Кто-то, действительно, «вымаливает».

Для этого нужны не формальные действия, а искренние движения души. Те, кто сумел измениться, в чем-то покаяться, обрести решимость что-то больше не делать, те — не остаются неутешенными. Чудеса случаются, но не всегда становятся достоянием общественности, а остаются между просящими и Дающим.

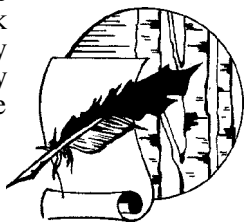
Те матери, которые показали свою решимость быть такими, приняв чужое дитя, как свое, становятся способными получить следом и кровное дитя, и оно — дается им. Но вместо попытки исправить себя люди часто идут наперекор, получая ребенка противоестественным способом и не понимая, что в итоге это может обернуться для них и для их детей настоящей трагедией.

ПАМЯТИ ТАТЬЯНЫ

Татьяна Михайловна Глушкова родилась в 1939 году в Киеве. Ее родители были физиками-рентгенологами, и сразу после начала войны их институт был спешно эвакуирован, а маленькая Таня и ее бабушка остались под немцами и пережили оккупацию в украинском селе. Только в мае 1945 года семья вернулась в Киев, но родители Тани прожили недолго, так как работа рентгенолога в то время неизбежно была связана с лучевой болезнью. В 13 лет она осиротела.

Таня на всю жизнь запомнит послевоенный полуразрушенный Киев, и, став поэтом, она неизменно будет возвращаться в стихах к тем картинам, запечатленным в детском сознании. А в конце жизни напишет замечательную книгу воспоминаний о том времени и впечатлениях своего детства.

В 20 лет она поступила в Литературный институт и навсегда переехала в Москву. По окончании института работала экскурсоводом в Михайловском. И с тех пор любовь к Пушкину, огромная тяга к его духовному наследию будут вести по жизни Татьяну Глушкову до конца дней. Ее творческое

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АРХИВ

кредо найдет концентрированное выражение в прозренческой мысли о том, что в русском искусстве и шире — во всей русской культуре XIX и последующих веков есть только одна наивысшая, объединяющая всех традиция — пушкинская.

Скончалась Татьяна Михайловна в 2001 году от долгой, хронической болезни. Похоронена на Переделкинском кладбище.

* * *

В 1983 году, когда мы встретились с Татьяной Глушковой, она жила на окраине Москвы, на улице Лавочкина, в районе метро «Водный стадион». Занимала она маленькую однокомнатную квартиру на самом верху блочной девятиэтажки. Летом крыша девятиэтажки накалялась от солнца, и в квартире стояла жуткая жара.

С помощью руководства Московской писательской организации Татьяна добилась получения ордера на другую квартиру — в писательском доме на Астраханской улице. Она была очень этому рада и готовилась к переезду. Но вышла серьезная заминка. Дело было в том, что квартира на Астраханской улице принадлежала известному поэту, секретарю Московской писательской организации, который, став лауреатом Госпремии, должен был переехать в еще более престижный номенклатурный дом в Лаврушинском переулке, в центре Москвы. А переезжать он туда не спешил, потому что со своей женой затеял там какой-то баснословный ремонт. Но в квартиру Глушковой должен был въехать другой писатель, вообще не имевший в Москве жилья и обитавший у знакомых. У него тоже был ордер на руках, и он звонил Татьяне через день с требованием освободить помещение.

Прошел месяц, второй, а лауреат Госпремии всё не переезжал. Точнее говоря, не переезжали взрослые еврейские дети его супруги от первого брака, которые и обитали в этой самой секретарской квартире на Астраханской улице. Сам же лауреат Госпремии проживал в другой квартире, принадлежащей его жене.

Татьяна оказалась между двух огней. С одного места ее гнали, а в другое не впускали. В конце концов терпение ее лопнуло, и мы с нею приехали домой к секретарю-лауреату, пригласив с собой участкового инспектора. Только из-за присутствия участкового нам открыли дверь. Дальше прихожей нас не пустили. Милиционер попытался объяснить супругам, что по закону после получения ордера квартира должна быть освобождена в течение месяца. Лауреат Госпремии, насупившись, молчал. Но тут вперед выступила его жена и, нецензурно выругавшись, заявила: «Как вы смеете нам

указывать! Мы люди другого положения!» После чего воспрянул духом и сам лауреат: «А вы, — указал он на меня пальцем, — в Союз не вступите. Я вам обещаю». Он имел в виду мое вступление в Союз писателей СССР.

Татьяна ждала еще полмесяца. Наконец секретарская квартира была освобождена. Когда мы в нее вошли, то сразу увидели, что жить в ней нормальному человеку нельзя. Такой грязи, засаленности и насекомой живности я не встречал даже в тех общежитиях, через которые мне пришлось в своей жизни пройти. Полгода мы потратили на капитальный ремонт этой квартиры. Пришлось заменить в ней абсолютно всё. Зато потом, когда к Татьяне приходили многочисленные гости, все они удивлялись: как это нам удалось сделать такую уютную, красивую писательскую квартиру из той загаженной, кишашей тараканами еврейской халупы?

После ремонта мы пригласили священника отца Валериана (Кречетова), и он эту квартиру освятил. Вскоре отец Валериан меня крестил в своей церкви в поселке Отрадное недалеко от Москвы. Это было необыкновенно солнечным, морозным январским утром 1985 года.

А лауреат Госпремии, между прочим, свое слово сдержал. Пройдя Бюро поэтов и Приемную комиссию, я был срезан на Секретариате Московской писательской организации: известный поэт резко выступил против моего приема в Союз писателей. Владимир Цыбин, выйдя с заседания Секретариата, которое проходило в ЦДЛ, подошел ко мне и сказал: «Терпи. Это плата за связь с Глушковой». Пришлось ждать еще целый год, прежде чем по апелляции я был принят на Секретариате СП России, где председательствовал Юрий Бондарев.

К сожалению, квартира Татьяны Глушковой на Астраханской улице после ее смерти была кому-то продана.

* * *

В сентябре 1985 года мы с Т.Глушковой побывали во Пскове. Нас там обещал встретить критик Валентин Курбатов, однако не встретил. Мы поселились в гостинице. Татьяна несколько раз звонила Курбатову домой, но телефон не отвечал. И мы целую неделю были предоставлены во Пскове самим себе. Гуляли по городу, по набережной реки Псковы, осматривали псковский кремль, древние полуразрушенные крепости, монастыри и храмы, съездили в Псково-Печерскую лавру. Потом ранним утром сели на речную «Ракету» и по Чудскому озеру приплыли в Эстонию, в город Тарту (бывший Юрьев). Надо сказать, что прибалтийские республики еще в советское время для нас, жителей России, были как

заграница. Мы бродили по узким малолюдным экзотическим улочкам Старого Тарту, заходили в магазины, заваленные импортными товарами, в маленькие уютные кафе, всё более ощущая себя в какой-то другой стране. По каменным ступеням мы спустились в глубокое подzemелье бывшей крепости, где когда-то, в прошлые века, находился оружейный арсенал. Теперь там устроили еще одно кафе, вернее, бар, стены которого были выложены огромными голыми камнями, а над стойкой висело чучело совы с блестящими круглыми глазами и распахнутыми крыльями. Создавалась иллюзия, будто ты попал в Средние века.

Надо напомнить, что с середины 1985 года уже началась горбачевская «борьба с пьянством», и по всей стране в кафе запрещалось продавать крепкие спиртные напитки. Но Эстония жила по своим законам. Барменша без лишних слов приносила нам за столик водку с соком столько, сколько мы заказывали, и при этом мило улыбалась. Когда мы вечером вышли наверх, то с башни ратуши раздавался бой старинных часов. Мы возвращались на «Ракете» во Псков, и у нас обоих было такое ощущение, словно мы побывали в сказке. Уже в Москве я написал стихотворение «Обещание», которое начинается со слов:

*Всё, что есть, я поставлю на карту
и ничуть не раскаюсь потом, —
мы еще посетим в Старом Тарту
этот рай под свиным крылом...*

Что же касается Валентина Курбатова, то не могу не сказать, что он просто испугался общения с Глушковой в своем родном городе, где в то время старался выглядеть в глазах местной интеллигенции таким либерал-патриотом. В восьмидесятые годы сионизированная печать уже в избытке нацепляла на Глушкову свои излюбленные ярлыки — «ретроградка», «мракобеска», «антисемитка» и т.п. Одно дело вести с Татьяной личную переписку, где можно казаться очень смелым, бескомпромиссным товарищем и единомышленником, и совсем другое дело — общаться с «антисемиткой» открыто, на виду у всеведущей еврейской «общественности»... Вот Курбатов и спрятался от нас, когда мы проездом на неделю остановились во Пскове.

* * *

Когда мы познакомились с Татьяной Глушковой, она вела меня в круг своих друзей. Среди них подвизался ныне забытый поэт Лев Смирнов. Через некоторое время Татьяна

пожаловалась мне, что ее донимают каждодневные провокационные телефонные звонки, действующие ей на нервы и мешающие работать. Причем звонящие упорно повторяли одни и те же фразы: «Это квартира Юнны Мориц?» или: «Позовите Юнну Мориц». Сомнений не было, телефонные провокаторы точно знали, что Ю.Мориц была непримиримым идеологическим «оппонентом» Т.Глушковой.

Я посоветовал ей обратиться с заявлением в местное отделение милиции, что она и сделала. Вскоре ее пригласил для беседы начальник отделения милиции, который сообщил ей, что хулиганские телефонные звонки исходили из квартиры Льва Смирнова. Татьяна была крайне поражена. Л.Смирнова вызвали на Секретариат Московской писательской организации и предупредили его об исключении из Союза писателей, если это будет продолжаться. Хулиганские звонки прекратились.

* * *

У нас с Татьяной была своя тайна — озеро Белогуль. Мы с ней много путешествовали по России и Прибалтике, но такой сказочной природной красоты нигде не видели. Кого я ни спрашивал из своих знакомых, никто про это озеро даже не слышал.

Оно сияло под нами голубой гладью в глубокой впадине, окруженной древним сосновым лесом на Псковщине, в десяти километрах от Михайловского, в котором мы с Татьяной жили целых две недели ранней осенью 1985 года. Забыть это невозможно. Наверняка его видел Пушкин. Озеро Белогуль не раз упоминается в стихах Глушковой.

Мы обошли пешком все окрестности Михайловского, Тригорского, Петровского и Святых гор. Красота тех мест необыкновенна. Ее видели многие поэты. Но кто видел озеро Белогуль? Оно до сих пор стоит у меня перед глазами...

* * *

Поначалу Татьяна дружила с Юрием Кузнецовым и Вадимом Кожиновым, который в 80-е годы всячески раскручивал Ю.Кузнецова как поэта, превознося над другими. Но быстро поняв, куда русскую поэзию заводит «кузнецовщина», она порвала с ними отношения. В 1987 году Татьяна Глушкова опубликовала разгромную статью о стихах Кузнецова в своей книге критики «Традиция — совесть поэзии».

Она любила принимать гостей, любила готовить, устраивать многолюдные чаепития и отмечать праздники. Чуть ли не вся русская творческая элита перебивалась у нее в гостях. Приходил к нам с Татьяной и Анатолий Передерев. У них

были очень добрые отношения. Он вел себя с нами на удивление тихо, мирно, даже интеллигентно, что, глядя на него, казалось просто поразительным. Обычно в буфете ЦДЛа уже после первых двух рюмок он почти всех окружающих называл болванами и идиотами.

Лучшей подругой Татьяны была поэтесса Светлана Кузнецова, а верным ее товарищем был поэт Владимир Цыбин. Из всех, названных мною, в живых уже нет никого.

Мы с Татьяной бывали в гостях у Петра Палиевского, Анатолия Сафронова, Ст. Куняева, Всеволода Сахарова (литературоведа). Однажды в ресторане ЦДЛа (в знаменитом Дубовом зале) к нам за стол подсел Е. Евтушенко (к Глушковой он относился с пиететом) и проболтал с нами весь вечер. Пил он исключительно белое сухое вино, читал новые стихи, произносил какие-то многословные тосты, после которых, отглотив вина, лез целоваться.

Но вот А. Вознесенского она на дух не переносила, считая его насказью искусственным, выморочным графоманом, целенаправленно раздутым русофобствующей критикой.

Как-то летом в Доме творчества «Малеевка» наш номер в главном корпусе оказался рядом с номером Беллы Ахмадулиной. Белла, вся нарочито манерная, вызывающе изысканная, при встрече с Татьяной как-то сразу обмякала, сбрасывала манерность и начинала заискивать перед ней. Татьяна и впрямь знала цену всей этой ахмадулинской изысканности. Она рассказывала мне, как в молодости ее не раз приглашали на домашние «элитные» поэтические тусовки с участием Ахмадулиной, на которых та упивалась до такого безобразного состояния, что наутро от стыда боялась поднять глаза на присутствующих. Сталкиваясь с нами в холле главного корпуса, Белла тут же начинала лепетать что-то вроде этого: «Ой, Танечка, вы знаете, я иду кормить собачек, там есть такие маленькие, такие голодные, такие беззащитные...» и показывала целлофановый пакет с остатками еды из столовой. Действительно, все бездомные собаки сбегались к ней, когда она выходила из корпуса.

* * *

Несколько раз мы с Татьяной жили и работали в Доме творчества писателей «Дубулты», что был в Юрмале, на берегу Рижского залива. В тихую погоду мы с ней любили гулять по ровному песчаному берегу под крики бакланов и чаек. Но гораздо чаще Балтийское море было беспокойным, штормило и бушевало, особенно по ночам. Первое время шум и грохот волн не давали мне заснуть, я вставал, выходил на бал-

кон, вглядывался в темноту волнующегося моря, затем садился за стол и пытался писать стихи.

Татьяна открыла мне красивейший город — Ригу с ее непривычной для нашего зрения западной готической архитектурой, которая меня завораживала и увлекала, манила в глубь незнакомых улиц и переулков. Я был тогда влюблён в этот город, хотя то и дело пересекался с неприветливыми, колкими взглядами латышей...

Звучащий орган в Домском соборе, «три брата» — три острых шпиля с изогнутыми спинами котов наверху, красноствольные сосны Райниса на берегу залива, песчаные дюны, усыпанные цветущим вереском, холодно серебриющаяся Даугава — всё это, подаренное мне Татьяной, навсегда осталось в моей памяти. И тогда же всё это запечатлелось в моем лирическом цикле «Латвийский берег».

Известные критики поэзии в 80-е — 90-е годы прошлого века всё с Ю. Кузнецовым носились. И не замечали ни Цыбина, ни Фирсова, ни Светлану Кузнецову, ни Татьяну Глушкову, не писали об их творчестве при их жизни. А сами эти поэты себя вперед не выставляли. И если говорить о двух последних, то они вообще были обделены литературными премиями и какими-либо наградами. Зато некоторые намозолившие глаза критики нахватили этих премий и наград три короба. Ну как же, они ведь у нас главные писатели!..

Татьяна ГЛУШКОВА

НА СОПКАХ МАНЬЧЖУРИИ

И.С. Козловскому

Эта грусть не сейчас родилась.
Это звякнул «Георгий» в коробке.
Это льётся над родиной вальс,
заливая маньчжурские сопки.

А в окне столб луны голубой —
словно хлынуло море на сушу.
Бескозырки плывут чередой
по мою сухопутную душу.

Далека ты, родная земля,
не видать в этом жёлтом тумане.
Гаолян покрывает поля,
точно сплю я сама в гаоляне.

Это с чёрной тарелки певец —
с чёрной пахоты, из-под Полтавы...
Где ж ты, лирник, рыдальщик, гонец —
вестовой нашей горестной славы?

Под конец еле слышен рассказ,
заносимый песком и метелью...
Это льётся над родиной вальс —
над твоей и моей колыбелью.

* * *

В.Х.

А я сказала: «Будь мне другом,
свидетелем судьбы моей», —
покуда ты глядел с испугом
из-под нахмуренных бровей.

Пока мои слепые руки
еще тянулся целовать...
Весны моей родные звуки
уже откатывались вспять.

И я ничем уж не владела,
достойным боли и любви.
И лучезарный отблеск тела
уж не был на устах молвы.

И то, что назвалось душою
и созидалось в тишине,
как будто с полою водою
ушло, не помня обо мне.

И то, что наполняло строки
такой девичьей простотой,
желтеет, точно лист осоки
над непорочною водой.

И та, что надевала крылья
зарянок, бабочек, стрекоз,
среди густого чернобылья
уснет под шорохи берез.

И разве в запахе черемух
он пробелеет над тобой —
тот юный взмах, тот дивный промах,
что звался сумрачною... мной

и, словно жаворонка песня,
при сельской утренней звезде
теперь влетает в поднебесье
и плачет в черной борозде...

* * *

Когда красавицей была,
когда душой твоей владела,
когда оливковое тело
как будто душу берегла;
когда черемуха мела
по голубому Подмосквью;
когда бессмертную любовью
любовь умершую звала;
когда береза, как сестра,
под ветром примеряла серьги,
а там, у чернышевской церкви,
всходили нежно клевера;
когда широкие леса
кукушка гулко окликала, —
я никого не узнавала,
а только шла на голоса
и только думала: продлись,
земли сырой родное счастье,
а вы, нивянки, разукрасьте
за речкой даль, за речкой близь,
а ты, пшеница, колосись
по обе стороны дороги,
а вы повремените, сроки
прощанья — длительностью в жизнь!
И ты, кого еще люблю,
и ты, кого еще лелею,
поберегись: казною всею
еще заплатишь соловью,
заплатишь знобким вечерам,
моим бузинникам горячим
и тем заносчивым, незрячим,
тобой не читанным словам,
какие в книжицу мою

весна московская вписала, —
когда красавицей слыла,
когда разлучницей бывала!
Когда ступала золотым
лужком удушливой сурепки...
А после — ветошки да щепки,
и эта гарь, и этот дым.
А после — только черепки
той виноградной полной чаши,
в которой смех и слезы наши
еще горят среди строки,
еще уводят за село,
еще сажают под окошко,
где бродит горькая гармошка
и всю-то ноченьку светло!

ВЕЧЕРА РУССКОЙ МУЗЫКИ

Совсем не страшно — на свирели,
на лире, лезвии ножа,
пока и в мае, и в апреле,
листами нотными шурша,
кружат Свиридова метели,
поет Гаврилина душа.

И, умилен Вечерней жертвой,
ты прячешься между колонн.
Какою радостью бессмертной
тут каждый звук посеребрен!

Какой смиренною печалью,
какой властительной мечтой...
И плачет ночь под чёрной шалью,
и пляшет месяц молодой.

И сами звезды колядуют,
и вьются ленты голосов,
и музы в лоб тебя целуют,
начетчик букв, поденщик слов.

Тебя коснулось дуновенье
привольных сфер, отверстых недр —
дубрав купальское волненье,
Фавора златоверхий ветер.

* * *

Вот и стала хозяйкой лихою
с древней складкой глубокого рта.
Возрастила полынь с лебедою,
а твержу, что пьяна и сыта.

Замесила дорожную глину,
а твержу, что — крупитчатый хлеб,
Разогнула высокую спину —
вижу, месяц идет на ущерб.

Отпылали весенние годы,
налетают глухие года.
А веселое дело работы
не покинет уже никогда.

ЧАС БЕЛОВЕЖЬЯ

Когда не стало Родины моей,
я ничего об этом не слыхала:
так, Богом береженная, хворала! —
чтоб не было мне горше и больней...

Когда не стало Родины моей,
я там была, где ни крупички света:
заслонена, отторгнута, отпета —
иль сожжена до пепельных углей.

Когда не стало Родины моей,
я шла тропею к Неземной Отчизне.
Но даже там, как на горючей тризне,
не пел волоколамский соловей...

Когда не стало Родины моей,
в ворота ада я тогда стучала:
возьми меня!.. А только бы восстала
страна моя из немощи своей.

Когда не стало Родины моей,
воспряла Смерть во всем подлунном мире,
рукой костлявой на железной лире
брящая песнь раздора и цепей.

Когда не стало Родины моей,
Тот, кто явился к нам из Назарета,
осиротел не менее поэта
последних сроков Родины моей.

* * *

А та земля, в которую сойду,
которая в наследство мне досталась,
уже металась в пламенном бреду —
как будто вдруг к щеке моей прижалась...

Как будто этих пожелтевших рук
она ждала с заката до восхода,
как будто этот неутешный звук
сулит ей дождь иль солнце с небосвода.

Сулит колосья, полные зерна,
скоту — приплод, а девушке — обнову,
огонь в окне, и тени у окна,
и чью-то верность молвленному слову.

И чью-то разделенную любовь,
и кем-то сокрушенную разлуку,
и путнику — уже нежданный кров,
и грешнику — как раз по силам муку.

Сулит весну — и талый чернозем,
и эту жалость нежную к отчизне,
и всё, что мы опасливо зовем
не смертью, нет, но продолженьем жизни.

НАВЕКИ ПРЕСНЯ КРАСНАЯ КРАСНА...

Еще встает за окнами рассвет,
еще струится осень золотая.
Но нет Москвы. А есть — воронья стая
над стогнами страны, которой нет.

Над выщербленным Зданием Беды,
какое быть желало «Белым домом» —
лакейским флигельком под Вашингтоном,
куда ведут кровавые следы.

И над моей оглохшей головой,
когда дремлю, когда встаю до света,
и вижу: труп плывет у парапета,
отторгнутый речною глубиной.

Ни в воду вы не спрячете концы,
ни в грудь земли, ни в хляби небосвода...
Бредет в острожном рубище Свобода,
ведет коня слепого под уздцы.

Тоща, как Смерть, как черная вдова.
А следом — гулко катится телега...
Не убраны в полях разливы хлеба.
Не убраны тела до Покрова.

И слышу: танки валкие гремят
по старой Пресне — точно по Берлину!..
Нас гнут в дугу. А мы расправим спину.
Священным гневом горизонт объят.

Навеки Пресня Красная красна.
Навеки черен этот ворон черный,
что кружится над Родиной просторной
и над душой — как Спас, нерукотворной,
что плачет, страждет, мечется без сна...

Навеки Пресня Красная красна!

ВОЗДВИЖЕНЬЕ

Все так же своды безмятежно-сини.
Сентябрь. Креста Господня торжество.
Но был весь мир провинцией России,
теперь она — провинция его...

ОСЕНЬ 1991 ГОДА

Памяти Бориса Примерова

Живем... И вот дожили до седин
в тоске по юности первоначальной.
Позволь же грозди чёрные рябин
мне положить на этот гроб печальный.

Что горше осени? Ну разве ты, весна.
Тревожен твой черемуховый холод.
Ждет соловья ночная тишина.
Стучит в висках семипудовый молот.

О чем?.. И пусть косноязычна речь —
парит в ней гений нежности к отчизне...
Что сберегу? Что я смогла сберечь
от той, почти предсмертной нашей жизни?

Как шли в Вертушино сырým холмом —
один другого тише и болезней —
за козьим деревенским молоком:
оно стихов и гуще, и полезней.

Как шли... Сначала — берегом пруда,
болотцем, по затопленной лесине...
В те дни уже балтийская вода
не омывала берегов России.

Как шли... Какой-то жалкий арьергард...
Над ивняком, клубящимся в овраге...
«А ты представь, что я — кавалергард!
Что я, как Пушкин, в ласточкином фраке».

«А ты представь, — в ответ шутила я, —
что я лишь так себе и представляю...»
Друзья мои, друзья мои, друзья, —
кричал мой дух, — я тоже умираю!

Под тем курганом: насыпь до небес...
Под осыпью Советского Союза...
Уже неравным браком мелкий бес
с тобой венчался, солнечная Муза.

Уже слова не слушались. Уже
«Чур, чур меня!» — одно рвалось из сердца...
И серый пепел залегал в душе
изгнанника, калики, погорельца.

Кем мы казались жителям травы —
седым ежам и пухленьким полевкам?..
Как шли... К Москве, а может, от Москвы?..
По лестнице?.. По тлеющим веревкам?..

Уж все осыпалось... Лишь этот терпкий куст —
кус благодати — черной синевою
сиял... Вернись! Вернись! Как я сама вернусь,
когда глаза в последний раз закрою.

ПАМЯТНИК ПУШКИНУ

Как сумрачно, как страшно на Москве!
Растаял снег — и прозелень густая
на славной, н е п о к о р н о й голове
вдруг проступила, взор живой пугая.

Она струится по твоей груди,
по раменам, по старенькой крылатке.
О, Боже! То не Пушкин впереди,
то смерть — и тленья злые отпечатки!

Лютуют ч а д а п р а х а над тобой!
Глумятся: мол, и ты подобен праху...
О снегопад, отдай ему рубаху,
укутай пышной шубой снеговой!

Хитер он, твой бессмысленный палач!
Он душит то забвеньем, то любовью.
Он смрад клубит к святому изголовью,
хохочет он, заслышав русский плач.

Он назовет иронией судьбы,
нечаянной игрою непогоды
и ржавчину на месте позолоты,
и вспоротые древние гробы.

Он храм откроет подле кабака,
мелькнет в бедламе патриаршья митра.
А я мечтаю, что твоя рука
сжимает меч, а не поля цилиндра.

Как бесы в полночь, разгулялась чернь.
Ей трын-трава само скончанье света:
стяжает звезд нерукотворных зернь,
вбивает в землю отчий град поэта.

И знаю я, что тленья убежит —
навек вольна! — душа в заветной лире, —

а всё невмочь, когда в дневном эфире,
в подлунном, сл о в о м просветленном мире
когтистый вран над Гением кружит!

ЗИМНИЕ ПТИЦЫ

I
Молчим. Скорбим. Осиротели.
А может быть, она — мертва,
та Смерть под музыку метели
в канун Святого Рождества?

Ведь даже встрёпанные птицы
покинули её плеча,
чтоб впиться в нотные страницы,
крича, гортанно клокоча,

но вдруг светлея, розовея,
чтоб, сбросив чёрное перо,
вплетать в напевы снеговья,
напевов райских серебро...

II
И воском ласковый сочельник,
как медом солнечным, пропах.
И шепчет лапник, шепчет ельник:
«Что было — прах, легло во прах;

но то, что дух, — неодолимо:
себя свежей, себя вольней,
летит — молить неутомимо
о милой Родине своей!»

ДЕВЯТЫЙ ДЕНЬ

Еще и ель моя свежа:
горит в угоду новогодью.
Но плачет Музыка Душа,
душа, покинутая плотью.

Еще и пушкинская тень
остра, быстра в колонном зале.
Но гаснут свечи на рояле,
и полон мглы девятый день.

Еще стрекозы просверкнут
в золотых волосах крылатой арфы,
и струны вербный мёд прольют,
как мироздание из ладоней Марфы.

А флейта, внятная и там,
где сгрудились юго-славяне,
еще свирелит по лесам,
пастушит в солнечном тумане.

Еще гудёт Зеленый Шум
широкой праздничной кантаты, —
а мы полны тревожных дум
и тайной робостью объаты.

Как будто призрачную сень
незряче зрим, дремотно чуем...
То вьюги белая сирень
чело нам студит поцелуем.

То вражды сети — иль покров
молитвенно простерт над нами?..
А вьюга горсти жемчугов
швыряет в мертвенное пламя.

«Всё мрак и вихорь», — говорим,
да нет родней ее купели,
в ней — блеск седин, цветенья дым,
железа лязг и дробь капели;

в ней — гнев, и навьи голоса
хохочут, свищут и стенают,
и словно белые леса,
с корнями, по небу летают...

А вот приляжет у креста,
взобьется облачком в изножье, —
лебяжьим помыслом чиста,
утешлива, как слово Божье.

И, хвойной веткою шурша,
она до горнего чертога
превознесет тебя, душа:
к Отцу — от отчего порога!..

ПОД СРЕТЕНЬЕ — СОРОКОВИНЫ

I

Ныне отпущаеши...

День Сретенья, ты день разлуки!
Прощальный звон... Приветный звон...
Как жадно старческие руки
простёр усталый Симеон!

Как нежно примет он Младенца,
как трепетно введёт во храм!..
Белеют снегом полотенца
вокруг иконы по углам.

Ведь, право, нет уже причины
томиться в дольных берегах...
И ты, душа, из отчей глины
летишь, летишь, покинув прах.

Оплакав прах, что был прекрасной —
земной Отчизною твоей,
где голый куст рябины красной —
зрит огорчённый воробей.

Где гимны русскому раздолью
смычки метельные поют;
где всклень полна счастливой болью
душа, свободная от пут.

Где голубое Лукоморье
затмило взору явь и близь;
где волей солнышка на взгорье
озимых всходы поднялись.

Где разом вербы посмугтели
и снится Вход в Ерусалим...
Где робко на Страстной неделе,
«Минуй мя, чаша...» повторим.

II

А Сретенье зовём — Громница.
И се — громничная свеча
среди звезд морозных золотится,
как летний полдень, горяча.

И се — кутья поминовенья
из красных, каменных пшениц.
Еловой ветки мановенье...
Чуть слышный возглас половиц...

И, как надгробие печали,
как, может быть, сама печаль,
чернеют ноты на рояле,
как чёрный лёд, блестит рояль.

III
День Сретенья!.. Осиротенья
вчерашний день... Но как светла
долина слёз, обитель пенья,
где сорок дней метель мела;

где скорбно в белоствольном зале
склонился долу мерзлый куст;
где всей землей мы прошептали
по Музыке сорокоуст.

Дорогие читатели «Молодой гвардии», у вас есть возможность получить в подарок Собрание сочинений в 6 томах главного редактора журнала Валерия Хатюшина. Для этого необходимо приехать в редакцию или оплатить почтовую доставку в сумме 500 руб. Деньги нужно перевести на банковскую карту Сбербанка № 63900238 9037017175, указав в сопроводительном письме свой полный почтовый адрес.

Дорогие друзья!

Не забудьте оформить подписку на «Молодую гвардию» на вторую половину 2017 года. Наш журнал существует исключительно на средства, поступившие от подписки. Мы же со своей стороны обещаем вам на страницах «Молодой гвардии» новые интересные, острые материалы, которые не оставят вас равнодушными.

В каталоге Роспечати подписной Индекс «МГ»: 70544 — как для индивидуальных подписчиков, так и для предприятий и организаций.

Финансовую помощь журналу
направлять по следующим реквизитам:

ЗАО «Журнал Молодая гвардия».

Юридический и фактический адрес:

127015, Москва, ул. Новодмитровская, д. 5-а.

ИНН 7715083142

КПП 771501001

БИК 044525225

ОКПО 29182000

ОГРН 1027739541840

К/с 30101810400000000225

Р/с 40702810738320101178

ПАО Сбербанк России, г. Москва.

В платёжном поручении указать: «Помощь журналу».